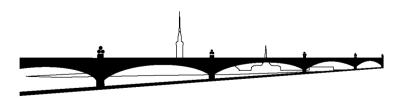
МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ОЙРОТОВ И ШОРЦЕВ

А. В. Анохин

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ОЙРОТОВ И ШОРЦЕВ

ИздаТельСкий Дом Мост

Санкт-Петербург 2013 УДК 39;572.9 ББК 28.89 (2Рос.Алт.) А 69

Анохин А.В.

А 69 Материальное производство ойротов и шорцев / Подг. текста и посл. А.В. Малинова. СПб.: Издательски дом Мост. 2013. – 224 с.

В книге опубликованы материалы из архива известного исследователя Алтая, этнографа и композитора Андрея Викторовича Анохина (1869–1931), собранные во время экспедиций по югу Западной Сибири в 1910-е – 1920-е годы. Книга издается в редакции 1935 г. с предисловием и примечаниями Д.К. Зеленина.

Для всех интересующихся историей, материальной и духовной культурой Алтая.

На обложке линогравюра Н.И. Чевалкова «Кошмовалы» (1927), в оформлении текста использованы рисунки художника С.В. Дыкова

Подписано в печать 28.03.2013. Формат 84х108 ¹/₃₂. Объем 14 п. л. Тираж 200 экз. Заказ № Отпечатано в Производственно-полиграфической компании «Литография» С.-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8.

ISBN 978-5-905310-02-7

Д. К. Зеленин

А. В. АНОХИН И ЕГО АРХИВ

Исследователь Алтая, Андрей Викторович Анохин (1869– 1931) принадлежал к числу тех дореволюционных этнографов, которые не замечали в изучаемом ими «народе» классового расслоения и классовой борьбы. Главным и даже единственным предметом этнографического изучения они считали «народное творчество», а именно - словесные произведения, религиозные представления и верования, орнамент и искусство вообще. А.В. Анохин был, в добавок, ещё композитором, и он главное своё внимание сосредоточил на музыке ойротов. Внимание художника А.В. Анохина было приковано ещё к своеобразной профессии и оригинальным типам ойротских шаманов, в песнопениях и во всём поведении которых не мало оригинальной импровизации. Всё то, что относится к экономике ойротов, к их классовому угнетению и даже, вообще, к социальным отношениям, - это всё оставалось в тени и почти не затронуто в рукописях А.В. Анохина.

Правда, ученики А.В. Анохина оказались в данном отношении выше своего учителя, и в их черновых рукописях мы встречаем некоторые данные о социальных отношениях туземного населения вообще, об эксплуатации и классовом расслоении ойротов, в частности. Сам же А.В. Анохин, например, в материальной культуре ойротов изучал только *творчество*, почему и больше всего интересовался орнаментом. В дневнике 1913 г., говоря об обрусении части шорского населения, А.В. Анохин пишет: «Орнаментов на костюмах, как добавочного элемента, совершенно не замечается. *Творчество погасло*» (№ 61. С. 58).

Главный печатный труд А.В. Анохина, изданный в 1924 г. Музеем Антропологии и Этнографии Академии Наук, имеет своим предметом, как известно, изучение шаманства: «Материалы по шаманству у алтайцев». В рукописном архиве А.В. Анохина, оставшемся после его смерти и заключающем в

себе 147 папок, главное внимание также уделено шаманству разных племён Алтая. Этим последним рукописям архива о шаманстве, будет посвящён второй том настоящего издания. Этнографическим сборам А.В. Анохина, относящимся к шаманству туземцев Алтая, посвящена ещё статья известного сибирского этнографа Г.Н. Потанина «Этнографические сборы А.В. Анохина»¹. Третий том издания архива А.В. Анохина занят музыкальными записями.

Настоящий первый том Архива посвящён материальному производству ойротов и шорцев, чем занимался не столько сам А.В. Анохин, сколько его ученики.

Рукописный Архив А.В. Анохина, принадлежащий Ойротскому Государственному Музею и обрабатываемый Институтом Антропологии и Этнографии Академии Наук СССР, может быть подразделён на три главных отдела: 1) Путевые дневники А.В. Анохина в его многочисленных экспедициях по Алтаю; 2) Опыты этнографических описаний быта отдельных племён Алтая – шорцев, теленгитов и друг., или отдельных сторон этого быта, между прочим и материальной культуры, а чаще – шаманства, музыкального фольклора и иногда бурханизма. Сюда же должны войти и лекции А.В. Анохина по краеведению, читанные им в Чемале для третьей группы в школе второй ступени, а также в Барнаульской опытнопоказательной школе имени 3-го Коминтерна. Ряд докладов, подготовленных А.В. Анохиным и сохранившихся в Архиве, посвящён преподаванию церковного пения, буддийской храмовой музыке среди монголов и сойотов, композитору Глинке и т. п.

3) И в своих лекциях, и в своих описательных работах, которые подготовлялись для печати, А.В. Анохин широко пользовался записями своих учеников, а также ответами разных лиц на специальные анкеты-вопросники, составленные им же. (Один из таких ответов на анкету об одежде, принадлежащий жителю с. Чолушмана С.Я. Дон-Дуку, приведён нами ниже лишь с некоторыми сокращениями на с. 163–165. «Одежда теленгитов по рр. Чолушману и Башкаусу»). Рукописи

¹ Труды Томского Общества изучения Сибири. Т. III. Вып. І. Томск. 1915. С. 102–108.

учеников А.В. Анохина представляют собою главным образом описания отдельных сторон быта туземцев разных местностей Алтая, материалы для чего собирались им во время специальных организованных А.В. Анохиным летних ученических экскурсий по Алтаю. Некоторые из этих рукописей внешне красиво оформлены виньетками и т. п., так как они фигурировали на отчётных выставках, но это не мешает им быть малограмотными.

Во всех трёх отделах Архива А.В. Анохина преобладают черновые рукописи, часто писанные неразборчиво карандашом на отдельных клочках бумаги. Все рукописи Архива собраны в 147 папках и 16 тетрадях с музыкальными записями. Листы в папках перенумерованы А.И. Новиковым, который состоял тогда сотрудником Ойротского Музея. Но отдельные листы в этих папках нередко перепутаны: часто бывает так, что начало статьи в одной тетради, середина в другой, а конец в третьей. Встречаются также и рукописи без начала и конца. Когда Институт Антропологии и Этнографии принимал рукописи Архива от Ойротского музея, тогда была произведена новая регистрация всех рукописей, и они были вновь перенумерованы. Вот почему нам приходится указывать два разных номера для каждой рукописи, причём основным номером мы считаем цифру Ойротского музея, а не Института Антропологии. Очень часто в одной и той же тетради сшиты или в одной папке механически соединены рукописи и отдельные листки самого разнообразного содержания и происхождения.

Особый отдел Архива составляют рисунки (468 штук) и частью фотографии (193 штук). Черновых чертежей и набросков не мало в путевых дневниках А.В. Анохина. Рисунки же на отдельных листах сделаны большею частью для школьных выставок и обыкновенно дают зрителю лишь общее художественное впечатление от предмета, а не те детали, которые важны для этнографа, изучающего материальное производство.

Таким образом, Архив А.В. Анохина рисует нам быт народов Алтая однобоко и не полно. Социальная сторона быта вообще смазана, и классовое угнетение туземцев Алтая – своими зайсанами, русскими торговцами и русским царизмом вообще – не выявлено. В последние годы жизни А.В. Анохин, видимо, давал своим ученикам темы, касающиеся социальных

сторон быта туземцев, главным ом тему о семейных отношениях. Но рукописей на эти темы, даже и описаний свадебных обрядов, очень мало, и все они черновые-малогра-мотные.

Но нужно принять во внимание, что зафиксированный в рукописях Архива А.В. Анохина быт туземцев Алтая, особенно же примитивная техника ойротов и шорцев, не говоря уже о шаманстве – в данный момент полностью отошли в прошлое, в историю. Советское социалистическое строительство в течение нескольких лет совершенно переродило весь строй жизни туземного населения на всём Алтае. В Архиве А.В. Анохина мы, таким образом, имеем исторический документ, который рисует нам прошлое Алтайского края. Правда, рисует однобоко, но почти всегда не мудрствуя лукаво, фотографируя местную отсталую технику. Во всяком случае, во всей имеющейся литературе об Алтае нет столь детального описания примитивной техники разных племён Алтая в её целом. И особенно мало описаний, которые были бы сделаны самими ойротами. В Архиве же А.В. Анохина по вопросам примитивной техники преобладают как раз рукописи, где ученики А.В. Анохина, туземцы, описывали те именно работы, в которых они с раннего своего детства принимали непосредственное активное участие. В этом отношении рукописи учеников А.В. Анохина имеют даже преимущество перед статьями самого А.В. Анохина: последний почти всё описывал со слов местных жителей, часто не наблюдая лично тех работ, которые он описывал, например, зимней охоты, орехового промысла и т. п. Ученики же А.В. Анохина всегда описывали исключительно то, что они не только видели, но в чём принимали повседневное трудовое участие. К сожалению, молодые авторы рукописей большею частью не названы, и мы можем здесь привести лишь немногие фамилии: Алтайчинов, Гр. Лепёхин (?, подпись не разборчива), Чернов, Каншин, Белолитеров.

Взятые в целом, все рукописи архива охватывают период времени с 1909 г. по 1931 г., правда, с перерывами. Главная масса рукописей падает на 1913–1918 и 1922–1927 годы. Естественно, что в этих рукописях отразилась частично и та ломка быта, которая началась на Алтае вскоре после Октябрьской революции.

Первое этнографическое путешествие А.В. Анохина относится к 1909 году, когда А.В. Анохин изучал хакасов, танну-тувинцев, северных монголов, собрал материал по фольклору и народной музыке 16-ти тюркских племён. У таннутувинцев А.В. Анохин впервые зафиксировал особый вид пения одного человека на два голоса — сыгыртыр. Материалы этой экспедиции отражены в Архиве мало и лишь случайно. Имеется только одна тетрадь путевого дневника А.В. Анохина за июнь-июль 1909 г., где приводятся сведения о сойотах и частью о качинцах и сагайцах (№ 54. ИАЭ 99; 31 с.). От 1910 г. сохранилась также одна только рукопись — дневник за август, где имеются записи на р. Майме: предания и мифы (№ 29. ИАЭ 26).

Внимание центральных научных Институтов А.В. Анохин обратил на себя, прежде всего, своими музыкальными записями и одновременно своими сборами шаманских материалов. В заседании Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях 20-го октября 1910 г. было доложено и потом опубликовано в «Известиях» названного Комитета 1912 г. следующее сообщение: «В нынешний приезд в Петербург А.В. Анохин показал нам свой обширный материал по музыке (лирической, эпической, буддийской, шаманской) с записанными им текстами и фонограммами. А.В. Анохин намерен вновь ехать в Восточный и Западный Алтай для собирания по преимуществу лирических песен и шаманских молитв. Мы убедились в том, что А.В. Анохин записывает песни очень хорошо, причём он обладает абсолютным слухом. Мелодии сильно и скоро меняются, а кроме того во многих местах совсем исчезают. Для науки о языке запись мелодий представляется в высшей степени важным подспорьем. Чрезвычайно ценно было бы воспользоваться случаем и с небольшой сравнительно затратой (А.В. Анохину понадобилось бы 300 рублей) добыть большой и надёжный сбор по музыкальной этнографии. Кроме денег А.В. Анохин просит выдать ему открытый лист, в котором желательно особо отметить, что ему поручено также посетить Бачатских телеутов и Чульшманских тюрков»¹. А.В. Анохин получил от Русского Комитета нужную ему сумму денег, 300 р., и 12 дюжин валиков для фонографа. Нужно прибавить, что Русский Комитет официально состоял «под покровительством» самого царя, а председателем его был академик, известный тюрколог В.В. Раллов.

В том же первом нумере «Известий Русского Комитета» 1912 г. опубликованы два письма А.В. Анохина с Алтая, от 4-го октября 1910 г. и от 1-го июня 1911 г., оба отчётного характера (С. 112–114). Из этих отчётов явствует, что А.В. Анохин занимался пока на Алтае только шаманством, музыкальным и иным фольклором. С ним путешествовала художница А. Воронина, которая выполняла с натуры рисунки акварелью. Зарисованы были шаманские костюмы, бубны, идолы курмужеки, жертвенники различных типов, таилги и другие принадлежности культа. По поводу этих рисунков отчёт А.В. Анохина 1911 г. сообщает, что они «составляют собственность художницы Ворониной».

Летом 1909 г. Анохин сделал ещё две экскурсии по Алтаю – по р. Катуни и её притокам – «с целью собирания материалов по шаманству и лирических народных песен». Одновременно А.В. Анохин в 1909 г. записывал мелодии шаманских молитв, богатырского эпоса и лирической песни на валики фонографа (48 валиков). Что касается материальной культуры, то пока А.В. Анохин ограничился лишь приобретением для Музея Антропологии и Этнографии Академии Наук шаманского бубна и костюма, идолов и ритуальной посуды, употребляемой при жертвоприношениях.

С этого времени начинается тесная связь А.В. Анохина с Музеем Антропологии и Этнографии. В настоящее время в этом Музее имеется семь этнографических коллекций, собранных А.В. Анохиным в 1911−1924 годах. Преобладают в этих коллекциях «предметы культа». Коллекция № 1853, присланная в 1911 г. с реки Катуни, состоит исключительно из предметов культа. Коллекция № 2079, доставленная в январе 1913 г., заключает в себе 62 предмета шаманского культа – от

 $^{^1}$ Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Серия II. № 1. СПб., 1912. С. 34.

телеутов с реки Бачата и туземцев Кузнецкой тайги и с реки Катуни. Коллекция № 2242, присланная летом 1913 г., характеризует те же самые племена, но кроме шаманских предметов в ней имеются ещё и принадлежности местной одежды: халаты, шапки, рубахи, чулки, накостные украшения, серьги, а также трубки и потники. Коллекция № 2334, доставленная летом 1914 г., заключает в себе 229 «предметов быта и культа» - от шорцев, челканцев, кумандинцев, сагайцев и черневых [татар]. Тут имеются уже и охотничьи ловушки, земледельческое орудие озуп, стрелы, лыжи, огниво, мешки, светец, чашки, веретена, корыто, одежда и украшения. Небольшая телеутская коллекция № 2338 прислана летом 1913 г. с реки Томи. Доставленная летом 1914 г. коллекция № 2334, заключала в себе, кроме предметов с Алтая, также некоторые предметы сагайцев Минусинского края. Последняя по времени коллекция № 2952 получена Музеем Антропологии в июне 1924 г.; она относится к телесам, алтай-кижи и туба-кижи; преобладают в ней опять таки предметы шаманского культа.

Сбор предметов для Этнографического Музея невольно заставлял А.В. Анохина заниматься также и «предметами быта», материальною культурою, что первоначально было совершенно чуждо нашему этнографу. В путевых дневниках А.В. Анохина находим много туземных терминов, обозначающих разные предметы материальной культуры и их части, причём иногда даются также и схематические чертежи. Путевые дневники 1913—1915 годов (№№ 18, 58, 60, 61, 127 и 128) особенно богаты такого рода заметками, но основании которых А.В. Анохин составил потом большие статьи, посвящённые материальному быту шорцев и телеутов (№№ 41, 43, 139 и друг.).

Характеризуя материальную культуру туземцев, А.В. Анохин часто говорит о «заимствованиях». Этот неточный термин мы исправляли в тексте рукописей только потому, что имеем дело с изданием исторических документов. Читателю необходимо помнить, что так называемые заимствования всегда представляют собою не односторонний, а двусторонний процесс и точнее должны быть названы «скрещением культур». «Заимствующая» сторона не воспринимает пассив-

но, а всегда перерабатывает чужое по своему и «берёт» только то, что соответствует данной стадии её исторического развития.

Для характеристики А.В. Анохина, как этнографа-историка, приведём несколько извлечений из его рукописных статей, где он пытается характеризовать общее культурное состояние разных племён Алтая в связи со скрещением культур. В дневнике 1913 г. А.В. Анохин пишет о кумандинцах:

Все кумандинцы с давних пор живут совместно с русскими раскольниками и переселенцами. Естественно, что русские имели и имеют на них большое влияние в хозяйственном отношении и в устройстве домашней обстановки. Кумандинцы едва ли не первые из обитателей Алтая начали культивироваться по примеру русского крестьянина. Отсюда вполне понятно и естественно, что кумандинец опередил в этом отношении своих собратий – алтайцев, шорцев и телеутов, живущих дальше от полосы русского населения. Кумандинец в настоящее время [1913 г.] живёт в доме, имея двор и надворные постройки: амбар, пригоны, огород, крыши [навесы-сараи] и всю хозяйственную утварь, отчасти только своего изделия: чашки, ложки, сельницы корыта, а больше – русскую. Он хлебопашец там, где позволяют условия местности, где земля без леса и без камней. Но кумандинцу трудно приспособляться к новой обстановке после кочевого образа жизни, и всё его занятие земледелием пока не может сравняться с русским крестьянином, приучившим свои мускулы к труду и ловкости. У кумандинца пока во всём видно рабское подражание русскому. Такое же подражание замечается и в костюме. Женщина во многих местах носит уже платье русского покроя, мужчины – рубаху, пиджак и сапоги. Но кумандинцы не утеряли окончательно и своих костюмов. На старых людях можно ещё видеть рубахи своего покроя из грубой льняной и конопляной ткани с воротом, обшитым кумачём, дабой или ситцем. Женщины даже создали свои собственные моды: рубахи, кушаки, чулки, рукавицы с затейливым рисунком геометрической формы. Мотивы рисунков однообразны, их всего три, но краски разнообразны. Ткани для рубах, кушаков и чулок кумандинки ткут на обычных станках «кросна», какие распространены и у русских. Песни кумандинцев носят характер развращённого народа. Молодые парни поют их без стеснения перед девушками. Все кумандинцы курят – и мужчины, и женщины, и дети, а также пьют водку. В религиозном отношении равнодушны. Только болезнь заставляет кумандинца прибегать к умилостивлению злых духов разными жертвами. В обычное время они мало беспокоят себя молитвою к своим богам. Кумандинцы – шаманисты, но есть и крещённые. Браки совершают по старинным обычаям: воруют невест и уплачивают выкуп – калым (№ 58. ИАЭ 89. С. 38).

В дневнике того же 1913 г. А.В. Анохин пишет о шорцах:

Весь тупик (угол), начиная от гор. Кузнецка и кончая устьем Мрассы, все туземцы поддались большому обрусению. Это обрусение обнаруживается прежде всего в костюмах. На мужчинах везде можно видеть ситцевую рубашку русского покроя, узкие шаровары, широкий, не по плечам, пиджак. Иногда встречается и летнее пальто. На женщинах – прямое платье, опоясанное узким кушаком, на котором сзади висят ключи от ящиков, амбара и друг. Общий цвет материй темный, попадаются ткани с полосками, и цветные с крупным рисунком ткани фабричного производства. Орнаментов на костюмах, как добавочного элемента, совершенно не замечается. Творчество погасло. Из национальных костюмов сохранились мужские и женские рубашки грубой конопляной ткани. И эта ткань покупается туземцами у русских по 15 коп. за аршин. Мужчины охотники, кроме того, носят из этой ткани шабур (пантек), штаны и шапку. В таком костюме можно видеть самый незначительный процент жителей. Посуда у шорцев почти вся русская, кроме берестяных туясьев, трёхугольной сельницы и редко встречающихся ложек и чашек. Домашние орудия – топор, ножи серпы и т. д. – производства русской кузницы, покупаются в сельских лавках или в гор. Кузнецке. Небогат в этих местах и национальный орнамент. Он остался только на женских костюмах, и то в самом незначительном количестве (№ 61. ИАЭ 53. С. 58–60.).

И только в рукописи 1927 г. А.В. Анохин нашёл более точные слова для характеристики взаимных отношений разных народов на Алтае.

Торговцы из русских и оседлых кузнецких татар заезжают в Чернь и стараются эксплуатировать черневых всеми способами, выжимая и скупая у них продукты охоты и промыслов. На таких условиях задатка и взыскания огромных процентов за долг производится также и скупка кедровых орехов. Нормальная цена орехов один рубль — 1 р. 10 коп. за пудовку (16 килограммов), а при получении денег вперед цена за то же количество орехов падает до 50—60 коп. Всякий недобор, недоплата долга сопровождаются обязательством — доставить продуктов вдвое более, или же оплатить за них по рыночной цене, т. е. со всеми барышами, которые получают купцы. Такие

условия торговли делают туземцев неоплатными должниками купца (№ 96. ИАЭ 138).

Идеализация народного быта А.В. Анохину была вообще чужда, о чём может свидетельствовать хотя бы, например, эта картина в его дневнике 1913 г.:

От Шевелей на р. Томи мы отправились на телегах в Бачат. На станции Кольчугино (50 клм. от реки Томи) мы встретили поголовное пьянство: был съезжий праздник – заговенье (10 июня). Огульное пьянство на свежего человека производит удручающее впечатление. Пьют мужчины, женщины, девушки, парни. Все заряжаются неестественным весельем и ватагой ходят из дома в дом, обнявшись друг с другом. Некоторые ездят по деревне на лошадях. По всей деревне шум и несвязные песни, пискливо или визгливо выводимые пьяным голосом пьяной женщины – вместе с мужчинами. Вино окончательно нарушает правильное течение здоровой трудовой жизни: всё выходит из обыденной колеи, всё колышется в избе, на улице, как будто от какого то угара. На станции села Коневой та же праздничная картина: то же пьянство, тот же разгул и беспорядочность (№ 61. ИАЭ 53. С. 12).

Но увлечение А.В. Анохина изучением шаманства граничит с идеализацией шаманов, которые привлекали нашего этнографа – очевидно как артиста-художника.

Сибирская Подкомиссия Географического Общества для составления этнографических карт Сибири привлекла к этой работе А.В. Анохина. В Архиве находит рукопись под заголовком: «Материалы по составлению этнографических карт – для Сибирской Подкомиссии Русского Географического Общества». Из этих материалов видно, что А.В. Анохин отвечал тут на «опросные листы» под нумерами 254–257 – о местностях Кузнецкой тайги по рекам Кондоме, Мрассе и Томи (№ 42. ИАЭ 39. 1916–17 г., начало рукописи).

Ещё в Архиве имеются несколько писем А.В. Анохина к Б.Э. Петри, который тогда работал в Музее Антропологии и Этнографии Академии Наук. Переписка касается доставленных в Музей Антропологии коллекций и намеченных экспедиций А.В. Анохина по заданиям Музея и Русского Комитета (№ 139. 1918 г.).

Наличие в Архиве А.В. Анохина многочисленных рукописей его учеников связано главным образом с организацией им в 1922 и следующих годах школьных летних экспедиций для изучения Алтая. В одной рукописи 1926 г. (№ 133. ИАЭ 75) имеется отчёт «о школьных экспедициях на Алтай», из которого заимствуем здесь следующие сведения:

Барнаульская опытно-показательная школа III-го Коминтерна к тому времени уже совершила четыре летних экспедиции на Алтай – по среднему течению реки Катуни в районах: Чемальском, Чаргинском и Урсульском. Это было в 1922–1925 годах. Основные задачи экспедиций состояли в следующем: во-первых, они преследовали педагогическую цель, продолжить учебный курс учащимся вне стен школы и дать учащимся возможность применить свои теоретические знания к живому делу; во-вторых – приучить учащихся к самостоятельной и ответственной исследовательской работе. В третьих – через непосредственное наблюдение ознакомить учащихся с величественно природой Алтая и с населяющими его аборигенами, сохранившими оригинальную первобытную культуру. В четвёртых – дать здоровый и полезный отдых учащимся на лоне природы.

Во вторую половину учебного года школа всегда организовывала особую комиссию, которая от начала до конца руководила всею жизнью экспедиции. В эту комиссию входили как учащиеся, так и преподаватели. В дальнейшем около комиссии группировались и другие лица; таким образом, образовывалась ячейка, которую в школе именовали «Алтайский кружок». Этот последний обычно в январе месяце намечал территорию для своих летних обследований, коротко знакомился с географическим характером избранной местности, с составом её населения и культурным уровнем туземцев. После этого кружок составлял общую программу работ летней экспедиции. В марте Алтайский кружок проводил выборы участников экспедиции. Юридическим правом на поездку в Алтай пользовались всегда только ученики восьмой группы. Но кандидатами часто допускались активные ученики из седьмой и девятой групп. При выборе участников экспедиции руководились социальным положением ученика, состоянием его здоровья, а иногда и его трудоспособностью. Преимущество отдавалось беднякам и больным, здоровью которых путешествие на Алтай могло оказать помощь. Если оказывался излишек кандидатов, то вопрос решался баллотировкою. В экспедицию допускались также приватные члены, которые ехали на свой счёт; их принимали только в том случае, если они способны были нести ответственную экспедиционную работу.

Все члены экспедиции ещё в школе делились на маленькие группы, из которых каждая брала себе какой-нибудь отдел программы и знакомилась с ним. Здесь группа осознавала свою будущую работу и подготовлялась к ней, а руководители из преподавателей давали соответствующие указания и, если требовалось, вели подготовительные практические занятия. Например, набивка чучел, определение растений, топографические измерения, транскрипция алтайского языка и т. д. были предметом специальных практических занятий.

Весною, когда учащиеся сдают зачёты, шла заготовка для экспедиции необходимого инвентаря — бумаги, карандашей, красок, дорожной аптечки, папок, пробирок, ядов для умерщвления насекомых, наметок для бабочек, приборов для топографической работы, подбор необходимой литературы, кухонных принадлежностей и проч. К этому времени уже готов маршрут экспедиции с детальными указаниями мест остановок, ночлегов, мест заготовки продуктов, а также продовольственная ведомость и соответствующее разрешение Ойротской области на въезд экспедиции в её территорию. Из членов экспедиции каждый самостоятельно заботится о дорожном костюме, обуви, постели, приспособляя всё к горной местности и к изнурительным периодическим дождям на Алтае. Всё это делается по строго выработанной инструкции, а поэтому из одежды берётся всегда только самое необходимое — в количестве не более 16 кг. на каждую персону.

Наконец, наступает день отправки экспедиции. За все четыре года этот день всегда падал на срок между 5-м и 10-м июня. Дорожный багаж перевозят из школы на пароход, который идёт из Барнаула до Бийска — сначала по р. Оби, а потом по р. Бии. На пароходе начинается новая жизнь. Среди пароходного шума экспедиция ведёт свои коллективные собрания. Жизнь скрепляется новыми постановлениями и правилами. Начинают писать дневники экспедиции на каждый день — в порядке очереди. Дневник — это первая работа учащихся в экспедиции и первые страницы её жизни.

От гор. Бийска экспедиция меняет способ своего передвижения – идёт пешком с котомочками на плечах. Вслед за экспедицией тянется обоз с продуктами и багажом. Всё стремится к сияющим вдали горам Алтая. Остановки для отдыха и обеда чаще всего делаются в поле, а ночлег – в селе, обычно в школьных помещениях, которые везде на пути нашего следования предлагала местная школьная администрация. Путь для пешехода – городского жителя тяжеловат, но только в первые три дня, после чего мускулы ног привыкают и путь делается лёгким и приятным. Заболевших в пути всегда подвозили на обозных лошадях.

Вот кончается предгорная степь. Экспедиция вступает в горы. У всех сразу меняется настроение. Чуткие натуры поддаются влиянию

чарующей природы Алтая. Только немногие остаются равнодушными или даже подавленными тяжёлым чувством. «Горы нас давят», говорят они сами.

Вступив в горы, ботаники экспедиции делают сборы растений, минералоги собирают камни, топографы обмеривают попутно пещеры, этнографы-художники зарисовывают предметы материального быта, культурники ведут летучие беседы с крестьянами на разные политические темы. Но всё это делается пока между прочим, спешно.

Пройдя пешком 150–250 километров, после недельного или десятидневного путешествия, экспедиция приходит на место, предназначенное для обследования. Здесь избирается основной пункт или база, обычно село с русским или смешанным населением, а иногда и улус с обрусевшими туземцами. Экспедиция размещается в школе, а если школьное помещение мало – также и в домах обывателей. По приходе на место участники экспедиции два дня отдыхают – стирают своё бельё, чинят обувь и верхнее платье, налаживают общую кухню и весь продовольственный аппарат. Намечаются дежурства и очередные работы по кухне по уборке комнат, по выдаче и учёту продуктов и т. п. На долю завхоза выпадает трудная задача – поддерживать нормальную материальную сторону экспедиционной жизни.

Исследовательская работа, как конечная цель сей экспедиции, развёртывалась всегда по приходе на место. С этого момента весь механизм работы экспедиции поступает под непосредственное руководство преподавателей. Надо достигнуть, чтобы туземцы поняли задачи экспедиции. Этнографу-исследователю рекомендовалось придерживаться средней народной массы и скорее низов, пользуясь, главным образом, знаниями и наблюдениями стариков и старушек, а потом также и молодёжи, если она хорошо реагирует на те или иные вопросы.

Рабочий день экспедиции начинался после утреннего чая и, с перерывом на обед, продолжался до вечера. Чаще всего приходилось экскурсировать в окрестностях по аилам, удаляясь иногда на десятки километров от базы. Вечером работа проверялась руководителями. Этот контроль всегда увеличивал активность каждой секции, а в результате получалась более активная работа. Если встречались люди инертные, то им делались внушения на общих собраниях, которые систематически устраивались один раз в неделю. На этих собраниях зачитывались дневники и краткие отчёты о ходе работ. На тех же собраниях вырабатывались и обсуждались новые проекты о ходе экспедиционных работ.

Исследовательская работа продолжалась на месте полтора месяца, точнее – вплоть до того момента, пока позволяли денежные средства экспедиции. Иногда недостаток средств заставлял сокращать программу обследований и оставлять интересный материал не

записанным. Если участники экспедиции чувствовали себя утомлёнными, администрация вносила в жизнь разумные развлечения, например, экскурсии на туземную усадьбу, на шаманский сеанс, ил же работа прекращалась на один или два дня, причём некоторые уходили на рыбалку или охоту за дикими козлами и за водяной птицей, иные стирали себе бельё и т. п.

В конце экспедиция всегда приходили в Чемал, где давался двухнедельный перерыв, чтобы самостоятельно привести в надлежащий вид все свои работы и запастись свежими силами на обратный путь. В Чемале экспедиция обыкновенно делала экскурсию на красивые Каракольские озёра, находящиеся в полосе вечных снегов.

Наконец наступает день возврата домой, в Барнаул. Секции предварительно сдавали руководителю весь собранный материал, обыкновенно записи в двух тетрадях – в беловой и черновой, а равно коллекции растений, минералов, рисунки и проч. В обратный путь шли чаще в разброд – приятельскими кучками, так как экспедиционная жизнь многих крепко спаивала дружескими чувствами. В Бийске на пароходе вся экспедиции снова объединялась. В октябре Алтайский кружок принимался за обработку собранного материала. Для этой цели организовывались несколько специальных комиссий: редакционная, переводческая, музейная, ботаническая, археологическая, энтомологическая, зоологическая, антропологическая и картографическая. К работе привлекались все участники экспедиции, а также рисовальщики и переписчики.

В марте экспедиция устраивает алтайский вечер, на котором в присутствии административных лиц города, членов местного Географического общества, учителей и учащихся других городских школ, делает подробный отчёт о материальной части экспедиции и короткие доклады по всем отделам своих работ. Доклады делают сами учащиеся. Зал собрания всегда декорируется рисунками экспедиции, и здесь же развёртывается небольшая выставка собранных предметов материального быта и религиозного культа народов Алтая, археологические и другие коллекции, собранные экспедициею за последний год.

Материальная сторона экспедиции всегда стоила школе больших хлопот. Первые две экспедиции поддерживало материально ГУБОНО, но оно давало мало средств; например, на первую экспедицию из 32 человек отпустило несколько десятков метров бязи и много менее манчестера. Дополнительные средства экспедиция изыскивала сама, давая концерты своими силами в Барнауле, в Бийске и в Улале из произведений преподавателя А.В. Анохина на алтайские сюжеты. Последние две экспедиции прошли при лучших материальных условиях. Если и был дефицит, то он погашался опять-таки от концертов.

Работа экспедиции за четыре года производилась, главным образом, по исследовательской инструкции профессора В.Г. Богораза-Тана, и только в некоторых случаях по инструкции преподавателя А.В. Анохина и других специалистов местных научных организаций. Экспедиция всегда изучала постепенно одну территорию за другою, а также всегда чистую культуру туземцев и смешанную с русским влиянием.

Доминирующую часть в работах экспедиций занимал этнографических отдел. По материальной культуре описаны – жилища, одежда, пища, посуда, хлебопашество, скотоводство, огородничество, охота у двух племён Алтая – ойротов и телеутов. По социальной структуре описаны – семейный быт и попутно родовое право, обычное право, родословная номенклатура, свадебные обряды и обычаи. По фольклору экспедиция собрала – колыбельные и детские песни, лирические песни на разные случаи, с мелодиями и подлинным текстом на ойротском языке; записаны также – целый ряд детских сказок, загадки, поговорки, рассказы тотемистического характера о происхождении человека, домашних животных и легенды разного содержания. По ботанике собраны и определены растения Чемальского тупика, альпийская флора Каракольских озёр, флора верховьев рек Чемала, Чарги и долины Урсула. Результатом работы по энтомологии является коллекция горных насекомых Чемальского, Чаргинского и Урсульского районов. Особое внимание было обращено на коллекцию ночных бабочек. По зоологии только был сделан опыт, и он оказался не по силам нашим учащимся. По антропологии сделаны измерения более чем 200 лиц различного возраста и соответствующая статистическая таблица с выводами.

Четвёртая экспедиция в 1925 г. имела большие результаты в археологическом отношении. Она приобрела для школьного музея две каменные бабы, каменную плитку с выцарапанными на ней рисунками и сделала более сотни рисунков с писаниц на скалах. Эти писаницы были до тех пор неизвестны в литературе об Алтае.

К итогам экспедиции следует отнести дневники за четыре года, в которых преобладает лиризм, но есть и серьёзные статьи об Алтае, а также акварельные рисунки в количестве 600 экземпляров и музей, имеющий 150 экспонатов по материальной культуре и шаманскому культу (бубны, костюм шамана, идольчики). Наши культурники ставили спектакли для местных жителей, проводили лекции на злобу дня и по отдельным политическим вопросам.

Отзыв Московского Центра о работе первых двух экспедиций школы на Алтай гласит следующее: «Заслушав доклады представителей Алтайской опытно-показательно школы им. III Коминтерна 14/У-1924 г., объединённое заседание опытно-исследовательской комиссии ГУС'а и коллеги отдела ОПУ Главсоцвос'а, считает необ-

ходимым отметить: ...Наиболее ценные достижения имеются в области постановки алтаеведения. Две большие экскурсии, совершённые на Алтай под руководством специалистов и по заданиям местных научных организаций, дали обширный и ценный в научном отношении материал. Как положительную сторону, необходимо отметить внимание коллектива к вопросам художественного воспитания, уделяемое, главным образом, при краеведческой работе. Работа по алтаеведению ведётся лабораторно-исследовательским методом. Желательно расширить применение этого метода и в других дисциплинах» (№ 133. ИАЭ 75. С. 1–21.).

Об ученической экспедиции 1927 г. имеется в Архиве более подробный отчёт 1927 года, под заглавием: «Записки об ученической летней экспедиции Улалинского ОПУ на Чолушман».

Летом 1927 года школа наметила две экспедиции: 1) Дальнюю – к чолушманским теленгитам и 2) ближнюю – на моренные Каракольские озёра, в верховьях реки Туры. Дальняя экспедиция состояла из восьми учащихся старших групп и двух преподавателей – краеведа А.В. Анохина и художника Н.И. Чевалкова. Программа дальней экспедиции была чисто этнографическая. Её исследовательский уклон вызывался тем, что быт Чолушманских теленгитов очень мало обследован. В программе имелись следующие отделы: 1) Политический. Задачами которого было – исследование местного Женотдела, местное пионерство и комсомол; культурно-просветительская работа края: театр, беседы, ликвидация безграмотности, лекции на разные темы; 2) Материальный отдел, который должен был изучить – хлебопашество современное и прежнее примитивное в Чолушманской долине, огородничество у русских и туземцев, скотоводство, охоту зимнюю и летнюю, сбор орехов, подсобные промыслы – рыболовство, технику выработки овчин, кож и пушнины, выработку кошмы и проч.; пищу туземцев, жилище, посуду и одежду, сделать зарисовку предметов материального быта, а также ландшафтов Чолушманской долины; 3) Социальный отдел; современное состояние племенного и родового быта среди теленгитов; обычное право – семейное, охотничье, ореховое, право при пчеловании, при различных преступлениях, например, воровстве и т. п.; семейный быт, свадебные обряды, похоронные обряды и поминки; 4) Фольклор – детский; обычные, обрядовые, исторические песни туземцев, современные революционные и политические песни (согуш) ; легенды, пословицы, поговорки, за-

1 segys.

гадки, ругань туземцев; былевой эпос; рассказы исторические, тотемистические и друг. Нужно заметить, что этот обширный план не был выполнен экспедициею, особенно в разделе третьем - социальный быт. Объясняется это недовыполнение между прочим и недостатком средств: на содержание дальней экспедиции было ассигновано всего 340 рублей, в том числе от школы 100 руб. и от местного ОблОНО 240 руб.

Ближняя экспедиция была многолюднее: в состав её входило 23 человека учащихся и два преподавателя – А.А. Мундус и Г.А. Дубасов. Программа этой экспедиции имела естественный уклон.

Дальняя экспедиция выехала в начале июня, 8-го числа – чтобы развернуть свою работу на месте в период времени между окончанием весеннего хлебосеяния и началом покоса, когда туземцы бывают более или менее свободны от годовых периодических работ. В десять часов утра экспедиция тронулась в путь на трёх парах лошадей. Одновременно выехал из Улалы ленинградский профессор-тюрколог А.Н. Самойлович, который направился в Кош-Агач для лингвистических исследований среди теленгитов и казахов. На девятом километре от Улалы экспедиция простилась с проф. Самойловичем и круто повернула на восток, к Телецкому озеру – через Пьянково, Карасук, Паспаул, Чою (Нижнее Пьянково и Успенку), Верхнее Пьянково, Камбулино (перевоз через р. Бию), Кебезень и Телецкое озеро. Пьянковская дорога грунтовая. В проведении её применялись топор и пила. Почти на всём протяжении от Улалы до Кебезени (120 км.) её пересекают речки, ключики и топкие болота. Довольно долго тянется она по берегам р. Иши. На всём пути следования экспедиции живут, совместно и врозь, русские, как колонисты, и старожилы туземцы. Русские принадлежат преимущественно к раскольникам, а туземцы – исключительно к племени туба-кижи или ыш-кижи (лесной человек). Русские называют этих туземцев: «черневые татары», а туземцы русских јаржак² (кержак, т. е. раскольник, старовер). Бытовой уклад этих двух соседних народов резко отличается друг от друга. Впрочем, в настоящее время туземцы находятся под сильным влиянием русской крестьянской культуры и идеологии русского простолюдина.

В хозяйственном отношении тубы скорее пешие охотники и орешники (собиратели кедровых орехов). Тайга даёт им много пушнины, а кедр – много орехов, лучших по качеству на всём Алтае. Но у тубов всегда наблюдается, как и во многих других местах Алтая, недостаток в мучных продуктах. Талкан (поджаренный и обращён-

¹ jьs-kizi. ² jarzak.

ный в муку ячмень) стал мало удовлетворять туземцев, в том числе и тубов. Потребность в хлебе заставила тубов широко пользоваться подсобными промыслами, например, дёгтекурением, сбором дикого лука — черемши или колбы и горного чеснока. Все эти заготовленные ими продукты тубы увозят в степь и там меняют у крестьян на хлеб. Тубы живут небольшими улусами и деревнями. Их хозяйственный уклад, равно как и физико-географические условия не позволяют им пока жить скученно, большими сёлами. В таких больших сёлах живут только тубы, сильно поддавшиеся обрусению.

Пьянковский путь заселён, главным образом, русскими. Во всяком случае этот путь нельзя рекомендовать для наблюдений над туземцами. Здесь засел русский раскольник, по праву давности заслуживающий эпитета старожил, а за последнее время здесь же облюбовал себе место русский переселенческий элемент, переехавший со степей. Старожил-раскольник оброс мощным хозяйством, закалил себя суровою обстановкою тайги, и выработал в себе выносливость колониста. Угрюмая тайга наложила своеобразный отпечаток на всю его психику: он так же угрюм, как тайга, скрытен и недоверчив, особенно по отношению к бедным туземцам. Религиозный фанатик, русский старовер старается ладить с туземцами, но только он никогда не выпускает из своих рук лучшие угодья для скота, пашни и покоса; для этого у него есть достаточно практического ума и житейского опыта.

Теленгиты живут на южном берегу Телецкого озера. Экспедиция уже прошла Кебезень и движется навстречу стремительно текущей реки Бие. По этой реке спускаются из Телецкого озера плоты; их сплавляют главным образом туземцы тубы. Они хорошо изучили стихийную силу своей реки и легко ориентируются среди грозных опасностей. Бывают и несчастные случаи: плот разбивает о подводные камни или береговую скалу, причём гибнет лес, гибнут и люди. Как передают местные жители, такие несчастные случаи повторяются здесь каждый год. Район Кебезень — Артубаш был оживлён в наш проезд лесозаготовительными работами. Рабочие из русских и туземцев возят лес к берегам Бии, делают сплотки и отправляют их вниз по течению реки. В самой Кебезени имеется лесозаготовительная Контора с большим штатом. Лес идёт в гор. Бийск за 280 км. и дальше — к Барнаулу.

Мы перешагивает последний новый мост, перекинутый через гремучую реку. Налево заимка русского новосёла, у которого есть единственная в этом районе мельница и кожевня. Дальше густой молодняк хвойного леса и Телецкое озеро. Мы покидаем бурный шум реки Бии, скатывающейся здесь из озера мощным каскадом. Имя селения Арту-аш в буквальном переводе означает: перевалившийся порог. Стало тихо. Перед нами широкая блестящая полоса

громадного озера. Недалеко от порога, на правом берегу, по косогору тянутся бедные избушки и аилы туземцев, а далее в беспорядке ютятся избы и дома русских колонистов. Это и есть Артубаш. Против домов на берегу озера лодки, раскинутые невода, сети, брёвна и т. д., характерная береговая обстановка. Здесь также смешанно живут русские с туземцами – тубами.

Тубы на Телецком озере беднее своих братьев. Тайга со своими дарами — пушниной, орехами и «золотое озеро» (Атын-кöc)¹ с рыбой не сделали их богатыми. Суровая борьба за существование сказывается здесь сильнее, чем в других местах Алтая. Продукты охоты, орехового и рыбного промысла пропорционально поглощаются дороговизной предметов первой необходимости, например, мука ценится здесь всегда на 200 % дороже — вследствие отсутствия дорог, а свой хлеб не родится, да и негде его сеять. Живущие на берегу Телецкого озера тубы имеют очень несложное хозяйство — две-три лошади и такое же количество коров. Овец здесь совсем нет. Правда, некоторые тубы имеют заработок от сплава леса. Но всё это не дало тубам возможности выбиться из бедности. Даже по внешности тубы тощи, малорослы и производят впечатление недоразвитых в физическом отношении людей.

Русские жители Артубаша уделяют больше внимания случайному, но прибыльному заработку: они сплавляют по озеру товар, идущий в кооперативы южного берега озера, а также перевозят пассажиров. В соответствующие периоды года они организованно занимаются рыболовством, ездят на охоту и бьют орех. Заработка им вполне хватает на покупку предметов первой необходимости и, кроме того, усиление и рост своего хозяйства. Таким образом, в Артубаше рядом уживаются – нищета туземцев и материальное довольство русского населения, при наличии одних и тех же географических условий. Историческое прошлое этих двух народов разное: туб лесной житель и охотник по преимуществу, а русский – дисциплинированный хлебороб и мелкий предприниматель. Хотя русских здесь и мало, но в хозяйственной жизни всего селения они доминируют. Бывают также и случаи, когда туземцы из нужды продают свой труд русскому, хотя и на честной договорённости, но не без эксплуататорской тенденции со стороны нанимателя. И не без основания местная комсомолия в своих частушках шаржировала злоупотребления местных русских обывателей при наёмном труде.

Художественная секция экспедиции зарисовала — 1) типичные бревенчатые жилища тубов, имеющие здесь форму вытянутого квадрата с навесом над дверью; это их летник; 2) такой же формы юрту,

_

¹ altьn-kөs.

которая является переходною ступенью от национального жилища к русской избе, тут тубы живут зимою; 3) юрту-шалаш, стены прикрыты снаружи берестой; из бересты же состоит и крыша юрты. Это древнее жилище тубов, в настоящее время (1927 г.) почти исчезнувшее. Живут также тубы и в избах обычного русского типа с неуютной белной обстановкой.

Огородная культура здесь новая, и туземцы не успели ещё в достаточной степени освоить сеяния огородных овощей. Они сеют пока только картофель и брюкву. Значение рассады им совершенно неизвестно.

Карбусы на озере держат только приозёрные русские обыватели, и это их собственность. При найме карбуса происходит торг, вымогательства, основанные на разных вымышленных соображениях кулацкого характера. Экспедиция выехала на карбусе в Яйлу и Кырсай. Ученики по очереди гребли. На корме сидел проводник – словоохотливый местный «кержак»-беспоповец. Он давно живёт в Артубаше. Мы воспользовались благоприятным случаем и с его слов записали рыболовный промысел на Телецком озере. В Яйле простодушные и доверчивые туземцы привели к нам своих больных, просят лекарств: они думали, что мы можем лечить. По случаю тоя (свадьбы) многие потеряли от вина самообладание и для эффекта пересыпали свою национальную речь отборной русской руганью. Это, впрочем, общее явление на Алтае, и всякий туземец, не знающий ни одного слова по-русски, прекрасно владеет лексикой русской матерщины.

В Кырсае около высокой скалистой горы приютилась одинокая шестигранная деревянная юрта. Это местная гостиница для приезжающих. Она защищает только от дождя и холода. Дров много, воды много. Заходи и располагайся как угодно и живи – денег не надо. Здесь всё бесплатно. Находящийся неподалёку Чолушмански интернат стал базой нашей экспедиции.. Территория наших обследований простиралась от Телецкого озера до урочища Аккурум, всего на сорок километров по прямой линии. Здесь урочища: Ачылман, с. Кумуртук, Аккурум. Всё это составляет крайнюю южную часть Чолушманской долины, которая тянется на 250 км., уходя в пограничную полосу Танну-Тувинской области. Описываемый район населяют тэлэнэт-кижи или телёс-кижи¹, которых обыкновенно называют «теленгитами».

По последним статистическим данным теленгитов насчитывается более трёх тысяч. Они заселяют не одну Чолушманскую долину, а живут также на Улаганском плоскогорье, по р.р. Башкаусу, Чуе и

¹telenet, tolos.

Архыту. Это тюрко-язычное племя с сильно омонголившимся типом. Подобно другим племенам Алтая, теленгиты потеряли корень своей истории. В памяти старых людей сохраняются исторические предания, которые охватывают не более 300 лет. По роду своих занятий теленгиты скотоводы и охотники. Местами они ведут полукочевой и кочевой образ жизни. Живут в юртах трёх типов – шестигранной деревянной, круглой кошемной и конусообразной. В течение последних 300 лет они находились под влиянием монгольской, сойотской и русской культуры. В их несложной материальной бытовой обстановке можно найти элементы всех этих культур. Но особенно сильно отразилось на них, начиная с 1860-х годов, русское влияние. Близость большого Благовещенсткого монастыря и миссионерского стана привила к ним новые культурные хозяйственные навыки. Почти все теленгиты Чолушманской долины теперь имеют пашни, которые обрабатывают в большинстве случаев сохой и бороной обычного русского типа. Встречается, впрочем, и примитивное хлебопашество – с помощью ручного «абыла» и андазына – заступа, а также деревянной сохи. У них появляются, хотя и не везде, огороды и куроводство – формы хозяйства, не свойственные кочевым и полукочевым туземцам.

Теленгиты Чолушманской долины в последнее время изменили свои костюмы. Из национальной одежды у них сохранились только – зимняя шуба, шапка и зимняя обувь «кисы», заменяющие собой русские пимы (валенки). Теленгиты легко усвоили христианскую религию, а вместе с тем во многих случаях изменили свой социальный строй. Теперь теленгиты, хотя они и хорошо помнят свои родовые деления, уже далеко не следуют брачным запретам своего прежнего родового строя. Экзогамия, левират и многожёнство у них исчезают. Родовой строй, таким образом, подвергается ломке. На смену старому родовому праву идёт новый строй. Теперь в Чолушманской долине есть небольшой Женотдел, исключительно из туземок, принимающий близкое участие в новой общественной жизни, но более активными работниками в новом общественном строе проявляют себя мужчины. Вообще же новая социалистическая идеология с трудом пробивает себе дорогу среди теленгитов. Этому мешает общая малокультурность их и неизжитый ещё косный консерватизм.

Среди теленгитов забывается национальный былевой эпос, народная песня, и совершенно исчез шаманский культ. При наших исследованиях мы нашли у теленгитов только остатки отживающей старины. Но здесь хорошо сохранился национальный язык, правда, с примесью сойотских слов. Некоторые из мужчин говорят не только на теленгитском языке, но и по-русски.

Среди теленгитов изредка встречаются лица с эксплуататорскую наклонностью. Они любят понажиться в том случае, когда че-

ловек находится в затруднительном положении, например, поднимают искусственно плату за проезд, за продукты и разные услуги.

Секция художников экспедиции зарисовала предметы материального быта, которые теленгиты охотно давали нам по первой нашей просьбе. Этой работою интересовались и сами теленгиты: они часто окружали рисовальщика, брали в руки рисунок, любовались им и выражали лёгким смехом своё благодушное удовольствие. Иное отношение встречала этнографическая секция, которая требовала от теленгитов запаса знаний и уменья передавать их чужому человеку. В таких случаях теленгит всегда отсылал наших исследователей к другому лицу, а тот к третьему и т. д. Часто они говорили в таких случаях, что они ещё молоды, ничего не знают, и что всё это известно только старшим. Большим препятствием к нормальной и успешной работе для учащихся служило незнание ими местного теленгитского языка. Им приходилось пользоваться услугами переводчика, роль которого играли учащиеся Улалинской экспедиции или же случайные лица из среды местных туземцев.

Когда секции закончили работу, они занесли собранные материалы в чистую тетрадь и сдали их руководителю экспедиции под контроль. Через две недели наши секции передвинулись из интерната за восемь километров в село Кумуртук, а потом за 15 км. в Аккурум. Здесь, путём опросов, проверялась прежняя работа, и если было нужно — добавлялась новыми сведениями. За некоторыми небольшими исключениями, программа экспедиции была закончена 15-го июля.

Для полной характеристики рукописного наследства А.В. Анохина нужно ещё отметить, что несколько рукописей А.В. Анохина хранятся в Архиве Академии Наук СССР; все они относятся к шаманству и частично уже напечатаны в сборнике Музея Антропологии и Этнографии (Томы IV и IX). В Архиве А.В. Анохина имеются ещё протоколы Кружка Любителей Алтая, 1921 г. Из других рукописей отметим «Докладную записку к Краеведческому Съезду» (№ 149. ИАЭ 83. С. 331–336). Здесь дана краткая история изучения Алтая. Между прочим, сообщаются сведения о кружке «Друзей Музея» в Улале, теперь Ойрот-Тура. Последние по времени рукописи Архива А.В. Анохина падают на 1931 год: №№ 147 (ИАЭ 80) и 148 (ИАЭ 82).

В настоящем томе издания Архива А.В. Анохина встречаются много местных терминов – ойротских, шорских и др. Так как мы издаём исторический памятник то мы не нашли

возможным менять транскрипцию этих терминов в тексте А.В. Анохина; но в подстрочных примечаниях мы даём современное написание этих терминов латинским алфавитом (яналиф). Работу по переводу транскрипции А.В. Анохина на современное правописание выполнил специалист-языковед, профессор-тюрколог Сергей Ефимович Малов, которому мы выражаем здесь свою глубокую благодарность.

Апрель 1935 г.

ЗВЕРИНЫЙ ПРОМЫСЕЛ У ТАЁЖНЫХ ТУЗЕМЦЕВ КУЗНЕЦКОГО УЕЗДА

Охотятся туземцы, преимущественно, зимой, когда у них бывает два продолжительных охотничьих сезона. В первый раз уходят на охоту в половине ноября, когда уже выпадает достаточно глубокий снег и замёрзнут реки, и возвращаются домой в половине декабря, проохотившись, таким образом, целый месяц. Вторая охота начинается с половины февраля и продолжается - у некоторых до первых чисел марта, а у других – до половины этого месяца.

Выходят на зимние промыслы группами по 4, 5, а то и по 6 человек. Берут они с собой охотничьи принадлежности: по два ружья – малопульку на белок и ружьё на больших зверей, порох, дробь, пистоны – если ружьё пистонное, а не кремнёвое (кремнёвых ружей теперь осталось очень мало), сети на соболей, калып и свинец для отливки пуль; съестные припасы – ссыпанный мешками талкан² (толокно), мешок для которого делается из невыделанной телячьей шкуры, которая снята с телёнка мешком; чай, конское мясо и соль. Чтобы варить мясо и чай, берут с собою жестяные и медные котелки. В первую свою зимнюю охоту собак не берут, потому что снег в то время бывает рыхлый и собаки в нём вязнут; а во вторую охоту, когда снег покроется твёрдой корой и собакам можно бегать по нему, не проваливаясь, берут и собак.

Все свои припасы охотники складывают или в сурке³ или в нарточки и на верёвочке утаскивают их за собой. Сурке, это лошадиная шкура с шерстью, в неё охотники завёртывают свои припасы и таскают за собой на промысле от балагана до балагана. Нарточки – узкие сани на высоких копыльях, вышиною 5 см., длинною более 2-х метров. В сурке они таскают припасы в первую зимнюю охоту, потому что сурке, имея ши-

¹ kalьр. ² talkan.

³ syrke.

рокую площадь соприкосновения с рыхлым в то время снегом, не проваливается в него, и этим удобнее нарточек, которые берутся во вторую охоту, когда снег сверху бывает твёрдый.

Уходят на промысел километров за 50, 60, 70 или даже за сто и более от своего жилья. Приходят они в готовый ими же самими прежде сделанный балаган. Если же идут на новое место, где в прежние годы не останавливались, то делают из хвойных сучьев или из расколотых пополам маленьких стволов, новый одаг¹. Каждое утро вся группа охотников расходится в окрестности балагана на охоту, причём, иногда ходят по два человека вместе, большею же частью каждый промышляет отдельно. Каждый охотник в своё дневное охотничье путешествие берёт с собою обязательно ружьё с зарядами, кремень с трутом, немножко талкану, который он в таких случаях носит за голенищами обуви (чарок), соболиную сеть, топор и нож. Кремень с трутом и нож – постоянные спутники каждого туземца. Если охотник захочет днём есть, то он спускается в лог (долину) к роднику, черпает каёк воды, насыпает туда немного талкану, размешивает его пальцем и пьёт. Это кушанье самого незамысловатого приготовления служит иногда единственною дневной пищей туземца-охотника. Каёк² – маленькая лопаточка с длинной рукояткой, служит опорой при быстрой езде на лыжах с гор. Чай пьют и едят варёное мясо только утром и вечером, когда бывают в балагане.

На обоих зимних промыслах туземцы охотятся за медведями, козлами, соболями, белками, колонками, горностаями, рябчиками и глухарями. На медведя охотятся следующим образом:

Если медвежья берлога найдена в начале охоты, когда снег ещё не совсем глубокий, то охотники не трогают медведя до тех пор, пока не выпадает глубокий снег. Когда же выпадает глубокий снег, они, в благоприятный для охоты день, когда нет вьюги, всей своей компанией с заряженными пулями ружьями подходят к берлоге. Вся почти лесина, под которой находится берлога, бывает покрыта толстым слоем куржака (инея): это испарение медведя. Подойдя к берлоге, охотники

¹ odag. ² kajьk.

первым делом начинают рубить и очищать от сучьев жерди. Вырубив жерди, они каждую из них всовывают толстым концом в берлогу не глубоко, чтобы не задеть медведя, а тонкий конец оттягивают в сторону и вдавливают в снег, или закладывают за лесину, так что каждая жердь оказывается заломленной. При этом тонкие концы одних жердей оттягиваются в правую сторону от берлоги, а концы других жердей – в левую, и таким образом загораживают выход из берлоги. Иногда же просто заваливают выход колодинами. Когда берлога таким образом загорожена, то один охотник берёт длинную жердь, просовывает её в берлогу и нащупывает зверя. Почувствовав, что жердь коснулась чего-то мягкого, он прямо в это нащупанное место и тыкает концом жерди; удар приходится по медведю. Разъярённый медведь схватывает в лапы эту жердь, как прикованную, никак не возможно вытащить. Охотник не выпускает из рук жерди и продолжает тыкать её вперёд и дергать назад. Медведь в конце концов не может вынести издевательства и выскакивает из берлоги к выходу; обычно в момент, как только покажется из-за жердей его голова, из заранее уже приготовленных к этому моменту ружей раздаются выстрелы в голову медведя, и последний большей частью тут же падает жертвой залпа. Но нередко бывает и так, что слабо раненный медведь разламывает загородку из жердей и выскакивает на людей, иногда проламывая и верх берлоги. Люди бросаются в таких случаях врассыпную и обязательно на гору, а не под гору, чтобы убежать от зверя. Медведь избирает себе в жертву кого-нибудь одного из охотников и гонится за ним. В большинстве же случаев зверь бежит от человека. Но охотнику, хорошо умеющему бегать на лыжах, не представляется никаких трудностей убежать от медведя, который вязнет в снегу. Другие же охотники, у которых не выстреляны ещё ружья в первый раз, дают залп, бросаются вслед за зверем и снова стреляют в него сзади. Если не убьют медведя, то подоспевают другие товарищи, которые уже успели зарядить ружья, и также стреляют, и так преследование продолжается до тех пор, пока медведя не убьют. Убитого медведя обдирают на том же месте, где он убит, затем шкуру снимают и разрезают на части тушу, перетаскивают всё в стан.

Случается, что осенью охотник, бродя на лыжах по первому снегу, находит медвежью берлогу. Тогда он только оповещает об этом всех своих соседей, и это значит, что он объявил о своих правах собственника на найденного медведя; и ещё значит, что соседи не должны подходить очень близко к берлоге и не должны слишком близко от неё стрелять: обеспокоенный медведь покинет своё логовище. Когда выпадает глубокий снег, тогда «собственник» со своими товарищами убивает его.

Летом туземцы обыкновенно не бьют медведя, но иногда он своим пакостливым поведением вынуждает их к этому. Если медведь повадился душить домашних животных или разорять ульи с пчёлами, то туземцы на лесине, на высоте двух или четырёх метров от земли около задавленного животного делают лабаз (площадку среди ветвей дерева, сделанную из нескольких досок), и на нём ночами караулят зверя. Когда медведь придёт, в него стреляют с лабаза. Летом медведь имеет обыкновение разорять пасеки пчеловодов. В первые разы своего посещения он входит в пасеку по одной и той же протоптанной им самим дороге. На эту дорожку туземцы ставят петли, в которые медведь нередко и попадается. Попавшегося зверя убивают ружьями.

На соболя таёжные кузнецкие жители охотятся с сетями. Охотник, увидев свежий след соболя, начинает идти по нему, а соболь, почуявший за собой погоню, забегает или в дупло дерева или же под груду больших камней. Когда охотник по следу дойдёт до этого места, то прежде всего окружает место сетью, а затем раскладывает около него огонь и дымом выживает запрятавшегося соболя, тот, задохнувшись в дыму, выскакивает из своего убежища и запутывается в сеть. А иногда бывает, что груда камней, окружённая сетью, слишком большая, и дым в середину этой груды толстым слоем проникнуть не может; тогда соболя не могут выжить в течение целого дня. В таких случаях охотник вынужден бывает оставаться около соболя на ночь и выжидать, когда зверёк выскочит. Охотник навязывает на сеть колокольчики и, не разводя костра, притаится где-нибудь поблизости сети. А если колокольчиков у него нет, то он держит один конец сети в руках, чтобы по сотрясению сети в темноте узнать, что соболь попался. Когда соболь попадается в сеть, то охотник узнаёт об этом или по звону колокольчиков, или по сотрясению сети, убивает его и уходит в балаган. Если же во время выслеживания соболя с охотником бывает собака, то она загоняет соболя на лесину, и тогда охотник стреляет в него из ружья.

При охоте на белку, наиболее трудным является выслеживание её, потому что белка, зачуяв охотника, убегает от него не по земле и не оставляет следов; взбежавши на дерево, белка перескакивает с него на другое, третье и т. д., пока не спрячется в какое-либо из своих гнёзд или не успокоится на широковетвистом дереве. Гнёзд белка имеет несколько и в течение зимы она переходит из одного гнезда в другое, потом в третье, потом опять в первое и т. д. Этим путём, говорят туземцы, она вымораживает в своих жилищах блох, которых на ней очень много. Но прыгая с дерева на дерево, белка всё-таки оставляет за собою следы, хотя и очень мало заметные: в одном месте она сронит хлопок снега, в другом - маленькую веточку, в третьем виден её свежий следок на хлопьях лежащего на ветках снега. Наметавшийся зоркий глаз охотника умеет различить эти свежие признаки беличьего следа от таких же признаков давнего следа. Выследив и увидав белку, охотник стреляет в неё. Питаясь пихтовыми семенами, белка иногда переселяется с одного места на другое очень большими массами.

Зимняя охота на рябчиков и глухарей очень проста: в них стреляют и только. Осенью же охота на рябчиков происходит при более сложных условиях. Тогда на них ставят петли. В тех местах, где бывает много рябчиков, прочищается узенькая и длинная тропка. С неё убирают хвою, листья, сухие сучки, срывают с неё траву и перегораживают во многих местах стенками из воткнутых стоймя веточек. В середине каждой такой стенки делают отверстие, которое перегораживают тоненьким силком из конского волоса. Силок этот привешивается на толстый прут, который одним концом глубоко втыкается на одном боку дорожки, затем перегибается через дорожку в виде стоящей дуги и другим концом слегка, чтобы только не разогнулся, втыкается в другой бок дорожки. Этот согнутый прутик имеет назначение настороженной пружины. По ту и другую сторону стенки, как раз против силка, кладут по одной

ягодке калины. Рябчик, съев ягодку с одной стороны силка, захочет съесть и другую, лежащую по другой стороне от силка; он побежит через отверстие, в котором висит силок, попадается в него и начинает его дёргать. От этого дерганья слегка заткнутый в землю прут выпрямляется, и рябчик оказывается вздёрнутым на воздух. Но одной тропке попадается иногда штук по пять или по десять рябчиков. Осенью же на них охотятся с пищиком.

Шорцы охотятся ещё на диких козлов. Зимой в Кузнецкой тайге много козлов не остаётся, они уходят на Абакан; поэтому зимняя охота на козлов – довольно редкое явление. Охотятся на них обыкновенно молодые ребята или взрослые из удалых, которые могут долго и быстро бегать на лыжах. За козлом охотники учиняют погоню. Один из них бежит на лыжах по самому следу козла, другой ему на перерез: по хорде дуги, которую делает козёл. Козёл с самого начала делает прыжки в два и три метра и далеко за собой оставляет погоню. Но снег, который в Кузнецкой тайге достигает глубины двух и более метров, служит большим препятствием для животного: оно начинает уставать и замедлять бег. Погоня в это время настигает его и заставляет выбиваться из последних сил. Наконец, козёл в изнеможении падает и, желая скрыться от охотников, прячет голову в снег. Здесь его убивают кайками. Таким же образом хотятся на маралов и лосей.

Колонков и горностаев ловят ловушками, которые настораживаются у входа в их норы. Вот и вся обычная зимняя охота таёжных кузнецких туземцев. Кроме того осенью бывает довольно сложная и крупная охота на козлов и летом ловля выдр. Зимой в Кузнецкой тайге снег выпадает очень глубокий. В низменных местах, уже слежавшийся, спрессованный снег достигает глубины полутора метров, а на высоких горах даже двух и трёх метров. Такой глубокий снег очень затрудняет козам передвижение и делает почти невозможным добывание пищи. Поэтому козы на зиму из Кузнецкой тайги перекочёвывают за Абаканские горы (очевидно, к сойотам, в Урянхай), где снег мельче. Начинают козы уходить сразу после первого снега – в половине или конце сентября. Чтобы облегчить себе передвижение – избежать лишних переходов через лога, реки и ручьи, козы выбирают себе путь по самым вершинам хреб-

тов, которые тянутся в сторону Абакана. Все эти пути охотникам известны, и они устраивают на них засады на коз.

Длинные хребты, по которым козы уходят из тайги, в некоторых местах перерезаны реками. Козы эти реки переходят вброд или переплывают. И вот, около одного из таких бродов, метрах в 40 от берега, как раз против того места, куда спускается с хребта к реке козлиный путь, охотники делают вдоль берега реки, в лесочке, из жердей ограду длинною метров 200. Эту ограду делают метра три вышиной и очень плотную, чтобы козы не могли ни перепрыгнуть её, ни пролезть через неё. От этой большой ограды отводят другие, меньшие ограды, идущие параллельно друг другу на расстоянии более 30 метров одна от другой, прямо к берегу, приблизительно под прямым углом к большой ограде. На этих поперечных (по отношению к большой ограде и к направлению берега реки) оградках делают по нескольку отверстий, шириною равных толщине козла. Делают их для того, чтобы поставить в них после, во время охоты, петли. Затем, на подветренном конце большой ограды устраивают непротекаемый дождём балаган. Всё это устраивается ещё весною для того, чтобы к осени постройки потемнели, заросли травой и вообще чтобы время за лето успело сгладить все резкие контрасты этих построек с окружающей природой. Когда приходит время караулить коз, охотника два или три ставят в отверстие поперечных перегородок петли из бичевы, натёртой травою. Сами садятся в балаган и, притаившись, ждут. Козы обыкновенно идут небольшими группами – по три, четыре, пять и по шести; к броду большею частью они спускаются или на восходе или на закате солнца. Осторожно спустившись с горы на берег, козы останавливаются, долгое время прислушиваются и обнюхивают кругом воздух. От охотников в эти минуты требуется высшая степень осторожности: достаточно кому-нибудь из них пошевельнуться или кашлянуть, и козы бросаются назад. Но если осторожность охотниками соблюдена, то козы спускаются в воду и переплывают. Как только они, переплывши реку, отойдут о черты берега, раздаётся враз несколько выстрелов в коз, и охотники выскакивают из своей засады. Несколько коз падают убитыми, а остальные, испуганные выстрелами, бросаются от берега в лес. Здесь они натыкаются на большую ограду, бегут вдоль неё до первой поперечной перегородки, видят в ней отверстия, устремляются в них, и передние из бегущих попадаются в петли, а задние проскакивают мимо них и запутываются в петлях следующих перегородок. Такие подкарауливания коз продолжаются с неделю или полторы, и в результате бывает убито до двадцати-тридцати коз, а иногда более, до восьмидесяти.

Бывает на юге и летняя охота. В июне и в первых числах июля козы выходят в те места на больших реках, где в воде растёт трава. Выходят они для того, чтобы есть эти водоросли. Туземцы в таких местах подкарауливают коз и стреляют. На выдр в Кузнецкой тайге охотятся зимой и летом. Зимой их стреляют на полыньях рек, а летом ставят капканы. Обыкновенно охотники находят такие места, где выдры часто вылазят из воды на берег; тут, около самого берега, в воде ставят железный капкан. Чтобы поставить этот капкан, они заходят в воду не около данного места, а метров за двести от него, и затем уже по воде подходят к избранному пункту. Так делают они для того, чтобы не оставить на суше следов, которые очень чуткая выдра может унюхать и проплыть мимо места своего обычного выхода.

Из всего сказанного о зверином промысле таёжных инородцев видно, что собаки у них на охотах большого значения не имеют. Поэтому и цены на собак в Кузнецкой тайге очень низкие. Выше пяти-семи рублей они не достигаю. Собак дома обычно не кормят, они питаются отбросами. Но на охоте дают собакам есть, чтобы они не сбежали домой и не съели припасов хозяина

Примечания

Приведённая выше статья взята из беловой рукописи 1916/1917 г. № 42 (ИАЭ 39). С. 33–51. В начале рукописи пометка А.В. Анохина гласит: «Ззаписи студента томского университета А.А. Каншина, 1917». В архиве Анохина вообще много таких рукописей его учеников. При детальном сравнении их с собственноручными дневниками Анохина, в тех и других оказывается очень много общего: очевидно, ученики писали свои статьи под сильным влиянием лекций и бесед Анохина. В данном случае отдельные части статьи Каншина совпадают с замечаниями из дневников Анохина 1915 г., № 12.

Дополнения к статье взяты нами из рукописей: 1) «Ореховый промысел и краткий очерк других занятий туземцев Алтая в селениях Паспаул, Сапаганда и Кара-торбок» 1926 г., Гр. Лепехина (№ 98); 2) «Летняя охота на козлов», статья 1926 г., № 85 (ИАЭ 128); 3) «Черновые дневники, тетрадь 12, 1915 г., о шорцах (№ 12); 4) Черновая рукопись Анохина 1916/1917 г., № 43 (ИАЭ).

На зайца (kojoн¹) охотятся с ноября до февраля; на белку (тыјын²) с октября до декабря, а иногда и до января; на колонка (сарас 3) с ноября до марта; на лисицу (т \ddot{y} Ік \ddot{y}) и на козла $(9лик^5)$, а также на рябчиков – с ноября до февраля. На волков охотятся главным образом поздно осенью: кладут отраву в падаль. Медведя бьют зимой. Весною, в апреле и мае, охотятся на зайца, бурундука, глухарей и другую перелётную дичь.

Охотится едут часто на большое расстояние, например, за 150 км. на верховья р. Какакокши, за 200 км. на р. Уймень, за 300 км. на р. Пыжу. Едут артели по 4-8 человек, причём всю добычу по окончании охоты делят поровну между участниками, независимо от качества стрелка и других условий. Переезжая с одного места охоты на другое, оставляют шкуры добытых зверей в снегу, а на обратном пути домой забирают их. Ружья преобладают курковые и шомпольные, старых систем. Приклады самодельные, дула с толстыми стенками и длинные. Так как такое ружьё тяжело, то для прицела к концу цевья приделывается подставка, с помощью которой охотник и стреляет с колена. Купить ружьё новой системы, берданку, винтовку или дробовик, туземцу не по средствам, да и пугает ещё сложность новых ружей и необходимость большого за ними ухода (№ 42, 1926).

Ружьё (оттукту кырлык, мылтык⁶) заряжается малой пулей на птиц и мелких зверей, большой пулей на медведя, марала, лося, волка и лису. Ружья покупают а городе, но часто переделывают их – переделывают узкое длинное ложе, а к ку-

¹ којоп ² tыјып

³ saras

⁴ tylky

elik

⁶ ottuktu kьrlьk, mьltьk

ру привязывают ремнём плоский кремень. Против кремня приковывают (вместо капсюля) пластину стали. Отверстие под капсюлем оставляют для пороха. Когда спускают курок, кремень ударяется о пластинку и даёт искры, которые воспламеняют порох, и получается выстрел. Около кремня привязывается на верёвочке шишечка и мягкой кожи, которая закрывает приготовленный для выстрела порох. В свободное время часть ружья с курком закрывается шкурою барсука. При ружье деревянный шомпол – из таволги, черёмухи или тальника, обитый на конце жестью или же вдетый в пустой патрон от револьвера. Натруска – простой напёрсток или рог. Ещё оружейные принадлежности: мешочек для пуль, пыжи, обыкновенный гвоздь для забивания пули в ствол ружья (№ 43).

Пули отливают на охоте с помощью так называемого калыпа¹: это род щипцов, у которых вместо двух клещей две железные пластины с полушаровидными углублениями в них. Если ручки калыпа сжать рукой, то два полушария соединяются и образуют полный шар. Через особую дырочку в этот полый шар наливается расплавленный свинец. Когда пластинки разведут, то этот свинец падает в виде готовой пули.

Лет шесть тому назад охотник убивал за сезон в среднем по сотне белок, а за последние годы белки стало меньше. Легенды по этому поводу гласят: 1) В один год белки, переплавлявшиеся через Телецкое озеро, были застигнуты бурей, и почти все погибли в водах озера. 2) Гора Адыһан играет в карты с рекой Аба каном; в последнее время Адыһан стал худо играть и проигрался. Раньше, при большем обилии дичи, охота давала охотнику в среднем 40 рубл., а теперь (1926 г.) не более 30 р. из которых минимум 10 р. он тратит на охотничьи припасы и обувь. Госторг, Хлебопродукт и др. учреждения скупают меха по таким ценам: белка 1 р. 05 коп., колонок 1 р. 30 коп., лисица рыжая 8–10 р., бурая 15 р., чёркая 50 р., волк 8–12 р., медведь 25–32 р., барсук 1 р. 50 коп., горностай 1 р., выдра 20 р., козёл 1 р. 30 коп., заяц 25 коп., бурундук 12 коп., рябчик 50 коп. (№ 98).

Шорцы на р.р. Томи и Мрассе делят всю добычу между собою поровну; чаще делёжка производится деньгами, кото-

¹ kalьр

рые получаются от продажи добычи. Ценность звериных шкур с каждым годом повышается. В настоящее время (1916/1917 г.) шкура лисицы стоит от 7 до 100 р., а чёрно-бурой 200—250 руб., барсука 60—90 коп., колонка 1 ½ – 2 ½ р., белки 15—30 коп., горностая 2—5 р., выдры 15—30 р., медведя 10—15 р., марала, оленя и лося 3—5 р., соболя 20—50 р., бурундука 1—5 коп., козла 3—5 р. У шорцев есть обычай брать с собою в тайгу в артель охотников сказочника с балалайкой. Он рассказывает по ночам сказки, часто растягивая одну сказку на несколько ночей. К приходу охотников домой жена или мать каждого из них приготовляет аракы (водку). Возвращение охотников, благополучное или неблагополучное, всегда заканчивается продолжительно гулянкой ($\mathbb{N} 43$).

В Паспауле большинство охотников, после продолжительного «белкования», больше на охоту не ходят. Но дальше в горы, в Кара-Торбоке, недели через две после «белкования», в январе, снова идут на охоту – на рябчика, колонка, зайца, кабаргу, белку, причём ходят не один раз, а чаще по два раза по 15 дней каждый раз. Лошадь с собой не берут, так как толщина снега в это время от 1 до 3 м. Идут на лыжах, взяв с собою нарточки (тюк²) для перевозки добычи, которую привязывают также и на верёвке к поясу. Идут артелями в 3-6 человек за 20-50 км. от дома. На месте продолжительной стоянки делают шалаш из пихтовых ветвей; если предвидится ненастная погода, то предварительно расчищают снег лопатой, которую делают тут же в лесу. На дно выкопаной в снегу ямы кладут слой пихтовых ветвей. На этих ветках потом охотники спят в своих кошемных шубах. Едят сухари, талкан с чаем и мясо убитых зверей. От такого стана охотники расходятся, по общему соглашению, в разные стороны; если снег рыхлый, то собаки бегут вслед за охотниками по лыжному следу, переступая со следа одной лыжи на след другой. Нарты оставляют на стану, а добычу в лесу складывают в берестяные и кожаные сумы. Вечером иногда возвращаются на стан, а иногда соглашаются ещё утром собраться к вечеру на новом, условленном месте. Случается, что возвращаются домой почти с пустыми

¹ arakь

² jyk

нартами, без добычи. При всём том, в охотничьих артелях встречаются также и молодые люди, подростки 15–16 лет, которые вступают в артель на равных правах, имея нужную для охотника ловкость и сметливость (№ 98).

Специальный костюм охотника приготовляется из кошмы (войлока) и имеет форму зипуна. Стенки его простёгиваются нитками, а верх прикрывается тканью. Костюм этот очень лёгок и хорошо предохраняет охотника от холода (\mathbb{N} 43).

Шорцы ходят на охоту группой от 5 до 10 человек. Каждый охотник берёт с собою бересто. На ночлеге из этого береста устраивается шалаш, который защищает охотников от зимней вьюги. В нём же ночью охраняются съестные припасы от собак, которые сопутствуют охотникам (№ 139, письмо 1914 г. Б.Э. Петри).

Живя дома, ойроты ловят бурундуков особым «силышком» (петлёю) из конского волоса. Весною, в апреле и мае, когда у бурундуков течка, охотники особым пищиком или просто своим свистом подражают самкам и этим сзывают самцов. Когда самец подойдёт близко, на него бросается собака и загоняет на куст. Тогда подходят к кусту и силышком, надетым на тонкий прут, ловят бурундука. Говорят, что бурундук не избегает петли, а сам протягивает в неё свою голову. Дети иногда в один день, с собакой, ловят 10−20 штук бурундуков и продают их в Улале по 12 коп. (№ 98).

Шэргэі¹ — деревянный примитивный капкан. Состоит из следующих частей: 1) цилиндр, через который должен пролезть зверь из норы; 2) лук с деревянной (из древесных корней) верёвочкой, который ставится на сторожевой крючок. Крючок этот заграждает путь зверю, вылазящему из своей норы. Зверь устраняет лук, высунув для этого голову из цилиндра. В этот момент лук защемляет голову зверя. Шэргэі в большом употреблении у шорцев, черневых и кумандинцев. Он бывает двух видов. Ставят его всегда к норе зверя или же в узкое место между корнями дерева, где, по предположению охотника, должен пройти зверь (№ 43).

¹ sergej

Дудочка для созывания весной рябчиков носит у кумандинцев на р. Бие название сыгырткыш¹(№ 128).

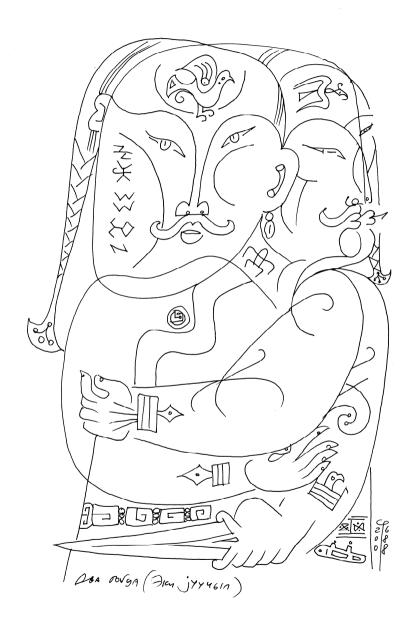
Марала бьют в июле на соль, из скрадка. Охота в данное время (1926 г.) стала играть меньшую роль в жизни ойрота, но тем не менее для бедноты она служит одним из главных источников существования (№ 98).

Лыжи (шана²) охотника устраиваются из лёгкого дерева – тальника или черёмухи. Снизу их обшивают кожей с голеней жеребца. В руках охотника, идущего на лыжах, имеется лопатка (курчек³), которой охотник регулирует направление своего пути, как на воде рулём, особенно – когда он с головокружительной быстротой летит с гор за зверем. Этой же лопаткой охотник откапывает себе яму в снегу – для ночлега. Некоторые охотники для ночлега возят с собою бересту, из которой устраивают над ямой меленький шалаш. Утром эту бересту складывают в нарточки и увозят с собою – для следующего ночлега (№ 43).

Нарточки делают из берёзового дерева; бока их переплетают тонкой бичевой. Нарточки служат на охоте для перевозки съестных припасов, охотничьих принадлежностей и охотничьей добычи. Поднимают они до 80 кг. От снега и дождя их прикрывают берестой. Охотник тянет их за лямку, не оставляя их и тогда, когда он преследует зверя. Шорцы на охоте обходятся и без нарточек: тогда все пищевые и ружейные запасы складывают в один или два берестяных туеса или же в кожаный мешок – ранец. Прикрепив его к спине ремнями или верёвочками, с этой ношей путешествуют по горным дебрям. Ещё нарточки заменяют сыромятной кожей жеребёнка или молодой лошади. Это так называемое сурткэ⁴. Вложив в нее весь дорожный запас, затягивают её веревочками. На одном конце, у головы кожи, прикрепляют лямку из плоской верёвки или из ремня; в эту лямку впрягается охотник и тащит, сам на лыжах, кожу с припасами за собой (№ 43).

¹ sьgьrtkьs ² sana

kyrcek syrtke

ЛЕТНЯЯ ОХОТА НА КОЗЛОВ

Сведения собраны у жителей по рр. Урсулу, Короты и Караколу. Козёл (элик¹) встречается на Алтае почти везде. Он живёт на высоких горах, в долинах, забегает иногда и в степные луга, которые примыкают к горной цепи. Козлы всегда бродят семьёй: самка, самец и козлята. Только ранней весною можно встреть козлов по одному, по два, без козлят, пасущихся около ручьёв, куда они выходят пить воду. Детей своих, в то время ещё слабых, козлы прячут под камни, оберегая от хищных зверей и птиц – филина и орлов-стервятников. В летнее время от жары козлы спасаются на северной стороне горы в лесной тени. Этот беспомощный зверь питается ночами, выходя из чащи на перевалы горы. Стадо козлов иногда неожиданно днём появляется около жилищ туземцев. Козёл плохо видит, но чрезвычайно хорошо слышит; особенно тонко у них обоняние. Малейший шорох или звук сломавшегося сучка, запах дыма, запах человека и даже его свежих следов - волнуют козла. В таких случаях он делает несколько двухметровых прыжков, издаёт тревожное, неприятное для уха блеяние, убегает от охотника и теряется в лесной чаще.

Козёл – кочующий зверь. Зимой он обычно живёт в таких местах Алтая, где выпадает не глубокий снег. Летом же, как уже сказано выше, он бродит повсюду. К местам своей зимней стоянки козлы идут через горные ручьи и долины и всегда большими партиями. Опоздавший козёл остаётся зимовать в снежных районах. Но здесь он часто гибнет от глубокого снега. Его ноги с тонкими копытами губят его: он проваливается в снегу и, кроме того, не находит достаточно пищи для себя.

Всех зверей, в том числе и козла, ойроты бьют зимой, начиная с ноября и кончая мартом. Всё это время шкура зверей, за исключением выдры, бывает лучше и в продаже ценится выше. Весной звери линяют, летом совершенно меняют покров своей шкуры. Вследствие этого теряется и ценность их.

¹ elik

Летом охотник туземец мало заинтересован в охоте. Но он допускает охоту в исключительных случаях и только на козла – не из-за шкуры, а из-за мяса. Мясо козла имеет розовый цвет, отличается приятным вкусом и питательностью, так как козлы, благодаря обильному корму, в это время бывают жирны. Летняя его шкура идёт на штаны, а зимняя на дохи, ценность которых в настоящее время (1926 г.) доходит до 35 р. (на доху требуется шесть шкур).

Ружья в этом районе употребляются различных типов: 1) фитильное (мулталы мултык¹), старого образца с рогатиной (с развилкой, с сошками), которая делается для большей опоры во время стрельбы; 2) шомпольное, пистонная винтовка (мултык задан²) с рогатиной же, и 3) берданка военного образца, четырёхлинейная. Из них фитильное ружьё выходит из употребления, как менее совершенное. Пули, в частности на козла, туземцы готовят сами, округляя свинец или зубами, или особыми щипцами.

Летняя охота на козлов у туземцев наблюдается двух видов – индивидуальная, когда охотник охотится один, и коллективная, когда охотятся целой партией, от пяти до восьми человек и больше. В индивидуальной охоте есть два случая. Первый: охотник седлает лошадь, берёт на плечи ружьё и едет километра за два, за три от жилья по северному склону горы, где обыкновенно лежат днём козлы. Со склона горы спускается в долину, к ручейкам, куда козлы приходят пить воду. Увидев зверя, он поспешно стреляет, в исключительных случаях даже с лошади. Когда козёл оказывается не убитым, а только подстреленным, тогда охотник посылает искать свою добычу собак; если козёл продолжает бежать, охотник снова стреляет в него.

Охотничий обычай требует – тотчас же, как только козёл будет убит, распороть у него живот, вынуть почки и в горячем виде съесть их сырыми. С этим туземцы соединяют мысль о своём дальнейшем счастье на охоте.

Охотник сдирает с убитого козла шкуру, привязывает мясо к седлу и возвращается домой. Мясом козла пользуется не

¹ multalь mьltьk ² mьltьk zadan

только семья охотника, но и все соседи, которые, собравшись к охотнику, варят мясо и едят. Кожу развешивают в юрте, где она некоторое время дымится и подсыхает, а потом идёт в обработку. Выработкой кож занимаются исключительно женшины.

Второй случай индивидуальной охоты довольно сложный и требует предварительных приготовлений. Это охота на солонцах. В Алтае, как у домашнего скота, таки у лесных зверей всегда наблюдается большая потребность есть соль. Это явление сами туземцы объясняют свойствами местной травы, которою питается алтайский скот. Потребность эта настолько сильна, что животные сами ищут соль и уходят от жилища на десятки вёрст туда, где есть естественные солонцы. Для зверей охотники устраивают искусственные солонцы – в таком месте, где удобнее вести наблюдения над ними. Звери ночью выходят из лесной чащи на перевалы гор. То же делает и козёл. На этом основании и солонец охотники устраивают на горном перевале. Самый распространённый способ устроить солонец такой: берётся мелкими комочками соль и разбрасывается по земле. Земля при этом предварительно взрыхляется. Место для этого часто выбирается намеренно среди камней для того, чтобы козлу было затруднительно достать соль; таким путём стараются продлить пребывание козлов на солонце, что для охотника имеет большое значение. Посыпав соль, охотник устраивает в метрах 10 от солонца засаду – или делает балаганчик из мелких деревьев или просто выбирает пень. Здесь во время ночи охотник подкарауливает козла. Устроивший солонец охотник приходит на него только спустя несколько дней, обычно после первого дождя. Во время дождя соль растворяется и сглаживаются все следы человеческого пребывания на солонце. В противном случае чуткий зверь не придёт. Охотятся на солонцах всегда в ясную, хорошую погоду, ночью, когда движение воздуха направляется сверху вниз. При обратном движении воздуха козёл слышит запах человека и убегает.

Охотник всходит на гору вечерком, оставив свою лошадь внизу, у подошвы горы, вместе с собакой. Заходит непременно с южной стороны, где не бывают днём козлы. При наступлении темноты охотник уже сидит в засаде с приготовленным

ружьём и с взведённым курком, наметив целью для выстрела определённую точку. От охотника требуется чрезвычайная напряжённость он не кашляет, не курит табак, не издаёт шороха. Малейшая неосторожность может напугать зверя и он больше уже в эту ночь не придёт. Когда козёл начнёт лакомиться солонцом, раздаётся выстрел. Если козёл окажется подстреленным, то рано утром охотник вызывает собаку, которая его находит и загрызает. После этого охотник свежует козла. Тёплые почки тут же съедает, а остальное мясо и шкуру везёт домой.

Если охотник на продолжительное время прерывает свою охоту, то при новой охоте солонец вновь посыпается в таком же порядке солью.

Летом в свободное от работы время туземцы устраивают коллективную охоту, которую они называют словом: агиртапичь¹, собственно: кричать при охоте на зверя. В этой охоте участвуют около 10 человек, все на конях, с ружьями и собаками. Охота эта происходит обыкновенно в северном логу горы, который покрыт лесом. Лог этот суживаясь постепенно, должен выходить верхней своей стороной к горному хребту. Вот в этом то узком месте, в разных пунктах недалеко друг от друга, садятся три или четыре охотника с ружьями. Прочие охотники заходят, наоборот, в нижнюю часть долины и начинают постепенно с криком подниматься вверх, выгоняя из лесу козлов. Напуганный зверь всегда бежит сам в горы, как раз к тому узкому месту, где засели охотники. Последние, один за другим, должны стрелять в приближающегося зверя на бегу.

Здесь также, как и в других случаях, у убитых козлов, по охотничьей традиции, прежде всего охотники съедают горячие почки. Вся добыча делится между охотниками поровну. Мясо козла, убитого на охоте, туземцы никогда не продают, а съедают сами, угощая им и всех своих соседей.

Примечание

Настоящая статья взята из рукописи 1926 г., № 85 (ИАЭ 128). Заглавие рукописи: Краеведческая работа среди тубов с. Паспаул, 1926 г. Эта статья прекрасно дополняет те части предшествующей статьи, где также речь идёт об охоте на козлов.

_

¹ agьrtaрьs (?)

ОХОТНЧЬИ ОБЫЧАИ И ПОВЕРЬЯ У ШОРЦЕВ

При возвращении с дневной охоты в тайге каждый из охотников складывает свою добычу у шалаша (ачык одаг¹) и при первом разговоре заявляет, что больше и лучше этой добычи он не имеет. Охотник, застреливший ценного зверя – медведя, соболя, лося, при встрече у шалаша уклончиво отвечает на все вопросы о добыче, и свою добычу в этом случае не приносит с собою к шалашу. По тону ответа все догадываются, в чём дело, и стараются всегда отметить этот случай: пьют брагу (абырткы²), приготовленную из ячменного талкана, варят больше обычного конского мяса, которое тут же при общем оживлении съедается. После всего этого заинтриговавший всех охотник объявляет о своей добыче.

Охотники шорцы при разговоре о ценных зверях не называют их собственными именами, а всегда придумывают для каждого из них другое имя. Эту охотничью традицию они особенно тщательного выполняют по отношению к медведю. Настоящее имя медведя у них: апшыјак 3 (старик); но охотники называют его иначе: абыда ол 4 (тёзка, приятель), азыг 5 (дикий, грозный), улабаш 6 (дедушка), улу кижи 7 (великий человек), адалык 8 (почтенный). Последним именем медведя называют не только охотники, но всякий встретивший где-нибудь его случайно. В таких случаях мужчины перед зверем снимают шапки и, кланяясь ему вслед, говорят: јолын алым адалык 9 – «Иди себе дорогой, почтенный!»

¹аськ odag

² abыrtkы

³ apsьjak

[‡] abьdaj ol

аzьg

⁶ ula bas

⁷ ulug kizi

⁸ adalьg

⁹ jolin alьn (?) adalьg

Некоторые из туземцев убеждены в том, что медведь, прижимая уши к земле, слышит все разговоры человека, которые ему передаёт земля. Желая скрыть свой разговор о медведе, охотники поэтому и не называют его по имени. При этом думают, что если медведь подслушает дурной разговор о себе, то будет мстить за это — давить скот, разорять ночами пасеки и нападать на самого человека.

Туземцы рассказывают ещё, что когда медведя убивают, то стегают его, с приговорами, тонкими прутьями — наказывают его за те пакости, которые он делал человеку. Но в этом бичевании есть и другой смысл: они стращают других медведей, которые, будто бы, услышат это и побоятся причинять зло люлям.

Из мяса того зверя, которого убили на охоте, туземцы не делают шашлык (кусок мяса, который жарят на огне, нанизав на палку), потому что, по их убеждению, от этого ружьё теряет свою «поронность» (мултык кайсып парар 1), т. е. ружьё как бы теряет способность ронять или ранить зверя. Из тех соображенй не палят на огне птицу, убитую ружьём, например, рябчика, копалуху, глухаря и т. д.

Если возвратившиеся с дневного промысла охотники найдут свой шалаш поломанным бурей, зверем или злонамеренным человеком (последнее бывает часто), — то это считается дурным признаком, и счастья на охоте не будет. В таких случаях охотники возвращаются домой. Пробывши дома самое короткое время, снова идут на охоту, если к тому времени представляется возможность.

Примечание

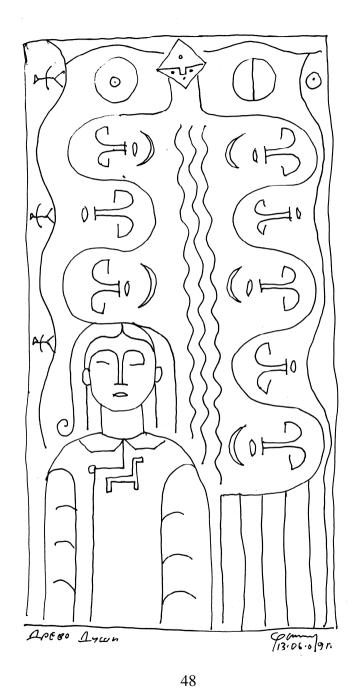
Взято из черновой рукописи 1918 г. № 139 (ИАЭ 77). С. 23–25, 71–73 и № 43. 1916/17 г. С. 105–107.

Дополнение из рукописи № 115 (ИАЭ 79) 1927 г. Василия Белолитерова (?) «Охота теленгитов».

Когда охотники готовятся к отправке на охоту, а жена охотника и вообще одна из женщин, находящихся в доме, начинает ругаться, бросать посуду, то в таком случае раньше охотник говорил: «Лучше не ездить», ибо, по его убеждению,

¹ multьk kajsьр barar

дорогой должны произойти разного рода неудачи: лошадь сломает себе ногу, ружьё не будет на охоте убивать зверя и т. п. Когда охотник выезжает на охоту, и дорогу перебегает заяц, то зайца нужно обязательно убить, причём стрелять в него должны обязательно все присутствующие охотники. Если кровь из ран убитого зайца будет течь сильно, то охота должна быть удачной; если же кровь течёт слабо, то охота не даст много добычи. Если у охотника в лесу сгорит шуба или обутки (обувь), то значит жена охотника дома изменила ему с другим мужчиною. И наоборот: в случае измены жены у охотника в лесу сгорает одна из принадлежностей одежды. Уверяют, что если муж сердит на свою жену, но не знает с чего начать, к чему придраться, то он сжигает на охоте свои обутки и, вернувшись домой, начинает срамить свою жену. Не убивают из ружья собак и ворон, так как в противном случае ружьё будто бы теряет способность ранить зверя. Но в настоящее время (1927 г.) охотники-ойроты уже не верят во всё это.

РЫБАЛКА У ШОРЦЕВ

Рыбачат шорцы прежде всего сетями (энме¹): ими окружают в больших реках определённое место и затем в круг опутанный одной или несколькими сетями, заходят вброд или заплывают на лодке и начинают булькать. Рыба бросается во все стороны и попадается в сеть. На р. Мрассе сети по своему устройству несколько отличаются от сетей кондомских шорцев. На Мрассе сети имеют самое обычное устройство. Поплавки представляют собою дощечку в 18 см. длинной, 9 см. шириной и 2 см. толщиной. У больших сетей поплавки бывают больших размеров. Грузилами служат круглые камешки, привязанные к нижней тетиве драньём от кедрового корня. Тетивой называется верёвка, которая тянется вдоль всей сети. Верхняя тетива прикреплена к верхней поле сети, нижняя тетива – к нижней; на эту верёвку сеть насаживается. Длина таких сетей достигает 40–65 метров.

У шорцев на р. Кондоме, более тихой, чем Мрасса, и устройство сетей в зависимости от этого несколько иное. Нижней тетивы с привязанными к ней камешками-грузилами на них совсем нет. Длиной эти сети бывают метров 10.

Сетями обычно рыбачат на больших реках, а на маленьких речках рыбу ловят мордами (сÿген²) и корытами (ашпар³). Морды всегда ставят в заезки, которые городят из камней или из прутьев и через всю реку. В заезках оставляют несколько отверстий, в которые и ставятся морды. Отверстиями, в которые залазит рыба, морды бывают обращены – весною вниз по течению реки, потому что рыба весной идёт вверх; осенью – вверх против течения реки, так как рыба тогда спускается вниз.

Особенно большой улов рыбы у туземцев бывает тогда, когда они рыбачат корытами. Эти «корыта» не имеют в своём

² sygen

¹ enme

³ aspar (asьp-bar)

устройстве ничего общего с теми корытами, в которых стирают бельё, и вообще они не соответствуют своему русскому названию. «Корыта» для рыбной ловли устанавливаются таким образом: речка в том месте, где она узка и быстро течёт, перегораживается заезком из прутяных решеток, укреплённых большими козлами и кольями. Решётки эти возвышаются над уровнем воды минимум на 150 см., потому что корытами ловят рыбу осенью, когда по воде плывёт очень много опавших с деревьев листьев, которые залепляя решётки, мешают воде просачиваться сквозь решётки этим сильно повышают уровень воды выше заезка. Один только промежуток в 60 см. шириной делается возвышающимся над водой не выше 40 см., так что в этом месте заезка получается своего рода вырез. К такому месту снизу из воды притыкается корыто – ашпар¹. Оно представляет собою сделанный из жердей ящик. Длина его равна бывает приблизительно 320 см., ширина 80 см. и вышина 40 см. Одна из двух противоположных и самых маленьких концевых стенок «корыта» бывает вынута. Жерди прилегают друг к другу не вплотную, а образуют между собою щели в палец шириной; чтобы они не рассыпались, их связывают друг с другом прутьями. Ящик этот той стороной, в которой вынута стенка, прилегает к упомянутому уже прорезу в заезке и всей своей длиной протягивается вниз по течению. Указанный ящик не весь лежит в воде. Немножко погружается в воду только передняя, прикасающаяся к заезку часть, а задняя, удалённая вниз по течению от заезка, приподнимается на козлах вверх. Так что ящик лежит не на горизонтальной плоскости, а на наклонной, имеющей понижение к заезку. Первое время после своей установки он, таким образом, почти весь возвышается над уровнем воды. Но через несколько дней картина меняется. Листья, приносимые течением, зацепляются за решётки заезка и мешают воде протекать. Течение выше заезка, вследствие задерживания воды, замедляется, и там образуется плёс, который с дальнейшей прибылью воды всё более увеличивается. Вместе со скоплением воды скопляется и рыба. Которая осенью очень быстро скатывается вниз по реке. Она ходит около заезка и тыкается носом в щёлочки и дыроч-

¹ aspar

ки его, но выхода нигде не находит. Рассказывают, что около заезка иногда за один или два дня накопляется так много рыбы, что буквально не бывает видно дна. Но вот уровень воды, всё поднимаясь выше, достигает высоты прореза, позади которого стоит ашпар и, наконец, даже превышает его. Тогда вода струёй в ширину прореза переливается прямо в ашпар. Очевидно, от слова переваливаться, ажарha¹, происходит и название корыта – ашпар². Струя добегает до половины ашпара и скатывается из него по щелям в низ, так что задняя часть остаётся сухой – вследствие того, что она бывает приподнята на козлах выше над водой. Рыба, в течение двух дней не находившая себе прохода через заездок, как только струя воды начинает перекатываться через прорез, – вместе с этой струёй переваливается через заездок и, само собою разумеется, попадается прямо в ашпар. В нём она силою инерции выбрасывается в сухую часть ашпара и там, обычно наваливаясь друг на друга и не долго побившись засыпает.

Поставивши при устье каждой речки ашпары, можно, казалось бы, в одну осень поймать всю рыбу во всей тайге. Но на деле этот способ рыбной ловли не так уж варварски истребляет рыбу, как это кажется. Дело в том, что ашпар очень редко держится целую неделю, потому что осенью дожди частое явление, а от дождей горные речки очень скоро и сильно прибывают. Если с утра пойдёт сильный дождь, то в полдень река уже надувается, выходит из берегов и с такой силой несёт свои воды, что никакие заездки не могут устоять. Вся рыба, какая была в речке, скатывается с этой большой водой в крупные реки. Затем иногда даже и в маленькую воду рыба в ашпар не лезет, хотя её в реке и очень много. Отчего это бывает, я не могу добиться от туземцев, но сам склонен предполагать, что это бывает, когда ловушко плохо замаскирована: рыба, которая попадает в ашпар – таймень, харьюз и ускуч – очень пугливая и хитрая. Большие таймени, упёршись хвостом в перегородку, переваливаются на другую её сторону.

Ещё ловят рыбу лучьём или острогой: плавают ночью с факелом и колют острогой рыбу. Есть ещё особые способы

¹ azarga. ² aspar.

для ловли рыбы мелкой, а не крупной. Такова ловля муленей (рыба, которую на Мрассе называют: улен¹, а на Кондоме: одара²) и пескарей, кудреш³, обыкновенным, часто сплетённым из конопляных ниток сачком. Жарким летним днём можно видеть, как в воде около берега, нагнувшись и опустивши обе руки в воду, неподвижно стоит женщина и глядит на воду. Вот она опустила сачок в воду и одной ногой, царапая под сачком дно, мутит около него воду. Мулени и пескари очень любят муть и целыми полчищами собираются под сачком. Тогда рыбачка поднимает сачок и высыпает рыбу в привязанную к её пояску и плавающую сзади её коробушку (тозыяк⁴). Из этой рыбёшки после выдавливают большим пальцем правой руки все внутренности, варят рыбу вместе в колобками пресного теста, и получается так называемый тутпаш⁵. Описанная рыбалка исключительно женская. К категории рыбалок на мелкую рыбу относится ещё стреляние рыбы из лучка особыми стрелками – тонкими и длинными, сделанными из сырого дерева. Но эта рыбалка почти исключительно детская. Наконец мелкую рыбу ловят сплетённым из ниток длинными рукавом – пара 6 , у которого один, узкий конец не имеет отверстия, а другой широкий имеет отверстие, в которое должна заходить рыба. Это отверстие надето на обруч, имеющий вид полукруга. Рыбачат этими «парами» следующим образом. Осенью, когда рыба ещё спускается вниз по реке, на маленькой речке городят из камней заездок. Этот заездок имеет вид угла, вершина которого находится как раз в середине речки, а стороны этого угла отходят от вершины вверх по течению реки - к берегам. В самую вершину этого заездка-угла, которая имеет незагороженное маленькое отверстие, ставят на ночь «пару». Но так как свои же односельчане воруют из «пары» ночью рыбу, то её караулят: «пара кадарарга»⁷, как выражаются туземцы. Это хождение на караул считается скорее развле-

¹ ylen.

³ кудрещ? Сравни ойротское pydyre, pydre.

⁵ tutpas.

para.

para kadararga.

чением, чем работой. На него всегда ходят компанией из молодых ребят и девушек. Около самой «пары» на берегу реки они разводят костёр, который и поддерживают всю ночь. Сами не спят в течение целой ночи, сидят и ведут весёлые беседы. В подробности о том, что они ещё там делают, я не входил. Однако они не забывают и караулить воров. Часто случается, что воры выкрадывают рыбу из «пары» даже и в присутствии караула. Такое воровство не считается предосудительным с точки зрения этики туземцев. Напротив, умение выкрасть из «пары», будучи незамеченным караульщиками, считается даже своего рода ловкостью, спортом. Зато неловкий вор, именно только за свою неловкость, платиться своими боками и спиной: замеченного вора бьют. Утром вытряхивают рыбу из «пары» и делят её между собою. Чаще всего в эту ловушку попадаются усатики, сагалаки¹. Ставят ещё и жерлицы на крупную рыбу, наживляя мелким чебаком.

Примечание

Приведённая статья взята из рукописи 1916/17 г. № 42 (ИАЭ 39). Дальнейшие дополнения взяты из рукописей №№ 43, также 1916/17 г. С. 32 и след., о шорцах, и № 139 (ИАЭ 77). 1918 г. С. 23 и след.; наконец, из дневника 1915 г. № 12 (ИАЭ 13). С. 18.

Любят также шорцы рыбачить удочкой. Так как вода в местных речках совершенно прозрачная, то ловец должен себя искусно замаскировать от глаз рыбы: в противном случае рыба не пойдёт к наживке. Есть также у шорцев обыкновенный сак с ручкой: им ловят рыбу после дождя, когда вся вода делается мутною, и ещё весною − в то время, когда мелкая рыба выходит из подо льда в проталины к берегам, чтобы подышать свежим воздухом (№ 139).

Жители берегов р.р. Томи, Мрассы и Кондомы питаются рыбой: харьюзом, щукой, тайменем, ельцами, ускучем, чебаком, ершом, окунем, налимом и особой мелкой рыбкой саһалаком, которой особенно много в среднем течении р. Мрассы. В озёрах попадаются ещё лини и караси. Каждый береговой житель имеет у себя маленький сак и ловит им саһалаков к обеду. Сак опускают в воду на глубину 40 см. и

¹ sagalak.

некоторое время держат в воде; когда наползут саһалаки, сак потихоньку поднимают из воды вверх. Бедные семьи летом питаются почти одной этой рыбой. При варке её некоторые чистят. Варят её долго, и в котле образуется каша, в которую добавляют ячменной муки или же колобки теста.

Для ловли крупной рыбы шорцы имеют невода, переметы с жерлицами, на которые насаживается рыба для приманки, плетёные из хвороста морды (верши) и корчажки. Морды ставят на перекатах реки. Под тупым углом от морды проводят загородку — из камней или из кольев, обвитых хворостом. Идущая вниз по течению рыба попадает в узкое отверстие загородки, а из него в морду. Особенно много добывается рыбы поздней осенью, когда рыба совершает свой путь сверху вниз, и весною, при сбрасывании икры, когда появляются первые полыньи. Когда рыба идёт в верховья реки к холодным ключам или к снежной воде, тогда бывает также хороший улов.

Рыбних запасов шорцы не делают. В каком бы количестве не поймали рыбу, она вся тотчас же расходится по рукам и употребляется в пищу в свежем виде. Впрочем, очень редко можно встретить сушёного тайменя (№ 43, черновая рукопись, повторяющая сведения о рыбалке, приведённые нами выше под заглавием: «Рыбалка у шорцев»).

```
Несколько шорских рыболовных терминов:
```

таймень - пел, hel,

ускуч - kÿckÿш, kyskys,

усатик – сагалак, sagalak,

чебак или елец – камнык, катпьк,

мулень - öлен, ylen,

морда - сÿген, sygen,

корчажки – тоголак сÿген¹, собственно: круглая морда,

невод – агыспа, созурбе, адьsра, sezyrbe,

острога – шашкы, saskь, имеет 3, 4 и 5 зубьев; куют её сами из железа,

жерлица – карбак, karbak.

¹ togolak sygen.

СКОТОВОДВТВО У ШОРЦЕВ

Из туземцев, населяющих Томскую губернию, шорцы оказываются самыми бедными скотоводами. Этому есть свои причины. Прежде всего, в тайге нет более или менее широких площадей для выгона скота, равно как и хороших лугов для сенокошения. Площадь тайги, с её плоскогорьями и узкими долинами, покрыта густым лесом, мелким кустарником, имеет много топких болот. Долины р. Кондомы считаются лучшими местами для сенокоса во всей тайге, но они заняты русскими посёлками, а в своё время отдавались Горным Управлением Алтайского округа в аренду приискам. На долю шорца остаются средние места и худшие, которыми он и пользуется для своего хозяйства. Шорский скот, вследствие таких условий, пробивается в небольших лесных прогалинах. Площадь, на которой он пасётся (так называемая поскотина), к половине августа настолько отаптывается, что она делается мало пригодной в качестве выгона. Это обстоятельство вынуждает шорца во второй половине лета выгонять свой скот на сенокосные места, на свежую траву (отаву). Но выгон скота для кормления его на свежих местах у шорцев всегда запаздывает, потому что запаздывает самое сенокошение, главным образом вследствие периодических дождей, которые летом в тайге выпадают в большом количестве. Сенокос у шорцев почти ежегодно заканчивается только в конце осени, часто совпадая с уборкою хлеба.

Скотоводству в тайге не благоприятствует и самая трава, хотя она растёт очень высокой, в некоторых местах даже скрывая всадника с конём. В ней преобладает лопушняк, особенно много кукольника, репья и пучек. По наблюдениям русских, приехавших сюда жить из степей, вся таёжная трава является мало питательной для скота, не ссорой и, по их выражению, пресной. От последнего свойства травы у скота наблюдается постоянная потребность в соли. При отсутствии в тайге природных солончаков, эта потребность мучает скот, и он жадно есть всё, что только имеет в себе хотя бы ничтож-

ную дозу соли – одежду, кожу и всякие отбросы, включительно до человеческих экскрементов. В тайге скот – опасный вор, который всегда выглядывает, где что-нибудь стащить и изжевать, если его не кормят солью. Изнурительно также действуют на местный скот целые тучи комаров, мелких мошек, целые рои паутов (оводов), слепней и строки. От этих лесных врагов скот спасается только дымом. Лето в тайге короче обычного почти на целый месяц. Это обстоятельство вынуждает туземцев делать большие запасы сена, нежели делают жители степей. Ранней весной, когда скот питается подножным кормом, часто выпадает глубокий снег; от дождя и мороза снег оледеневает. Скот в это время остаётся совершенно без корма и ест тонкие прутья с деревьев; от этой жёсткой пищи у него бывает прободение кишёк, и скот гибнет.

Шорцы Кузнецкой тайги разводят лошадей, коров и не много овец. Лошадь в тайге можно встретить везде: на одного жителя (точнее: на мужа и жену) в среднем приходится по две лошади. Число коров в процентном отношении превышает число лошадей, овца же в тайге составляет редкость. Встречаются в тайге семьи, у которых насчитывается от 10 до 20 голов скота, но это — исключительные случаи. Скотоводство около гор. Кузнецка и на р. Матуре поставлено лучше, чем в центре тайги. Нужно полагать, что этому много содействовала близость местных шорцев к русским, а также лучшие местные условия для скотоводства: широкие площади для сенокошения и луга.

Весь скот у жителей тайги малорослый. У туземцев нет стремления развести крупный, породистый скот. Только матурцы стали приобретать от сагаев, своих соседей по территории, породистых быков. Сагайские быки своей величиной обращают на себя внимание и вошли в Сибири у русских в поговорку: «У, какой здоровый, как сагайский бык!».

Скот шорца зимою стоит в пригонах, которые устраиваются около жилищ. Пригоны мало защищены от ветра и от снега; при них имеется небольшой навес, куда сбрасывается сено и дается скоту два раза в день – утром и вечером. Скот шорцы питают неумело, и к весне он часто настолько ослабевает, что залегает, и его приходится поднимать. Вследствие дурного питания доение коров зимою прекращается.

Подвозка сена зимой из стогов у шорцев в тайге сопряжена с большими затруднениями, особенно в то время, когда выпадает глубокий снег. Прежде чем проехать на санях за сеном, протаптывают верхом на лошадях дорогу к стогу: приводят сначала одну лошадь, за ней другую, третью; тропа от этого постепенно утаптывается, и тогда только по ней проезжает в санях. Если почему-либо невозможно протоптать дорогу описанным способом, то прогребают её лопатами. При сильных продолжительных буранах и этого сделать нельзя; тогда скот голодает и часто гибнет от голода, хотя сено остаётся. Многие из шорцев, которым затруднительно подвозить сено из стогов, ставят зимой лошадей к стогам и оставляют их там одних питаться без призора. Этот приём кормления лошадей крайне не практичен, потому что скот больше вытаптывает сена. чем съедает. Когда сено одного стога лошади съедают, их переводят к другому стогу, и т. д. (№ 139).

Пригон представляет собою площадь – в среднем 6 метров шириной и метров 12 в длину, с 4 и до 16 столбами на этом пространстве. У более зажиточных хозяев пригоны делаются из плах, которые плотно вставляются в пазы столбов, образуя стену. В одной из таких четырёх стен оставляется отверстие для ворот, чтобы могла проехать телега или сани. Сверху на столбы накладываются балки, а на них наваливают пихтовых сучьев, которые и образуют собою крышу. У бедных стены пригона делаются не из плах, а также из ветвей и мелких пихтовых стволов. Внутри, тот и другой пригон делится изгородью на несколько частей, в которых стоит отдельно мелкий и крупный скот. Зимою на крышу пригона падает снег и заносит его со всех сторон. Летом бедняки все ветви со своего пригона сжигают на дрова, оставляя одни столбы; к зиме делают новый.

Кроме пригонов, для скота устраивается особая городьба, так называемый телятник, где летом пасутся молодые телята. Величина телятника зависит от количества скота; чаще всего он равняется по своей площади обыкновенному огороду, но иногда и больше. В телятниках обычно растут деревья: пихта, берёза, сосна, черёмуха, изредка кедр и эти деревья служат убежищем для телят в жаркое время. Там, где нет деревьев, для тени строят специальные маленькие юрточки. Иногда те-

лятник служит помещением и для той рабочей лошади, которая постоянно нужна хозяину. Телят держат в телятниках туземцы для того, чтобы сохранить телёнка от волков, а также — чтобы он не высасывал у матери в поле молоко. Годовалых телят не держат в телятниках, а отпускают вместе с коровами в поле. При этом тем телятам, которые продолжают сосать мать, надевают колючие намордники. При доении коровы сначала подпускают к ней телёнка, чтобы она спустила молоко. Потом привязывают телёнка, выдаивают корову, но оставляют один сосок не выдоенным — для телёнка. Летом коров доят два раза в день — утром и вечером. Зимою туземцы на всём общирном Алтае перестают доить коров, кроме тех редких случаев, когда корова отелилась осенью. Вследствие этого туземцы Алтая лучше питаются летом, нежели зимой. Летом у них есть даже арачка (водка) из молока.

Овец туземцы стригут два раза в год – весной и осенью, и шерсть всю оставляют для своего употребления. Изготовляют из неё рукавицы, пимы (обувь валенки), шабуры (верхнюю одежду); только богатые излишек шерсти продают. Туземцы стригут не только овец, а также остригают гриву лошадей, и из волоса приготовляют большой прочности верёвки, годные к употреблению на два-три года. На продажу конского волоса почти не остаётся.

Свободные лошади у туземцев всегда пасутся на воле табунами без пастуха. В каждом табуне всегда есть жеребец, который и защищает табун от лесных зверей – медведей, рысей и волков. Случаи нападения зверя на табун наблюдаются часто. Рассказывают о таком случае: на табун напали четыре волка. Жеребец стал защищаться, и трое волков были убиты его копытами, а четвёртый волк вцепился коню в хвост. Жеребец ударял вцепившегося волка своими копытами, а сам мчал его к деревне, куда и примчал волка – уже мёртвым. Второй случай: жеребец заметил двух волков, подбиравшихся к табуну. Тогда он прижал табун к скале и, ударяя копытами, убил волков; но когда волки упали, он всё еще не отпускал табун от скалы, обнюхивал убитых волков и не отходил от них. Когда хозяин табуна пришёл смотреть лошадей, то удивился, почему они стоят у скалы, но потом увидел убитых волков и подошёл к ним. Только тогда жеребец убедился, что волки мертвы, и он погнал табун от скалы. Иногда бывают случаи, когда сама мать защищает своего жеребёнка и нередко убивает волков; но бывает, что и жеребцы по своей слабости не могут защитить своего табуна. Жеребёнок пользуется молоком матери всё лето — до тех пор, пока сам не отвыкнет. Осенью всех жеребят отделяют в особую загородку, в которой они за зиму совершенно отказываются от матери.

Вокруг селения городится поскотина, в которой скот и пасётся. Загораживать поскотину должен каждый туземец, имеющий корову или лошадь. Кто больше имеет скота, тому полагается загораживать большее пространство поскотины. Отличий в способе загораживать поскотину у туземцев по сравнению с русскими никаких нет.

Если скот из поскотины прошёл через отверстие загороди и потравил поля или сенокос, то по определению особой комиссии за потраву уплачивает хозяин той части поскотины, через которую проник скот. Если же скот был спутан за поскотиной и попал в потраву, то стоимость потравы уплачивает хозяин скота.

Лечение скота преобладает домашнее, а не медицинское. Например, один туземец, по его словам, вылечил заболевшую тёлку отваром конопляного семени, не прибегая к ветеринарной помощи. Существует лечение травами, а также заговорами, например, от укуса змей. Но эти случаи встречаются редко. При эпизоотиях ставится караул, который, во избежание заразы, запрещает переезд из одного селения в другое. Очень давно (об этом мало уже кто помнит) пользовались так называемым деревянным огнём, т. е. добывали огонь от трения одного дерева о другое и разжигали этим огнём костры у ворот поскотины. Проезжающий подкуривался этим огнём и уже без опасения ехал дальше.

Зимою домашний скот не питается подножным кормом, так как снег здесь выпадает очень глубокий. Местные жители заготовляют скоту на зиму сено – для лошадей высшего качества, листовое, а для коров и овец – сено, собранное с болот. Туземцы кормят свой скот также и солью. Для этого они берут кормовую соль и дают лизать скоту, а если нет кормовой, то посыпают мелкой соли. Кормление скота зимой солью считается необходимым потому, что в этой местности «пресная

трава», и скот после такой травы необходимо нужно кормить солью. Иногда коровы не приходят доиться во время; на этот случай туземцы всегда имеют соль, которая и заставляет приходить коров домой. Туземцы говорят, что от соли улучшается и мясо – делается вкуснее.

До империалистической войны у туземцев скота было мало. Во время войны скот ещё значительно убавился; осталось, по словам туземцев, не более 30% прежнего. Но после Гражданской войны количество скота стало быстро увеличиваться, и в настоящее время достигает до 75% довоенного количества. Ойротская Автономная область в последнее время обратила особое внимание на разведение скота у туземцев, уменьшив до минимума налог на скот (№ 85).

Примечания

Приведённая статья составлена из двух половин: первая половина взята из рукописи 1918 г. № 139. С. 45–47; сравни № 43. С. 97–100. Вторая половина взята из рукописи 1926 г., № 85. С. 3–8 «Краеведческая работа среди тубов». Конец первой половины отмечен у нас значком: № 139. Дальнейшие дополнения взяты из рукописи 1926 г. № 98. С. 4 и след.:

В районах селений Паспаул, Сапаганда и Кара-Торбок туземцы держат следующий скот (туземные названия даны по наречию тубаларов):

```
лошадь – ат, at,
корова - ÿй, uj,
овца - кöй, koj,
баран - кÿлча, kuca,
козёл – элик, elik,
свиней (чочко<sup>1</sup>) не держат.
```

Овец держат мало, что объясняют обилием волков. Продолжительность зимы затрудняет разведение домашнего скота. Местный скот очень вынослив, имеет твёрдые копыта, необходимые в горной местности. Местные лошади привыкли к езде на них верхом, но не умеют ходить в хомуте; мяса дают мало, вследствие своей небольшой величины. Коровы не молочны: средняя удойность 240 кг. в год. Недавно (писано в

¹ cocko.

1926 г.) Советская власть устроила в 18 км. от Паспаула случной пункт, где есть породистые производители, но обращаются туда немногие.

Зимой скот держат в пригонах. Рано утром хозяин гонит свою скотину на водопой – на речку, а потом даёт ей сена. В полдень опять дают скотине сена, а поят только лошадей. Вечером поят на речке весь скот и бросают ему сена на ночь. Овец утром и вечером поят пойлом. Летом лошадь питается на подножном корму, пущенная своим хозяином после работы. Корова день и ночь находится в поле, приходя лишь утром и вечером для доения. Овцы всё время летом находятся за пастухом и пасутся в поскотине. За новорождённым жеребёнком почти никакого ухода не бывает, да он и не нуждается, так как сразу начинает бегать за матерью. Когда телёнок или ягнёнок родится в холодное зимнее время, то его приносят в избу или в баню; если же погода тёплая, то оставляют ягнёнка с матерью на всё время, а телёнка – до тех пор, пока он не будет самостоятельно ходить в поле. Хлевы встречаются только у зажиточных. Хлев представляет собою маленькую постройку не более 9 кв. метров, а иногда и много меньше. Высота хлева 1-1,5 метра. Строится он из тонких брёвен; потолок покрывается землёй, на которой вырастает большая сорная трава. Встречаются и такие хлевы, которые приметны лишь со стороны входа, где как пасть зияет чёрное отверстие, без дверей, прорубленное в незасыпанной землёй стене; все же прочие стены хлева засыпаны землёй. Если посмотреть на такой хлев не со стороны входа, то летом увидишь небольшой травянистый холмик. Хлевы строят главным образом для овец.

Весною у коровы телёнка отнимают и отпускают в телятник. Это делается для того, чтобы охранить телёнка от волков и сохранить молоко у коровы. В случае, если взрослый телёнок продолжает сосать матку, на него хозяин надевает колючий намордник: когда телёнок прикоснётся к корове, то его намордник колет её, и он остаётся без молока. Зимой, если корова даёт молоко (что случается не часто), доят её один раз в день, точно также отпуская перед доением телёнка и оставляя для него молоко в одном соске.

Пастухов туземцы стали нанимать недавно, и то лишь для овец, потому что для остального скота он не нужен. Поскоти-

на вокруг села имеет в диаметре километров 5. Она защищает от скота посевы и сенокос, а также не позволяет скоту уйти очень далеко. Недавно туземцы стали сеять клевер для сена, правда понемногу, не более 4 загонов (загон – одна двенадцатая доля гектара) (N 98).

КУРОВОДСТВО У ТУЗЕМПЕВ-ТЕЛЕНГИТОВ ЧОЛУШМАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Шестьдесят лет тому назад (писано в 1927 г.) теленгиты имели только свою национальную пастушескую культуру. С переходом их окончательно в русское подданство в 1867 году (а до этого времени они платили дань одновременно и русским, и китайцам), – в их быт стали проникать элементы русской земледельческой культуры. Первыми пионерами этой культуры были русские торговцы, а за ними миссионеры. Полукочующее племя теленгитов стало постепенно усваивать из русской культуры то, что не требовало особых усилий и что давало прямую и очевидную материальную пользу. К таким хозяйственным элементам в Чолушманской долине принадлежит домашнее птицеводство. Но птицеводство здесь – явление не всеобщее, оно наблюдается только в нижнем течении р. Чолушмана на расстоянии 35 км.; дальше оно у теленгитов не привилось, так как район среднего и верхнего течения р. Чолушмана мало засевается хлебом, и здесь теленгиты не имеют достаточно корма для домашней птицы. Польза от домашней птицы туземцами вполне сознаётся. В описываемом районе разводят главным образом кур, как наиболее выгодную из домашних птиц. Однако и куры наблюдаются не в каждом хозяйстве, а только там, где делают сравнительно большие посевы хлеба. Куриц теленгиты называют словом: таака¹, петуха – куштын эркэги², цыплят – куштын балдоры³. Летом кур кормят ячменём и гречихой, а зимой гречихой и пшеницей. Цыплята выводятся в июле месяце; ухода за ними никакого нет. Хозяйка даже не знает, сколько их вышло на свет; считают их только когда они подрастут. Осенью старых кур колют, а на зиму оставляют молодых, и так ежегодно. Жилищем для кур

¹ taaka (?). ² kustьп erkegi. ³ kustьп baldarь.

служат юрты-землянки. В хозяйстве теленгитской семьи бывает по 5, 10 и редко 15 кур. Порода кур — мелкая русская, завезённая сюда из степей Бийского уезда. На зиму теленгиты переходят из своих летних юрт в зимние избы русского типа. Иные из них также и кур держат зимою в жилой избе, в особой клетке. А у других куры несутся где попало — в кустах, в траве; этим пользуются вороны и особенно домашние собаки, которые и съедают яйца. Для теленгитов яйца служат приправою к пище, главным образом к блинам и оладьям.

Примечание

Взято из черновой рукописи 1927 г., № 122. С. 129–132.

ПРИМИТИВНОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ НА АЛТАЕ

В жизни туземцев Алтая наблюдаются два основных занятия: скотоводство и земледелие. В алтайском земледелии необходимо различать два периода: старый и новый. Форма земледелия нового периода не представляет собою особого интереса, потому что форма эта общеизвестная, это та форма, которая практикуется в настоящее время у русских крестьян Алтайского округа, только с самыми незначительными изменениями. Наоборот, старый земледельческий период туземцев Алтая заслуживает большого внимания с научно-этнографической стороны. Он мало известен в литературе. О земледелии на Алтае дают нам сведения почтенные учёные: Швецов, Ядринцев; кроме того, в таком же роде сведения можно получить ещё из периодических изданий Статистического Отдела при Главном Управлении Алтайского округа. Сведения эти, особенно сведения Швецова, довольно полны, но они касаются не всех жителей Алтая, а только некоторых частей его, главным образом южного Алтая. Так, туземцы Кузнецкой тайги (шорцы) у вышеуказанных авторов совершенно не указываются. Между тем, по моим наблюдениям, у Кузнецких туземцев по настоящих дней (писано в 1927 г.) сохранились все приёмы примитивного земледелия, представляющие большой научный интерес. Поэтому при дальнейшем изложении сведений о примитивном земледелии на всём Алтае, я присоединяю ко всем существующим материалам также и свои наблюдения.

Сами туземцы Алтая полагают, что земледелие на Алтае существует издавна: будто бы земледелием на Алтае занимались древнейшие народы толотой, обитавшие в Алтайских горах, после них – китайцы, и наконец сами ойроты и шорцы. Все эти соображения они строят на оросительных сооружениях, канавах (сулаки¹), сохранившихся до сего времени на р.р. Катуни, Чуе, Чулышману, Арлыче, Башки. Суваки эти туземцы строго подразделяют на 1) толотоевские, отличаю-

¹ sulak, suvak (?).

щиеся примитивным устройством и на 2) китайские, имеющие более правильную форму. Но между существующим теперь примитивным земледелием шорцев и ойротов, с одной стороны, и земледелием прежних народов Алтая, с другой, туземцы никакой связи не усматривают. Своё земледелие, таким образом, они считают самобытным.

То земледелие, о котором мы будем говорить, в Алтае наблюдается среди кочующих и среди полуоседлых жителей. Оседлые туземцы не практикуют этих древних способов обработки земли. Пашенная почва утилизируется ойротами и шорцами в самых малых размерах. По определению Швецова, пашенная площадь при примитивной её обработке равняется от 0,1 до 0,3 гектара, или от одного загона до трёх загонов. Как туземцы горного Алтая, так и черневые, кузнецкие для пашни выбирают место на южном склоне гор. Это делается для того, чтобы хлеб мог лучше и скорее созревать — до наступления инеев, гибельно действующих в Алтае на посевы. Инеи в Алтае всегда наступают раньше, чем в степи, по причине высоты самой местности.

В горном Алтае туземцы площадь для посева всегда получают в более или менее готовом виде, только очищая её от камней. Что же касается черневых, то у них дело с посевною площадью обстоит сложнее. Тайга положительно вся покрыта густым лесом, кроме самых незначительных площадей около рек Кондомы, Мондымаша, Ельбеса, и площадей на горках с выгоревшим от лесных пожаров лесом. Но места около рек не пригодны для посева, потому что почва на них слишком жирная; гарей же в тайге мало, и туземцу Кузнецкой тайги приходится площадь для посева расчищать из-под леса. Это работа чрезвычайно трудная, она требует громадной затраты человеческих сил и времени. Расчищенным пахотным местом всегда пользуется только тот, кто расчищал землю из-под леса; такая земля считается его собственностью. В тайге почва чрезвычайно жирна, большею частью рыхлый суглинок. В горном Алтае, наоборот, почва слишком тверда, от природы сильно утрамбована, и для своего разрыхления требует очень больших усилий со стороны земледельца.

Лучшею почвою в Алтае считается новь, залог. Через тричетыре года такая земля теряет свою силу произрастать хлеб.

В тайге через такой промежуток времени хлеб заглушается сорною травою – осотом, карлыком и другими. В горном Алтае такой земле дают отдых на два года и потом снова эксплуатируют её. В Кузнецкой тайге старую площадь бросают навсегда и переходят к обработке новой площади, откочёвывая иногда с насиженного места для хлебопашества на несколько километров – туда, где есть удобные места для хлебопашества. Впрочем, перекочёвка из-за земли делается в тайге не везде, а главным образом только жителями той местности, где совершенно нет безлесных площадей.

Пашенные площади туземцы иногда удобряют. Впрочем. это удобрение почвы крайне примитивное: переменяют стоянку для скота, куда его загоняли на ночь к селению, и место этой стоянки через один год запахивают. Такое место на южном Алтае называют: чалма Второй способ удобрения состоит в том, что переменяют зимники, запахивая их площадь также через один год. Это последнее старое пепелище называется: оток². Существует в некоторых местах южного Алтая ещё и третий способ удобрения: рубят мелко сучья деревьев и разбрасывают их по площади, предназначенной для земледельческой обработки. Через год, когда сучья сгниют, вместе с травой, это место вспахивают и сеют на нём хлеб. Этот последний способ удобрения зовётся: тіпып.

Туземцы Кузнецкой тайги не прибегают к таким способам удобрения земли. Они не имеют в этом надобности, так как почва там очень жирна. Но иногда они также пользуются для посева площадями из-под старых жилищ, стоянок для скота или из-под старого острожья, но сеют они на таких местах всегда и только коноплю (кендір³). Форма пашенной площади в Алтае и Кузнецкой тайге почти всегда круглая. Её обносят городьбой, состоящей в Алтае из кольев и жердей, а в Кузнецкой тайге, кроме того, из лесной чащи – из своеобразного вала срубленных для этого деревьев (сравнить древние засеки). У туземцев Кузнецкой тайги такая порча деревьев не считается предосудительною. Жители здесь часто сами не рады обилию лесов, и нередко продают лес степным жителям только за то,

calma. cotok.

чтобы те срубили лес и увезли его, расчистив таким образом место для пашни.

Пахота в горном Алтае производится двумя разными орудиями – абылом и андазыном, а в Кузнецкой тайге только одним абылом. Оба эти орудия нужно отнести к первобытным. Абыл 1 – ручной заступ с железной лопаточкой, насаженной на согнутый под углом древесный корень. Длина лопаточки 15 см., в том числе 11 см. самая лопаточка, а 5 см. – кольцеобразная оконечность, которая насаживается на древесный корень. Ширина лопатки 12 см. Нижний конец лопатки имеет закруглённую форму. От конечности лопатки до сгиба деревянной рукоятки 38 см., и от сгиба рукоятки до её верхней оконечности 114 см. Толщина рукоятки 3 см. Изгиб её имеет приблизительно угол в 80^0 – 85^0 .

Ударом абыла в землю сверху вниз разбивают и разрыхляют почву, выворачивая из неё камни и проч. Где почва каменистая, там туземцы употребляют исключительно абыл; где же камней не особенно много, там абылом только разрыхляют почву, уже взодранную конным орудием – андазыном. Андазын² состоит из трёх частей: 1) трёхугольной пла-

стинки вышиной 22 см. и толшиною одна пятая или одна шестая доля дюйма, с двумя отверстиями для прикрепления её гвоздями к деревянной части орудия. Это простейшая форма, являющаяся первообразом земледельческого сошника. Встречается иногда и другая пластинка, имеющая форму башмака, с загибами по краям. В это отверстие вставляют деревянную часть орудия. 2) Вторая часть андазына – толстый, см. 20–25, древесный корень, изогнутый в своей нижней части вперёд. На этот корень насаживается железная часть описанной выше формы. Длина её 115 см. В верхней части этого деревянного корня вдевается колышек, служащий рукояткой. За колышек пашущий берётся одной рукой, а другой своей рукою сверху регулирует андазын. Внизу этой деревянной части делается сквозное отверстие, в которое вставляется деревянный брус длиною более 1 метра, с зарубкою на конце для привязывания аркана. Этот брус служит дышлом.

¹ abыl. ² andazыn.

Впрягают в описанное орудие одну осёдланную лошадь. Верёвку от дышла подвязывают к седлу под стремена; иногда вместо хомута употребляют лямку. Впряжённую лошадь водит особый человек. Таким образом, для пахоты андазыном требуется не менее двух человек. Если почва, предназначенная для обработки, очень тверда, то в андазын впрягают две лошали.

После пахоты землю боронят, обыкновенно дважды: сначала разбивают комки земли абылом, а потом возят по полосе суковатое деревцо, чащинку (турмуш1), привязав его за хвост лошади. Делается это для большего взрыхления почвы.

В июне сорный хлеб в Кузнецкой тайге полют, срезая негодную траву ножом.

В обработке земли принимает участие вся семья туземца, включительно до малых детей и стариков. Поэтому на время работ, начиная с мая и до конца этот месяца, вся семья и весь скот живёт на пашне, хотя бы эта пашня и находилась недалеко от дома. Шорцы устраивают на пашне особые шалаши (одуh²), в которых и живут во время работ. Улусы туземцев в это время, равно как и осенью во время уборки хлеба, пустуют.

Уборка хлеба производится разными приёмами. В некоторых местах Алтая и Кузнецкой тайги хлебные стебли вырывают с корнем или же обрезают их ножом, тщательно подбирая колосок колоску, удаляя сорную траву и связывая хлебные стебли в маленькие снопики, точнее: в пучки (пууш³). Каждый пучок свободно могут охватить ладони рук. Предпочитают туземцы выдёргивать хлеб с корнем, так как вместе с хлебом выдергивается и сорная трава. Эту последнюю дети-подростки собирают на полосе в берестяные коробушки и выносят прочь. На следующий год на такой полосе сорной травы бывает уже значительно меньше. Одновременно дети охотятся, во время уборки хлеба, на мышей и бурундуков, которые в Кузнецкой тайге нападают на хлебные полосы целыми стаями. Чтобы лучше сберечь хлеб от грызунов, снопы тотчас же подвешивают на длинную жердь, укреплённую на кольях: вешают по два вместе связанных снопика, колосьями вверх. Этот способ

¹ turmus.

² jduh.

укладки снопов даёт возможность дозревать непоспевшим колосьям. Упавшие на землю колосья те же дети собирают в особые коробушки. Таким образом, хлебные полосы у туземцев Алтая убираются медленно, но зато самым тщательным образом. И у туземцев сбор хлеба в загонах оказывается более обильным, нежели у русских, практикующих другой способ уборки хлеба.

Туземцы обмолачивают весь свой хлеб осенью; скирды ими никогда не устраиваются. В конце августа и в начале сентября пашни туземцев покрыты большими столбами густого дыма: это происходит молотьба хлеба. Сделав маленький ток, туземцы обжигают хлебную солому: молотильщик берёт сноп, зажигает стебли его около колосьев на костре и быстро переходит на ток, на который и падают колосья с хлебных стеблей, у которых отгорела шейка. Молотильщик бросает в сторону пылающую солому снопика, где она и догорает ярким огнём. Когда все снопы таким образом обгорели, начинают молотить колосья: усевшись друг против друга на корточках, начинают быть колосья палками (токпок 1). Полученные зёрна с мякиной веют особыми коробушками — эскын 2 , имеющими вид треугольника, одна сторона которого открыта. Подняв руками эскын с зёрнами кверху, потихоньку потряхивают зёрна на ток, причём ветром относит мякину в сторону, а зёрна падают у ног веяльщика. При сильном ветре веяние протекает быстро, при слабом медленнее.

Провеянные зёрна складывают в мешки, а ойроты в сумы. Часть зёрен тогда же идёт в употребление, а другую часть ссыпают в хлебохранилища. Ойроты делают для этого ямы, обкладывают их внутри берестою, чтобы не было сырости, или соломой, и на зиму наглухо закупоривают, забрасывая сверху землёю. В Кузнецкой тайге хлебные зёрна хранят иначе: ссыпают их в амбарчики, устроенные на четырёх столбах. А где нет таких амбаров, там ссыпают зерно в огромные берестяные туесья (улан³) и ставят их на особый навес, тастак⁴, устроенный на пашне. Сверху туясья закрывают дощечкой,

¹ tokpok.

² eskin.

³ ulan.

⁴ tastak.

придавливая её камнями. Замков к этому своеобразному хранилищу хлеба не полагается, потому что воровства у шорцев нет.

На всём Алтае сеют преимущественно ячмень (арба¹), который лучше других хлебных злаков выносит местные климатические условия: он не боится ранних инеев и высоких мест. Где позволяет климат, там туземцы сеют пшеницу (пуудай²), немного овса и конопли. Последнюю сеют только для пеньки, из которой делают верёвки, а шорцы также и прекрасный холст; семя же конопли туземцев очень мало интересует.

Что касается современного положения (писано в 1927 г.) хлебопашества на Алтае, то оно находится в периоде нового развития: площади хлебосеяния увеличиваются, абыл и андазын заменяются сохой (салда³) разных типов, борона-чащинка заменяется настоящею бороною с деревянными и железными зубьями, нож заменяется серпом, эскын – лопатой и т. д.; появляются новые злаки: рожь, просо, лён, гречиха и т. д. Современный период хлебопашества я не описываю. Он требует особого всестороннего изучения. Но можно видеть, что примитивная земледельческая техника вытесняется на Алтае общей русско-европейской земледельческой культурой. У оседлых туземцев эта новая культура в настоящее время привилась уже полностью; к полукочующим же туземцам она только начинает проникать; у кочевников и у Кузнецких туземцев по верховьям рек Томи, Мрассы и Кондомы до сих пор практикуется примитивное хлебопашество, описанное нами выше.

Примечание

Приведённая статья взята из рукописи 1927 г. № 122 (ИАЭ 143). С. 71-84. В подлиннике она озаглавлена так: «Алтаеведение»; это курс, читанный в Чемале для третьей группы второй ступени. Ссылаясь на Швецова, автор, очевидно, разумеет статью С.П. Швецова «Примитивное земледелие на Алтае», напечатанную в «Записках Западно-Сибирского Отдела Географического Общества» (1900. Т. 27. С. 1–28). Что же касается Ядринцева, то тут вероятно разумеются следующие статьи Н.М. Ядринцева: 1) «Начало оседлости. Ис-

¹ arba. ² puudaj. ³ salda.

следование по истории культуры Уралоалтайских племён» (Литературный сборник, издание «Восточного обозрения». СПб., 1885. С. 139–177); 2) «Об алтайцах и черневых татарах» в «Известиях Географического Общества» (1881. Т. 17. С. 228–254); 3) «Отчёт о поездке в 1880 г. в горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катуни» в «аписках Западно-Сибирского Отдела Географического Общества» (1882. Т. 4. С. 1–46). Ссылаясь на Швецова и Ядринцева, автор главным образом использует собственные материалы. В дневнике 1915 г. (№ 127. С. 27–39) находим уже довольно обработанную статью «Земледелие шорцев». То же в рукописи № 42, на С. 55–57 «Хлебопашество». Немало данных разбросано в разных местах черновой рукописи 1916/17 г. № 43. С. 29 и след., С. 93 и след., С. 118, 207 и след.

Во второй из трех последних рукописей (№ 42), между прочим сообщается, что на р. Кондоме шорцы переняли все способы агрикультуры от своих русских соседей, а на р. Мрассе, напротив, сохранили свои своеобразные формы земледелия. Снопы толщиною 20 см. связывают по два, и их вешают на жерди, которые лежат на кольях на высоте до 1,5 метра от земли. Тут хлеб просыхает, не страдая от мышей. У ячменя и пшеницы колосья обжигают берестяными факелами, после чего колосья бьют кривыми палками. У ярицы же (яровой пшеницы) колосьев не обжигают. Веют саргашем.

Из первой рукописи (№ 127):

При несовершенстве орудий, обработка загона в 20 кв. метров тянется около одного месяца (С. 29). Картофель сеют иначе: предварительно землю очищают от дёрна, потом копают землю и делают в ней абылом лунки (оімак¹). Кладут в лунки семена и заравнивают землю граблями. Гряд не делают. Коноплю сеют там, где прежде была стоянка скота, или где сгнившая крупная трава оставила после себя рыхлую землю. Репу сеют в небольшом количестве на пашне же; огородов у шорцев нет (С. 30).

В дождливое лето хлеб перерастает и падает. Наклонившийся к земле хлеб истребляется грызунами – бурундуками, мышами, крысами. Из них бурундук наиболее опасен: он уносит зерно в свою нору, где делает запасы на зиму. Некоторые туземцы осенью выгребают из нор бурундука до 16 кг. лучшего зерна и кедрового ореха. Раньше хлеб не жали, а выдёргивали с корнем и обрубали топором. Рожь и овёс молотят на

¹ ojmak.

току маленькими палочками (топак¹), сидя на корточках друг на против друга, а иногда молотят и лошадьми, как у русских.

Из рукописи 1926 г. № 98. С. 16 и след., о районе сёл Паспаул Сапаганда и Кара-Торбок:

Пахотной земли здесь мало, так как большие площади заняты лесами и горами. Земля покрыта густой травой, и после вспашки эта трава начинает быстро расти и засорять поле. Кроме того, ранние посевы подвергаются заморозкам, а поздние — инеям в мае. Пшеница и рожь здесь почти совсем не родятся. Их ещё можно сеять на новой земле, но уже года через два эта земля истощается, и на ней будет бесполезно сеять эти злаки. Чаще здесь сеют ячмень, овёс, просо, лён и за последнее время в весьма ограниченном количестве, клевер. Полосы мелкие и урожаи плохие. Гектар пшеницы даёт не более 900 кг., гектар ржи 960 кг., проса 1050 кг., овса 960 кг., ячменя 640 кг. Своего хлеба не хватает; покупают в Улале и других местах.

Хлебопашеством занимаются далеко не все туземцы. Пришлое русское население самовольно запахивает покосы. В сел. Паспауле покосов 1186,5 гектаров, а пахотной земли 76,5 га., не считая огородов. Пахать землю начинают с первых чисел мая и продолжают до июня. Сенокосилок, жнеек и других сельскохозяйственных машин, равно как и тракторов здесь нет, что объясняется рельефом местности и незначительностью посевов.

В огородах сеют табак, картофель, огурцы, морковь, помидоры, дыни, арбузы, лук и другие овощи. К огородам относятся внимательнее, чем к пашне. Наблюдают за огородами больше женщины и дети. Устраивают огороды сзади дома или недалеко от него, огораживая частой изгородью или тыном (N 98).

Земледельческие термины шорцев:

ярица – јилары,

овес – сулаі, sula,

картофель – картопке, јабылак (от слова яблоко), kartopke, jabыlak,

¹ topak.

репа – шалкан, salkan, копать пашню – кра шабарка, кьга sabarga, боронить – кра тарбаштаргы, кьга tarbastarga, уборка хлеба – кра кезерге или орарга, кьга kezerge, orarga,

сноп – кобы, kobь, полоть хлеб – одарћа или от-аларћа, odarga, ot alarga, молотить – шабырга, sabьrga, ток - ÿртÿн, yrtyn, веять хлеб – саргарга, sargarga,

деревянная сельница для веяния – саргаш, сырһаш, sargas, sargac.

Все эти термины взяты из рукописей № 139, с. 29 и след. и № 27. В рукописи 1927 г., озаглавленной «Хлебопашество у теленгитов. Собрал И. Алтайчинов, редактировал А. Анохин», имеются сведения об искусственном орошении у туземных земледельцев Алтая:

В среднем и нижнем течении р. Чолушмана, где почва песчаная. туземцы практикуют искусственное орошение, проводят канавы, так называемые суак¹. Собирается группа хозяев, имеющих по два-три загона, и проводят от реки одну общую канаву к пашням. От этой общей канавы разветвления до своей пашни ведёт уже каждый хозяин отдельно. Пользуются суаком для орошения по очереди: сначала один, потом другой. У кого пашня в сыром месте, около болота, те совсем не проводят канавы. Мы наблюдали искусственное орошение в Кумуртуке: от р. Кумуртук, сбегающей с горы водопадом в долину, проведена общая канава на 300 метров. Внизу она разветвляется во все стороны по пашням. Поливают поля раз пять и более в лето, в жаркие дни (№ 87).

¹ suak.

ОРЕХОВЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Кедровый ореховый промысел является одним из основных занятий племени туба-кижи, живущего в лесной полосе по левым притокам реки Бии и около Телецкого озера. Это племя называет ещё себя: йыша-кижи¹. т. е лесной человек. лесной житель. Благодаря этому промыслу тысячи семей тубов, живущих в прекрасном по природе уголке Алтая, в значительной степени обеспечивают своё существование. Кедр на Алтае растёт в большом количестве, и в описываемом районе насаждения кедра нередко занимают огромные площади плоскогорий, перемешиваясь иногда с сосной, лиственницей, пихтой и реже елью. Русские называют кедровые насаждения словом: чернь. Много кедра погибает на Алтае от пожаров. Тот район, где мы вели своё обследование, Успенский аймак, также пострадал от огня. Гора Чаптыган, занимающая пространство 15 км. в длину и 10 км. в ширину, в настоящее время (писано в 1926 г.) стоит покрытая лишь молодым лесом и сухостоем, а раньше здесь рос великолепный «кедрач» (кедровый лес). Здесь уже десять лет не производится кедровый промысел, равно как и охота на зверей. Местная власть издала целый ряд распоряжений, ограждающих лесные насаждения от гибельного истребления огнём.

Характерною особенностью кедра на Алтае является огромный рост: средняя вышина здешнего кедра сорок метров. У старого кедра сучья начинают расти далеко от земли; большею частью эти сучья совершенно засохшие. Старый кедр имеет в толщину два-три обхвата. Молодой кедр, которым главным образом пользуются «орешники» (сборщики орехов), весь покрыт гибкими сучьями. Растёт кедр сравнительно быстро: на десятом году он уже даёт плод. Шишка на кедре появляется всегда осенью в виде маленьких зародышей. Весною, когда начинают расти новые побеги на сучьях, растёт и шишка. К июлю она достигает своей нормально величины и начи-

75

¹ jьs kizi.

нает спеть. В пятнадцатых числах августа она совершенно созревает. Пока шишка ещё не вполне поспела, она имеет в себе много смолы. Ядро ореха представляет собою молочную массу, находящуюся ещё в зелёной кожуре, сладковатого вкуса. Любители пощелкать орехов кладут такую незрелую шишку в огонь или в печь, где смола из нее вытапливается. Вполне созревшая шишка имеет весьма мало смолы; тогда шелуха, прикрывающая ядра, отделяется весьма легко.

Урожай на орехи бывает разный. Если орех уродился в долинах, то его не бывает на горах, и наоборот. Местные жители наблюдают, что обильный урожай орехов периодически повторяется через два года на третий. Урожаю орехов очень сильно вредят на Алтае весенние инеи и продолжительные дожди. От них орехи или не вызревают, или подгнивают и преждевременно опадают.

С 15-го августа (старого стиля) наступает на Алтае время орехового промысла. Этот срок установлен местною властью, и за нарушение его виновные преследуются законом. Для наблюдения за порядком в чернь командируются на ореховый промысел аймачные милиционеры. В интересах общей пользы, чтобы кто-нибудь раньше не выехал в чернь за орехами, следят друг за другом и сами туземцы. Все, кто отправляется на промысел, заранее приготовляют все необходимые вещи для работы. Шьют особые сапоги с холщёвыми голенищами, лёгкие и удобные для лазанья по дереву; штаны из толстой и крепкой холстины; такую же рубаху. Корме того, заготавливают сухари, сырчики (курут¹), толокно (талкан²) и масло. Едут на промысел обыкновенно две-три или даже четыре семьи вместе. Дела хватает всем: один сбивает шишки, двоетрое собирают их в корзинки и носят или возят на лошадях в особо приспособленное помещение. Нужно большое количество людей также и для того, чтобы скорее окончить работу в одном месте и перейти на другое, ещё не занятое место. Работают как женщины, так и мужчины и даже дети от 10-16 лет, и работа всех ценится одинаково. Наёмным трудом на ореховом промысле не пользуются.

kurut. talkan.

Передвижение в чернь на ореховый промысел совершается верхом на вьючных лошадях. Едут иногда и подростки-дети вместе с женщинами на одной лошади. На право орехового промысла в лесном отделе, а чаще в ближайшем аймаке, берут билеты стоимостью до 3-х рублей на одно лицо. Цена билетов, впрочем, часто колеблется. Без билета правом пользоваться лесными орехами никто не может.

Кроме туземцев ореховым промыслом на Алтае занимаются также местные русские жители и кумандинцы, живущие в степных пространствах. Они приезжают за орехом большими партиями, делая расстояние километров сто и больше. Раньше у туземцев со степняками происходили недоразумения из-за кедровых рощ. Теперь этого не наблюдается.

По приезде в тайгу орешники выбирают, по выражению местных жителей, «шапастые (от слова шапка) большеголовые деревья». Под ними устраивают себе шалаши из мелких деревьев. Здесь же наскоро делается простой сруб из грубых брёвен для ссыпки кедровых шишек. Он необходим для того, чтобы ссыпанные шишки сделались мягче, рыхлее, а недозревшие орехи созрели. Для этой цели шишки в срубе выдерживают до десяти дней, чтобы дать возможность развиться высокой температуре, при которой только и достигаются указанные результаты. Мягкая шишка легче поддаётся шелушению при обработке.

Параллельно с этим изготовляют зубчатые вилы, а также доски для растирания шишек, берестяные корзинки, лопаты, а некоторые орешники делают особый прибор для растирания шишек, который носит громкое название «машина». Вся она делается из кедрового дерева и состоит из квадратного жёлоба с зубчатой выемкой. Стороны жёлоба равны одному метру. Против выемки сверху на жёлоб накладывается зубчатый объемистый валёк. Таким образом, между выемкою жёлоба и вальком получается маленькое отверстие: это путь, через который проходит при работе шишка. Защеплённая при вращении вальком, она шелушится. Чтобы валёк не сползал с жёлоба, его концы вкладываются в выемку, сделанную в стенах же жёлоба. При помощи крючьев, которые прикрепляются к самим концам валька, валёк приводится во вращательное движение двумя лицами. Вообще же «машина» эта при работе

требует четырёх рабочих: два человека приводят валёк в движение, третий подаёт шишки, четвёртый подгребает растёртые шишки в кучу. В настоящее время (писано в 1926 г.) в больших рабочих партиях эта «машина» имеет большое применение. В среднем, в течение рабочего дня от 6 час. утра до 6 час. вечера, этой машиной пропускают до 1600 кг. ореха. Между тем, как при растирании шишки с помощью простого валька, тоже четыре человека выработают в день только 320 кг. Вот и весь инвентарь, которые необходим на ореховом промысле.

Трудовой день орешников начинается с раннего утра, с перерывом на обед, оканчивается вечером, а часто захватывает и часть ночи. Работа начинается со сбора шишек. На эту работу идут обычно партиями, в каждой партии имеется ловкий и смелый человек – «лазун», который лазит на кедровые деревья, цепко держась за сучья. Залезши на кедр, он трясёт сучья его или ногой или руками. Шишки падают, их в низу начинают собирать в берестяные коробушки, а потом ссыпают в мешок и уносят или увозят верхом на лошади в сруб. В момент самого обивания собирать шишки на земле нельзя, потому что они летят с большой высоты и могут убить собирающих. Раньше употреблялись также длинные шесты, которыми залезший на кедр сбивал шишки не только со своего кедра, но и со всех ближайших. Этот способ довольно удобен, но он вредит молодым побегам: от ударов шеста они ломаются. И в настоящее время сбивать шишки шестом, который местные жители называют «погон», запрещено. Запрещено также сбивать шишки при помощи большого деревянного молота (токпок1); русские называют этот молот словом: барс. Он имеет две части: 1) толстую длинную в один метр чурку, насаженную на палку в 4 м. длиной. Описанным молотом пользуются в том случае, когда на дерево опасно или совсем нельзя взлезть. Укрепив один конец молота в землю, барс раскачивают и с силою ударяют им в ствол дерева. Кедровое дерево сотрясается, и с него падают шишки. Кора ствола от этого разбивается, и дерево болеет.

Азартные орешники, с риском для себя, взлезают иногда на недоступные вековые кедры – с помощью железных когтей

78

¹ tokpok.

(тäxä). Когти представляют собою крюк, которые загнутым концом захватывает середину ножной ступни, в другим, длинным своим концом привязывается к голеням ноги. Внизу у железных когтей имеется один острый гвоздь, который ловко всаживается в ствол дерева во время лазанья. Ореховый сбор почти никогда не проходит без увечий и даже без смертных случаев среди орешников.

Обработка собранного ореха происходит в таком порядке. Когда орешники соберут достаточное количество шишек, тогда они начинают шелушить шишку – или простым вальком или описанной выше машиной. Другие непосредственно за этим начинают просевать орехи большим решетом, через которое орех проходит и падает в низ, а шелуха остаётся в решете. В дальнейшем орехи провевают лопатой от остального сора. Туземцы Алтая для веяния орехов никогда не пользуются лопатой, а употребляют плоские коробушки, к которым они больше приспособились.

Орех готов, но только в сыром виде. Если стоит хорошая погода, то его сушат на солнце – на раскинутых «палатках», т. е. брезентах. Если нельзя сушить на солнце, то орехи увозят в мешках или в сумах на ссыпной пункт и продают сырыми государственным учреждениям – Госторгу, Сибторгу, а иногда и частным лицам, но всегда по одной установленной цене. Конкуренция не допускается. При приёмке сырого ореха вычитается на сушку из 16 кг. от 3-х до 4-х кг. Сушкою орехов в большинстве случаев занимается само торговое предприятие. Для этого оно при ссыпном пункте устраивает специальные сушильни (аимін) наподобие овинов, у которых в верхней части, вместо потолка, имеется мелкая проволочная сетка, металлическая решётка, на перекладинах. Сруб для сушилен делается из толстых пихтовых брёвен длиною 3-4 метра, вышиною 2 метра. Пол сушильни земляной; крыша из тонкого тёса или даже из брезента, на два ската. Посередине пола печькаменка, т. е. груда камней, среди которых имеется пустое пространство для дров. При топке камни накаливаются и распространяют кругом тепло. Топят берёзовыми дровами. На решётчатый потолок насыпают до 800 кг., слоем в 9 см. Насыпав орех, затопляют печь и затворяют дверь – единственное в сушильне отверстие. Сохнет орех от восхода солнца до полудня, после чего его уносят в мешках и ссыпают в закрома амбара. Усушка ореха различна, смотря по времени сбора: ранний орех теряет из 16 кг. около 5 кг.; это орех третьего сорта. Орех среднего сбора теряет более 3-х кг., и орех позднего сбора (так называемый, тушкан¹) теряет не более 2-х кило, и его принимают по 2 р. 80 к. за 16 кг. Этот последний орех считается первым сортом. Он имеет полное ядро, хорошо высохшее на кедре, и снаружи весь коричневый. Его собирают с вековых кедров, мало доступных для орешников. Промысловая техника пока на Алтае слаба, и она оставляет много лучшего ореха на кедрах. Впрочем, технике приходит на помощь сама стихия - ветер. Поздно осенью, когда ореховый промысел почти что заканчивается, туземцы снова выезжают в тайгу, и живут там целыми неделями, выжидая того момента, когда сильный ветер собьёт лучший орех с недоступных кедров. Этот последний промысел называется у туземцев: тушкен, что собственно означает собирать упавший орех. Работа в это время протекает лихорадочно и азартно: в два дня нужно собрать всю упавшую шишку, в противном случае орешник ничего не получит. За упавшим орехом охотятся целые полки таёжных грызунов: мыши, крысы, бурундуки, колонки, белки и т. д.; к ним присоединяются ещё стаи птиц кедровок, а также медведи. Вся эта таёжная братия в течение трёх дней до тла уничтожает упавший орех.

Второй сорт ореха не вполне коричневый и имеет зерно меньшего объёма; его сушат всегда на солнце. К третьему сорту относят совершенно сырой орех. Цена ореха в Алтае колеблется в пределах 2–5 руб. за 16 кг. В среднем за осенний период каждый человек при среднем урожае вырабатывает от 640 до 1000 кг.; в зависимости от этого находится и заработок. По словам самих туземцев он иногда достигает 150–200 рублей. Бедняки, чтобы поправить своё хозяйство, продают орех зимою, а состоятельные – весною, когда он бывает значительно дороже.

¹ tusken, tuskyn.

Примечание

Взято из рукописи 1926 г. № 83 (ИАЭ 126) «Краеведческая работа у тубов». Сам А.В. Анохин описал ореховый промысел в черновой рукописи 1916/17 г. № 43. С. 46 и след. Из этой рукописи, а также из рукописи 1926 г. № 98 «Ореховый промысел и краткий очерк других занятий туземцев Алтая в селениях Паспаул, Сапаганда и Кара-Торбок» приводим следующие дополнения:

В неурожайный год один человек средней работоспособностью может собрать за сезон в 1 ½–2 месяца не более 480 кг. и заработок его составляет 75–90 рублей. При среднем урожае сбор орехов на одного рабочего 1440 кг., и заработок 135–180 руб. (цена в урожайные годы ниже). В случае особенно обильного урожая сбор орехов 1920 кг. и заработок 186 руб. Стоимость орехов здесь взята на месте добычи.

Опасны для урожая орехов только ранние весенние морозы, когда ещё шишки молоды; окрепнувшая же шишка уже не боится холода. Орешники берут с собою в тайгу запас провизии на весь сезон сбора орехов: на каждого человека сухарей 32 кг., толокна 8 кг., сырчиков (курута) 1200 грамм, коровьего масла 4 кг., соли на 50 коп. и иногда несколько круп. Мясо покупают на месте, где сдают орехи, по 15 коп. за 400 грамм. Проезжая через город Улалу, приезжие орешники раскупают всю имеющуюся там муку в хлебных магазинах и даже весь лишний, продажный хлеб у местного населения. Орешники берут с собою спецодежду, между прочим широкие прочные холщёвые штаны (толь). Женщины берут с собою мужские штаны – чтобы легче лазить по лесной чаще, мужские же обутки (ородок¹), куртки из кошмы, покрытые грубым небеленым холстом (кшись-тöн); берут также с собою сумы (кап²), посуду и палатку. На месте делают ещё суму (јорго 3) из бересты. Холщёвые палатки (байһан⁴) бывают конусообразные и двускатные; последние до 20 м. длины и до четырёх метров ширины. Если палатки с собою не взяли, то устраивают ша-

¹ orodok.

² kap.

³ jorgo.

⁴ bajkan.

лаш (чадр¹) из пихтовых ветвей – также двускатный или конусообразный. Едут на промысел верхом на лошадях. Амбар (сери²) для ссыпки кедровых шишек делается из тонких пихтовых брёвен четырёхугольным срубом: сначала кладут только первые ряды брёвен, прибавляя следующие по мере накопления орехов. Семья в 4 человека при среднем урожае орехов делает сруб длиною более двух метров и шириною полтора метра, вышиною до 4 метров; вместо пола земля устилается ветками. Закончив сбор орехов, сруб закрывают сверху пихтовыми ветвями, и этот потолок защищает орехи от дождя. Шишки от теплоты делаются в срубе более мягкими, что облегчает потом очистку их от шелухи. На будущий год прежние готовые срубы занимает первый прибывший на данное место, и прежний владелец сруба не имеет права протестовать против этого. Но обыкновенно ойроты каждый год меняют место сбора орехов, так как урожая на одном и том же месте ежегодно не бывает. Во время дождей работы по сбору орехов прекращаются, потому что мокрые сучья скользки, и с них легко упасть.

Когти (таха) делаются в деревенской кузнице по заказу. Это железная полоса, один конец которой загнут так, чтобы он свободно мог обнять ступню ноги. Другой конец полосы расщеплён надвое, и каждая половина загнута – в противоположном друг другу направлении, и каждая представляет собой кольцо. Длина полосы равна длине ноги от пятки до колена. В том месте железной пластины, где она начинает загибаться в кольцо, служащее стременем для ноги, приделан железный острый зуб, который при лазании легко впивается в дерево. Надевая когти, ставят ступню ноги в изогнутое колено, и ступня крепко привязывается к когтю ремешком, для чего в конце изгиба имеется дырочка. Верхние концы когтей также привязываются к ноге немного ниже колена. Взлезать часто приходится на высоту 15–20 метров, и иные берут с собою верёвку, которою огибают ствол дерева, держась за концы руками. Когти имеются далеко не у всех. Вместо них пользуются так называемыми чöты³. Это длинный, метров пятнадцать

¹ cadьr.

² seri.

³ cotь(?)

шест из пихтового дерева, на котором оставлены сучья такой длины, чтобы на каждый из них можно было стать ногою. Шест ставится одним концом на землю, а другим плотно приставляется к основанию сука на высоком кедре. Шест, пока по нему лезет лазун, поддерживают другие орешники.

Шест для сбивания шишек с соседних кедров, так называемый сабыр, бывает длиною также до 15 метров; он тонкий пихтовый, к одному концу его привязана верёвка. Несмотря на запрещение, сабыр в большом ходу на промыслах.

После Покрова (1 октября ст. стиля) наступает время сильных холодных ветров, от которых падают на землю ореховые шишки с недоступных вершин. Этот, так называемый тушкан, лучший сорт рехов, и он лежит на земле не больше трёх суток так как за ним охотятся, кроме человека, звери и птицы. Один человек в один день иногда сбирает 80–100 кг. этих опавших орехов, иногда сгребая их сначала лопатой. Часто тушкан заносит снегом, и тогда его собирают ранней весною, в апреле. На сто человек орешников число смертных случаев и увечий колеблется в сезон от одного до двух. Убившихся при падении хоронят около того самого кедра, с которого он упал, а на коре дерева вырезают крест. Сборщики переезжают с этого места на другое.

Из сруба шишки достают для их очистки таким образом: нижний ряд одного угла приподнимают жердями-рычагами; и образовавшуюся таким образом щель сыплются орехи. Иногда же ещё при постройке сруба прорубают окно, которое во время сбора орехов затыкают, а во время их очистки откупоривают. Или ещё: под стеной сруба выкапывают неглубокую ямку, и из этой ямы делается подкоп-дыра в земляной пол сруба; при этом шишки катятся в ямку.

Тёрки (тўртки) для шелушения делаются из двух пихтовых досок, из которых нижняя длиною около 40 см., шириною более 20 см. и толщиною 4 см. На верхней плоскости этой доски делают зарубки, которые дают, взятые вместе, волнистую поверхность, а в разрезе кривую ломаную линию, похожую на зубья пилы. Верхняя доска делается таких же размеров и так же с волнистою поверхностью на одной стороне. На одном конце её имеется небольшая деревянная рукоятка. Доски обращены одна к другой своими волнистыми поверхностя-

ми; между ними кладут шишки, и верхним вальком проводят по шишке раза два – три. Один человек в день очищает на такой тёрке до 160 кило сырого ореха. Другие в это время просеивают их на четырёхугольном решете (елек¹) с проволочною сеткою и потом веют деревянною лопатой, бросая сорные орехи на ветер. Недавно (писано в 1926 г.) русскими была изобретена особая машина для чистки орехов.

В конце промыслов ребятишки откапывают норы бурундуков, глубина которых достигает целого метра, и добывают оттуда по восьми – одиннадцати килограмм чистого и лучшего ореха. (№ 98).

Торговцы из русских и оседлых Кузнецких татар заезжают в чернь и стараются эксплуатировать черневых всеми способами, выжимая и скупая у них продукты охоты и промыслов. На таких условиях задатка и огромного взыскания процентов за долг производится и скупка орехов. Нормальная цена орехов 1 рубль − 1 руб. 10 коп. за пудовку (16 кг.), а при выдаче денег вперёд цена за то же количество орехов падает до 50–60 коп. Всякий недобор, недоплата долга сопровождаются обязательством − доставить продуктов вдвое более, или же уплатить за них по рыночной цене, т. е. со всеми барышами, какие берут купцы. Такие условия делают туземцев неоплатными должниками купца. (№ 96).

84

¹ elek.

СБОР ЯГОД И ХМЕЛЯ

На Алтае растёт много ягод – калины, черёмухи, малины, земляники и др. Экономические значение в жизни туземцев Алтая имеет только калина, которую собирают в сентябре и октябре, когда она замёрзнет от холодов. За калиной ездят в тайгу на несколько дней, ночуя в лесу в шалаше. Ягоды достают с кустов руками, а если куст высок, то расстилают под ним палатку (брезент) и отряхивают с куста ягоды. Ссыпают ягоды в мешки и увозят на стан, где калину очищают от сора – листьев и сучков. Для этого расчищают от снега лёд на застывшей речке и бросают на лёд из мешков ягоды: даже при небольшом ветре вся чистая калина собирается на льду у конца расчищенного места. Зимой эту калину везут в степь на продажу. Чаще её меняют на хлеб: обыкновенно получают за два ведра ягод калины одно ведро пшеницы.

Черёмухи на Алтае очень много, но урожай её бывает не ежегодно, а большею частью один раз в три года. В урожайный год одна семья набирает количество, которое в сухом виде весит 24, 48 и 64 кг. Сушат её на солнце, после чего мелют на ручных мельницах¹. Черёмуховую муку меняют на пшеничную, получая обыкновенно за 16 кг. черёмуховой 32—48 кг. пшеничной. Русские жалуются будто бы туземцы при сборе ягод срубают высокие кусты черёмухи. Я не мог проверить, насколько эти жалобы справедливы.

Малину собирают только для себя, употребляя её зимой сушёною в пирогах, а летом в сыром виде. Русские уделяют сбору малины несравненно меньше внимания, чем туземцы. Землянику не сушат; её собирают больше дети, для своего лишь употребления — с молоком и без него. Смородину, чёрную и красную, сушат лишь для себя, а не на продажу.

 $^{^1}$ Я в 1927 г. наблюдал у кумандинцев на р. Бие, что они растирали между двух камней (paspak) сырые ягоды черёмухи и потом пекли из них пирога. (Д. 3.).

Несравненно большее значение имеет для местных жителей весенний сбор дикого лука черемши (колба¹). Колба растёт на косогорах, большею частью в верховьях рек; весной она цветёт белыми цветами. Сбор колбы начинается в конце апреля и продолжается до половины июля, когда луковица её делается твёрдой и непригодной в пищу. Большею частью ездят за колбой верхом на лошадях за 10—40 км. в окресности с. Сугул, в Узелек, на гору Пелеус, Кара-Дубо и др. Привоязт её в кожаных перекидных сумах (сумыш), не более 96 кг. на одну лошадь. Только бедные, у кого нет лошади, собирают вблизи своих селений, принося колбу домой в корзинах и мешках.

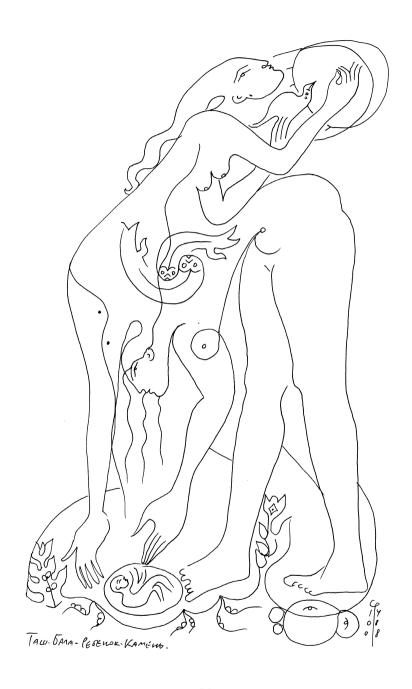
Туземцы едят колбу в сыром виде, стряпают из нее пироги, оставляют большие запасы на зиму; возят верхом на продажу в разные степные сёла — Платово, Кокша, Смоленское, Поповичи и др. и города — Улала, Бийск. Ранней весною, пока сбор колбы незначителен, колба дорога: 10 коп. один пучёк (мера несколько более одой горсти). При обмене на хлебное зерно за 16 кг. колбы получают 16 же кг. хлеба. Но потом цена колбы падает, и к концу сезона не превышает 1 коп. за 400 гр.

В августе начинают брать хмель. Сборщики хмеля одеваются во всё холшёвое. Хмель склалывают в мешки или в специально сделанные холщёвые сумы с верёвочкой через шею, чтобы не держать суму в руках. Сборщику приходится лазать по густой чаще – через рытвины, колодины и кусты. Высоко растущий на кустах и деревьях хмель снимают особым крюком – длинным шестом с суком на конце. Сезон сбора хмеля длится несколько дней. Опытный сборщик собирает за сезон не больше 32 кг. сухого хмеля. Собранный хмель привозят из лесу сырым и сушат на солнце – улицах, расстилая брезент, в амбаре на полу, в избе на печи и т. д. Высушенный большею частью тотчас же продают в Улале. В 1925 г. хмель осенью продавали, ввиду большого привоза, по 2 1/2-3 рубля за 16 кг., а зимою цена была несравненно выше – 20 и даже 50 руб. за 16 кг. Таким образом заработок на одного человека, при ранней осенней продаже, не превышает 5-6 руб., из которых 1 рубль 20 коп. надо вычесть за билет, дающий право сбора.

¹ kolba.

Примечание

Вся эта статья взята из рукописи 1926 г. № 98 «Ореховый промысел и краткий очерк других занятий туземцев Алтая в селениях Паспаул, Сапаганда, Кара-Торбок».

ПЧЕЛОВОДСТВО У ШОРЦЕВ

Пчеловодство у шорцев очень развито. Им не занимается редкая семья. Несмотря на разницу климатических условий, пчеловодство на всём пространстве тайги ведётся с большим успехом, потому что тайга для этого имеет благоприятные условия. Лучшими условиями для него в тайге обладает Кузедеевский район по нижнему течению р. Кондомы, так как там, кроме медоносных трав, цветов, чёрного тальника (вербы), черёмухи и калины, есть полоса липы в 60 км., а с липы пчёлы особенно хорошо берут мёд. Главный сбор мёда в тайге дают цветы, которые цветут с самой ранней весны (кандык, медунка) и до поздней осени. Из цветов особенную услугу пчеловодству оказывает коневник (местное название кипрея или иван-чая, Epilobium angustifolium), растущей на южных склонах гор и на выгоревших местах. Он цветёт почти целый месяц: с начала цветёт его нижняя часть, потом средняя и, наконец, верхняя. От него пчёлы берут очень много мёду.

Бывают в тайге медоносные росы. Если они выпадут за лето не один раз, то пчёлы перегружают мёдом свои ульи и устраивают соты на наружной стороне улья. В такие годы шорцы заполянют мёдом всю свою посуду и наскоро сделанные колодины (большие корыта, выдолбленные в древесных стволах).

Ульи в шорских пасеках двух типов: 1) стояк обыкновенный – длинный, узкий, у которого с одной стороны леток, а с другой заслон для вырезания мёда и 2) лежанка – такой же улей больших размеров, который ставится не вертикально, а горизонтально, с маленьким наклоном в одну сторону (к голове улья). В лежанку всегда садят рой более сильный, а в стояк более слабый. Стояки дают больше роев, а лежанка больше мёда. Ульи или «колодки» делаются из сухой осины, у которой гнилая сердцевина. Шорцы, живущие близко к русской территории, знают рамочные ульи разных систем, но сами ими не пользуются, так как не умеют их делать. Превосходство же рамочных ульев перед своими они хорошо понимают.

Пасеки устраивают недалеко от своих улусов, в низких местах, около речек или ключиков, и на возвышенном месте, если оно хорошо защищено лесом от ветра; во всех случаях непременно на солнечной стороне. Расположенные близко около жилищ пасеки обносятся городьбой, а дольние пасеки не огораживаются. На пасеке ставятся в разных направлениях тычки с защемлённой в них берестой и пучки сухих сучьев для роев. В период роения, между двадцатым мая и первым июля шорцы ведут бдительный надзор за своими пасеками. Но несмотря на это, с каждой пасеки улетает за лето в лес по нескольку роев. Улетевшие пчёлы находят себе приют в дуплах больших деревьев. Весной шорцы занимаются разыскиванием таких диких пчёл. Выбрав себе какой-нибудь пункт, шорец вырывает на нём маленькую ямку, кладёт туда мох и напитывает этот мох соей мочой. Или же приготовленный таким образом мох он кладёт в маленькую берестяную коробочку и ставит на колышке с развилкой. Около такого места разводит огонь, так как на дым пчёлы охотно летят. Шорец сидит около такого места и наблюдает направление полёта пчёл, которые летят к дыму и садятся на пропитанный мох. По направлению полёта шорец потом отыскивает деревья, в которых живут пчёлы. Дикие пчёлы живут обыкновенно на вершине дерева; тех же, которые живут внизу, разоряют колонки, бурундуки и другие зверьки. Найденное дерево с пчёлами шорцы обыкновенно срубают, причём при падении его все пчёлы погибают и нашедший получает лишь мёд и сушь (воск). В зимнее время туземцы часто находят растущие деревья с пчёлами – по следам колонков, которые любят лакомиться мёдом диких пчёл.

При контроле улья и для посадки роя пасечники-шорцы надевают на лицо сетку. Рой снимают в рояльницу, которою служит простая обечайка с полотном. На пасеках есть ещё деревянные маточники и куряшки – простая гнилушка.

Мёд из ульев, при хорошей взятке, вырезают несколько раз за лето. Вырезанные из колодок соты увозят домой в больших туясьях или деревянных бадейках, и там всей семьёй выжимают из сот руками мёд. Делается это довольно неопрятно. Выжатые соты варят в котле, дают им отстояться, и из отстоя варят пиво, прибавляя в него немного хмеля. В конце

июля и в августе в тайге везде можно встретить медовое пиво. Из него выкуривают иногда вино (араhы 1).

На зиму колодные ульи складывают в подвалы – «омшанки». Там, где не умеют этого сделать, забрасывают на зиму колодки сеном. Мёд у таёжных туземцев на вид прозрачный, чистый, на вкус ароматный. Туземцы меняют его приезжим торговцам на товар или продают зимой на ярмарках. Шестнадцать килограмм мёда прежде стоили от 3 руб. 50 коп. до 8 руб., а в 1916 г. около 20 руб. Колодный улей с пчёлами – от 3-х до 5-ти рублей. Самая большая пасека у шорцев имеет 200 или 300 колодных ульев. При благоприятной весне один улей даёт в среднем 8 кг. мёда. Стоимость воска 32 р. за 16 кг., но цена эта быстро повышается, в нынешнем (1918 году) она дошла до 120 руб.

Примечание

Взято из черновой рукописи 1918 г. № 139; текст очень близок к черновой рукописи 1916/17 г. № 43. С. 121 и след. Заимствуем дополнения из рукописи 1926 г. № 98 «Ореховый промысел и краткий очерк других занятий туземцев Алтая в селениях Паспаул, Сапаганда и Кара-Торбок». С. 25 и след.:

Пчеловодством здесь занимаются с давних пор, но широкого распространения оно не получило, несмотря на благоприятные условия местности. Рациональные, научные методы пчеловодства не введены. Пасеки у туземцев встречаются довольно часто, но не промышленные, а небольшие, в 10–30 колодных ульев, имеющие лишь подсобное значение в хозяйстве. Пчёл держат больше в дуплянках – лежаках и стояках. Ранней весною, как только стает снег, пчеловод выставляет своих пчёл из омшаника, и пчёлы стоят одни на пасеке; только изредка хозяин навещает их. Первый взяток даёт верба и разные весенние цветы. Далее следует хороший взяток с жёлтой акации, по местному с «гороховника», которой здесь много и которая цветёт в первой половине июня. Потом следует взяток с так называемой «маленькой пучки» (вид дягиля) с мелкими белыми цветочками, которого здесь очень много. Редок на-

¹ arakь.

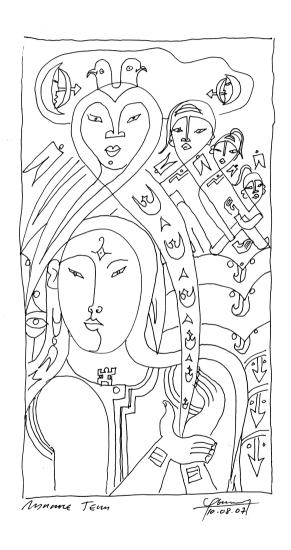
стоящий дягиль или «высокая пучка» – только у рек. С июля взяток получается с белого клевера, с осоја и других цветов.

Недавно здесь стали появляться рамочные ульи, разных систем. Иногда это просто ящики с дном, с рамками и крышкой. Но преобладают ульи системы Дагана на 12 рам. Бедность и неуменье обращаться препятствует широкому распространению рамочных ульев. Среди стариков встречаются такие ревнители старины, которые предпочитают свои старые дуплянки новым рамочным ульям. В Паспауле рамочные ульи покупают по 5 рублей. В последнее время туземцы стали приготовлять особого рода ульи: в обыкновенную лежачую дуплянку вставляют произвольное число рамок с вощиной – с сотами, вырезанными из прежних дуплянок. Сверху такой улей накрывают холстиной и ещё доскою. Медогонки местные пчеловоды большею частью делают сами, упрощённо. Для омшаников сруб вкапывается большею частью в землю, пол не настилается. На потолок насыпают слой земли в 40 см. толщиною. В потолке отверстие, 20 кв. см., для вентиляции, без труб. Крыша делается из дранья. Дверь из омшаника ведёт в небольшие прирубленные сени. Вдоль стен полки, в некотором расстоянии от самой стены, в несколько этажей. На эти полки ставят ульи на зиму. Дуплянки же иногда складывают кучей на пол омшаника, подложив под них доски или жерди. В омшанике таким образом душно и сыро.

Пасеку делают в защищённом от ветра, солнечном месте, где-нибудь в лесу на косогоре у ручья или в долине реки, иногда обносят её изгородью. С появлением мёда соты в дуплянках безжалостно вырезают, а из рамочных ульев выкачивают на медогонках упрощённой системы. На зимовку оставляют пчёл почти без мёда, и весной часто остаются совсем без пчёл. За лето дуплянка даёт три — четыре килограмма в год среднего урожая и четыре — шесть килограмм в хороший год. Рамочный улей даёт тридцать два килограмма, а в урожайные годы — сорок восемь килограмм. В плохие годы мёда нет совсем.

Продают мёд кооперации по 8–10 руб. за 16 кг.; перед масленицей же цена мёда доходит до 1 руб. за 1 кг. Воск зимою продают по 45 руб. за 16 кг., сушью. Колода с пчёлами весной и осенью ценится в 5 руб., а рамочный улей – 10 руб.; продают их только по нужде.

Добыча мёда у диких пчёл происходит так: кладут соль или мёд где-нибудь в лесу. На эту приманку слетаются дикие пчёлы. Деревья по направлению улетающих пчёл осматривают, пока не найдут где-либо в дупле пчёл. Мёд из дупла вынимают, а пчёл разоряют или переводят в колодный улей. Добытый мёд перетапливают в особых когчагах для отделения его от воска.

ПИЩА ТУЗЕМЦЕВ АЛТАЯ

Национальная пища, а с нею и вкусовые ощущения у туземцев изменяются. Полуобрусевшие туземцы постепенно переходят от своей пищи к пище русского крестьянина. Некоторые виды культурной пищи, например, сыр, рыбные и овощные консервы и т. п., они совсем не едят, а даже выплёвывают их, если кто-либо даст им попробовать.

I. Молочная пища. Так как одним из главных занятий ойротов является скотоводство, то и первое место в их пище занимают молочные продукты. Из молока ойроты приготовляют девять продуктов: чегень, аракы, сырчики курут, каймак, масло (сардю), иртпак, пыштак, эдыгей и конгорчек. В сыром виде молоко туземцы Алтая не употребляют (\mathbb{N} 133).

На р. Калбажак коров доят утром и вечером в деревянные вёдра. Молоко (сÿт¹) приносят в юрту, выливают в котёл (казан²), причём некоторые предварительно цедят молоко через сито. Котёл ставят на огонь (казан-очок³). В момент первого кипения его снимают с огня и разливают молоко в железные и деревянные чаши. Молоко стоит в чанах целую ночь (8 часов), котором снимают с молока деревянной ложкой в деревянное ведёрко верхний густой слой – каймак⁴. Он служит приправою для многих блюд, но особенно часто и много употребляют каймак с чаем. Оставшееся от каймака снятое молоко выливают в кадочки или в кожаные мешки – большие (архыт⁵) и малые (порбый6). В кадочках и мешках молоко закисает и получается напиток – чегень ³. Весною в первый раз чегень заквашивают толчёным курутом, оставшимся от прошлого года.

² kazan.

¹ syt.

³ kazan-ojok.

⁴ kajmak.

⁵ arхы (arkыt).

⁶ porbьj, porbuj.

cegen.

В другое же время на закваску чегеня употребляют телячий пузырь, копчёную жилу, сыромятную кожу и, наконец, самый чегень. Продукт этот очень питательный. Его пьют туземцы вместо кваса и вместо воды, а иногда подмешивают в него толокно из ячменя и эту смесь хлебают ложками.

Из чегеня выкуривают вино (аракы¹): ставят на очаг казан, немного наклонив его. В казан вливают два ведра чегеня. Казан накрывают двумя овальными крышками (какпак²), замазывая щели крышки мокрой глиной с землёй или с конским калом, а также закупоривают мокрыми тряпками. В отверстие крышек вставляют две дугообразные трубы (чорho³), которые двумя своими концами спускаются в два чугунные кувшина (jipaка). Эти последние кувшины ставят в корыто (кöлуур⁴), наполненное холодной водою. При кипячении, пар молока поднимается вверх, проходит через трубы, охлаждается в кувшинах и получается вино. Из двух вёдер молока получается - крепкого вина половина четверти и слабого вина одна четверть. Крепость аракы колеблется от 6 до 20 градусов. Арака имеет специфический вкус. Опьянение от неё происходит сравнительно медленно. Через два часа опьяневший от аракы совершенно протрезвляется, но арака оставляет после себя маленькую головную боль и вялость во всём организме. Аракы пьют немного подогретой: в таком виде она имеет более приятный вкус. Перевозят аракы в особой кожаной посуде, которую туземцы называют: тошуар.

После выкуривания аракы в котле остаются комочки варёного творога. Их выливают в холщёвый мешок (подо шуїтан таар) и подвешивают на крючках около стены над деревянным корытом. Сыворотка (сары cy^5) вытекает в корыто, а творог (подо или арчы) остаётся в мешке. Отделение творога от воды продолжается приблизительно один час. Для ускорения процесса мешок внизу перевязывают верёвкой. Творог в меш-

¹ агакь.
² kakpak.
³ corgo.
⁴ kelyyr.

⁵ sarь sy.

ке кладут потом на деревянный чурбан (томорсок¹) и придавливают плоским камнем. Под камнем творог лежит целый день, после чего его осторожно вынимают из мешка в берестяную коробку (эскин²), разрезая тонкой бичевой на плиточки — плоские ломти, толщиною в два пальца. Ломти эти кладут на решётку из палочек, которую ставят на жерди очага или на особый навес над костром. Здесь творог коптиться и сушится дня два или три, после чего его шнуруют, т. е. нанизывают в виде гирлянды на шнур, и подвешивают к стене в юрте. Курут³ готов. Если желают получить его скорее, то жгут лиственничные дрова. (№ 18).

Курут туземцы употребляют вместо хлеба с чаем. Это самый распространённый на Алтае молочный продукт. Приготовляют его исключительно летом, в то время, когда у коров имеется молоко. Кроме коровьего молока в курут идёт молоко коз и сарлыков (яков). Русские называю курут словом: сырчик.

Apчы приготовляют из того же прессованного творога, получаемого после выкурки молочного вина. Арчы отличается от курута тем, что прессованный творог размельчают в порошок и сушат на солнце или на печке. Заготовленный обычно летом, арчы хранят в сумах, а иногда в кишках и желудке убитых животных, смешав его предварительно с маслом. Арчы едят с чегенем, со сметаной и с маслом. Арчы с маслом считается самым лакомым блюдом у туземцев. $Capd\ddot{y}$ или mau^4 — масло. Когда каймаку накопится целое

Cap∂y или mau^4 — масло. Когда каймаку накопится целое ведро, то его долго размешивают рукой вместо веселки. Появившиеся сгустки масла отцеживают и собирают в комок. В дальнейшем эти комки оттапливают и льют в высушенные и продымлённые заранее кишки и пузыри, которые заменяют собою в данном случае кадочки. Масло, приготовленное туземцами, имеет неприятный привкус дыма, но зато отличается обилием жировых веществ. Масло туземцы употребляют главным образом с толокном и чаем. В первом случае делают смесь в виде колобка и едят; во втором — кладут в самый чай, где оно, растворившись, плавает на поверхности чая. (№ 133).

¹ tomorsok.

² eskin.

³ kurut.

⁴ sar'jn, maj.

Шорцы делают масло или из свежих сливок, или же из варёных: парное молоко слегка кипятят, через пол суток снимают с него сливки (öрунмеі1), квасят эти сливки и потом делают из них обычным способом масло. (№ 139).

 $\mathit{Upmne\kappa}^2$ – масса свернувшегося молока, которую получают таким образом: в кипящее молоко льют чегень, от чего молоко моментально свёртывается в комки. Это и есть иртпек. Его обычно хлебают ложками в горячем виде. Иртпек скорее лакомство для детей.

 Π ы μ и μ – мягкий сыр. Приготовляется очень скоро: в кипящее молоко подливают несколько ковшей крепкого чегеня. Молоко вскоре свёртывается в белую массу. Эту массу отцеживают, потом в мешке кладут под пресс – два плоских камня. Через два часа масса обращается в прессованный творог – пыштак. Он на вкус приятный, но приторный, поэтому много съесть его нельзя. Его употребляют с чаем вместо хлеба. В летнее время через два дня он уже начинает портиться, покрываясь плесенью, издавая гнилой запах. Пыштак у ойротов считается изысканным продуктом среди других молочных продуктов. (№ 133).

Шорцы свой пышлак⁴ коптят в юрте под дымом в течение двух дней, от чего он покрывается лёгкой кожицей, и в таком виде употребляется в пищу с чаем, вместо хлеба. (№ 139).

Эдыгей – сгустки варёного молока. Эта сгустки перевариваются несколько раз в свежем молоке, и в конце концов получается клейкая масса, скрипящая на зубах. Это и есть эдыгей. Его употребляют в горячем виде. В последние годы этот молочный продукт из кухни ойротов исчезает.

Конгорчек – густое кислое молоко. Техника его приготовления очень простая: в маленькое ведёрко коровница вливает два или три ковша чегеня, и идёт доить в него свежее молоко. Молоко скисает и густеет. В дальнейшем этот состав держат некоторое время в холодном месте, а потом хлебают его ложками. (№ 133).

98

¹ ørynme.

irtpek.

рьslag (телеутское, нижне-бийское).

В шорской тайге есть места, например, по р. Кобырзе, где нет ни одной коровы, и дети совсем не знают вкуса коровьего молока. (№ 139).

II. Мясная пища. Вторым основным продуктом в несложной кухне туземцев Алтая, после молока, является мясо. Исключительные условия жизни ойрота, как скотовода и в то же время зверолова, дают возможность употреблять довольно много в пищу мяса во все времена года, но особенно зимой, так как летом он старается растить свой скот. Ойроты-скотоводы по р.р. Чуе, Кану, Ябагану, Архыту, Песчаной, Аную и другим круглый год питаются мясом. Когда убивают лошадь для угощения почётных гостей, на свадьбе и т. п., то такую лошадь называют местами ещё словом: байтал¹. Старая и увечная лошадь, предназначенная к убою, зовётся: согум². В Кузнецкой тайге там, где ощущается недостаток в скоте и мясной пище, некоторые предприниматели из туземцев закупают старых и увечных лошадей в степи, главным образом на летних ярмарках, пригоняют их в тайгу и распродают на убой. Убивают согумов обыкновенно глубокой осенью, а предварительно откармливают их на пастбищах. Пасущийся согум отличается от обыкновенной лошади тем, что у него обрезаны хвост и грива. Осенью почти у всякого ойрота бывает мясо. Каждый семьянин, убивший скотину, варит в тот же день её мясо в большом количестве. Съедают его не только члены семьи, но и соседи – всегда собираются в таком случае много народа. Чтобы продолжить такого рода (коллективные) трапезы, Бачатские туземцы и шорцы убивают осенью свой скот не сразу, а разновременно.

Мясо варят в больших котлах (казан³) и сразу же съедают, не оставляя на следующий раз. Мясо варят большею частью без всякой приправы и даже без соли, не мытым. Но шорцы иногда варят мясо с крупой. Солят мясо только после того, как оно сварится. Подают варёное мясо всегда в большом деревянном блюде (тепши⁴) большим куском. Кушающий своим

bajtal. sogum.

³ kazan.

⁴ tepsi.

маленьким ножом, который он имеет всегда при себе, отрезает маленькие куски и ест их. После мяса пьют чайными чашками или хлебают ложками навар (бульон) (мин¹). Лучшие части мяса, например, грудину (уча-тош²) получают всегда старшие, или почётный гость, если такой присутствует. Кости бросают на улицу собакам, а Кузнецкие туземцы бросают их в воду маленьких ключей, из которых берут воду для питья. Делается это для того, чтобы охранить кости, как священные предметы, от прикосновения собак. Иные же впоследствии варят оставшиеся от стола кости в котле, и полученным наваром (сызык³) смазывают кожи – при выработке шкур. Мясо никогда не солят. Не имея погребов, хранят мясо летом в юрте, подвешивая его на стенке. Оседлые туземцы, живущие в домах, а не в юртах, хранят мясо летом в амбарах, а где нет амбаров – на особых навесах (тастак⁴), которые устраивают около своих жилищ. Кузнецкие туземцы иногда летом вялят мясо, для чего подвешивают его на особую жердь на солнечной стороне дома. Но вообще летом избегают убивать крупную скотину. Зимою шорцы хранят мясо в ящике из брёвен на высоких столбах.

Иногда мясо жарят на раскалённых углях, а чаще на вертеле — на деревянной палочке (тыскыш 5), которую втыкают около горящего костра. Это последнее блюдо, шашлык, называется: тиш 6 . Лучшим шашлыком считается баранья грудинка, которую жарят вместе со шкуркой, а также почки. (№ 1).

Два особый мясных блюда туземцев: тергом и кайма. Тергом приготовляется из овечьего сердца, печени, лёгкого, говядины и сала. Всё это режут длинными ленточками и начиняют ими овечьи кишки, которые потом варят в воде или же жарят на углях. Кайма — также род колбасы: начиняются кишки потрохами разных животных с прибавкою лука или крупы.

Туземцы в редких случаях едят падаль и удавлину. Это встречается только среди бедняков. Губы жвачных животных,

² uca-tes.

¹ min.

³ sьzьk.

⁴ tastak.

⁵ tiskis.

⁶ tis.

⁷ tergom.

равно как и язык туземцы не едят, считая эти части нечистыми. Почётною частью ойроты считают грудину и филей. Когда туземец убивает на охоте козла, марала, кабаргу, оленя, то тотчас же ест почки этого животного в сыром виде. С этим обычаем соединяют мысль об охотничьем счастье. (№ 133).

Кроме мяса домашних животных – лошадей, коров, овец, баранов, козлов, верблюдов и яков (сарлыков), туземцы едят мясо всех зверей, имеющих раздвоенные копыта – марала, оленя, горного козла, дикого барана, кабарги, лося, и сверх того мясо медведя, барсука, зайца, белки, соболя, бурундука, а бедные также и суслика. (№ 1).

Из птиц туземцы едят рябчиков, глухарей, горных индюшек, горных куропаток, диких уток, гусей, тетерева, домашнюю курицу. Реже и только на ореховом промысле - кедровку. Туземцы почти всегда приготовляют из птиц простой суп.

Способ умерщвления домашних животных у туземцев не одинаков: нож вонзается в лен (загривок), в сердце или в горло. При этом во всех случаях тщательно собирают кровь, которая потом варится в кишках и съедается прежде всего. Это алтайская колбаса.

Из рыбы ойроты приготовляют только одно блюдо обыкновенную уху (мін¹). В виде приправы в уху кладут соль и дикий лук, талкан, арчы, крупу из ячменя. Любители иногда жарят рыбу на раскалённых углях. Так как на Алтае до сих пор нет организованного рыбного промысла, то рыбой туземцы пользуются сравнительно мало. Рыбное блюдо в обиходе алтайца является случайным. Ойроты совершенно не употребляют мясо и рыбу в солёном виде.

III. Растительная пища. Ойроты употребляют в пищу следующие дикие растения:

 $Kahdы \kappa^2$ – луковичное растение Erythrunium Dens canis. Летом, около Петрова дня (29 июля старого стиля), луковица этого растения приобретает большую сочность и крепость. В это время ойроты вырывают кандык особым орудием-заступом и складывают в берестяную коробушку. В дальнейшем

¹ min.
² kandьk.

луковицы кандыка очищают от грязи и варят в воде. После варки надевают на суровую нитку, и полученную гирлянду долго сушат в юрте. Сушёный кандык варят в молоке или воде, после чего получается каша, напоминающая варёные макароны. На вкус кандык сладок, и вполне может заменить собою легкое мучное блюдо, например, лапшу. Кандык у ойротов по преимуществу — пища зимняя.

Mонгыр — слизун, употребляется ойротами в сыром и сушёном виде. Впрочем, сушёный слизун идёт у них больше на приправу к щам из ячменной крупы (кочо 1).

 $Koжho^2$ — ревень. Это растение пекут в золе, от чего оно делается приятнее на вкус. Едят его также и в сыром виде. Корнем ревеня, как слабительным средством, ойроты не пользуются.

Ускум³ — большерослый чеснок; ствол его толщиною в палец, вышина больше 80 см. Горечи в нём меньше, чем у нашего огородного чеснока. Растёт он на мочагах (сырых местах) в вершинах рек. Ойроты весной в большом количестве сбывают его за хлеб русским, живущим в степи. Сами едят его сравнительно мало и только в сыром виде. Русские рубят его и солят, а также стряпают из него пельмени.

 $Cогоно^4$ — каменный (горный) лук, почти без горечи. Луковица крупнее нашего огородного, напоминает собою крупный сорт испанского лука. Согоно едят в сыром виде, а иногда заправляют им щи (кочо⁵).

Колбы⁶ — черемша, дикий лук. В огромном количестве растёт в вершинах рек и на горах в болотистых местах. Туземцы с вьюками привозят для себя, а также сбывают русским за хлеб. Колбы едят в сыром виде, иногда стряпают пельмени. Русские, кроме того, солят. Колба имеет приятный вкус, несколько резковатый, и оставляет после себя во рту неприятный запах.

² kөzyne, kөzynө.

¹ kece.

³ uskum.

sogono.

⁵ kece.

⁶ kolbь.

Элик-палтырган — козлиная пучка; cy-палтырган — водяная пучка; ϕ йу-палтырган — медвежья пучка. Эти три зонтичных растения туземцы употребляют в сыром виде в то время, когда растения ещё молоды.

4айне 2 – пионы, по местному русскому названию: «Марычны коренья». Едят только корень в сыром виде.

Корень солодки – Glycyrriza.

Cаргай, чомыр 3 — сарана, дикая лилия. Луковицу варят с молоком или пекут в золе и едят.

 $Kyзy\kappa^4$ — кедровый орех. Кроме обычного употребления, туземцы делают из ядер ореха особую смесь, куда входят: орех, масло и толокно. В таком случае предварительно орех жарят, а потом при помощи паспака⁵ (двух плоских камней), отделяют от ядер скорлупу, провевают и мнут. Смесь эта чрезвычайно вкусна и питательна. Делается обычно на ореховом промысле. Её употребляют с чаем вместо хлеба.

На территории Алтая растут одиннадцать разнородных пород ягод. В зависимости от климатических условий и различной высоты местности над уровнем моря ягоды растут в разных местах разные. Туземцы употребляют ягоды в малом количестве, только как лакомство. В более обруселых местах делают запасы и на зиму и стряпают из них пирожки.

Кустарниковые Ягоды

 E^{6} – чёрная смородина.

Kызыл-ка m^7 – красная смородина. Та и другая в большом количестве растут по горам, в горных ущельях и на каменных россыпях.

 $Toжno^8$ – крыжовник. Растёт в скалистых местах, по берегам рек и на россыпях.

4 kuzuk.

¹ elik paltьrgan, su paltьrgan, aiu paltьrgan.

² cejne (segene).

³ sargaj.

⁵ paspak.

⁶ borongot.

⁷ kьzьl-kat.

⁸ tozlo (tozla).

преимущественно по берегам речек.

*Саргат*² – облепиха. В изобилии растёт по большим рекам: Катуни, Бии, Чолушману и Башкаусу. На Алтае встречаются два вида облепихи: сладкая и кислая. Из облепихи в некоторых местах Алтая туземцы выкуривают вино (аракы).

*Толоно*³ – боярка, боярышник. Эту ягоду едят только дети.

*Палан*⁴ – калина. Встречается в северном Алтае на склонах гор. Употребляют в пищу в пареном виде, но только обрусевшие туземцы. Другим туземцам вкус её кажется противным.

Караган или *пеле*⁵ – рябина. В некоторых местах Алтая выкуривают из рябины водку (аракы).

Травяные ягоды

 $Top-6oc^7$ – брусника. Встречается в Алтае сравнительно редко, на сырых горных плато.

 $Kapamopбoc^8$ – черника, соседка брусники. СОДОН БАШ 9 – земляника, самая ранняя ягода на Алтае. *Агаш йиелек*¹⁰ – малина. (№ 133).

Картофель шорцы употребляют в пищу варёный в мундире и печёный в горячей золе. Других кушаний из него не делают и не знают, что он может служить приправою к другой пище. Сеют его мало, и почти весь съедают до наступления зимы. В тайге два сорта картофеля: 1) «татарский», как его называют русские и 2) «русский». Шорский картофель крупнее и вкуснее, нежели русский. На семена шорцы картофель сохраняют зимою в ямах, которые выкапывают в пашнях. (№ 43).

¹ jodro.
² sar'ga

sar'gat (sarь-gat).

³ tolono (tolana).

⁴ palan.

⁵ karagan, pele.

⁶ jer jielek.

torbos.

kara-torbjs.

sodon-bas.

¹⁰ agas jielek.

IV. Мучная пища. Условия горной и лесистой местности Алтая не способствуют широкому развитию здесь хлебопашества. Поля до сих пор обрабатываются примитивным способом и больших хлебных запасов туземцы не имеют. С другой стороны, высота местности над уровнем моря позволяет сеять на Алтае только выносливые злаки, главным образом ячмень. Другие хлебные злаки хотя и растут в Алтае, но только в глубоких долинах, которые давно заняты русскими колонистами. Существующее в том или другом виде хлебопашество на Алтае никогда не даёт достаточно хлеба для нормального питания жителей края. Местные жители ежегодно делают закупки хлеба в степных селениях, а иные совсем не едят хлеб, поддерживая своё существование молочной и мясной пищей. Многовековая кочевая жизнь выработала у туземцев Алтая своеобразные мучные продукты и особую технику их приготовления. (№ 133).

Из зёрен ячменя (арба 1) приготовляют прежде всего толокно (талкан 2), которое иногда делается ещё и из зёрен пшеницы (пуудай 3). Ячменный талкан на вид белый, а пшеничный — тёмный. Для приготовления талкана зёрна ячменя сначала сушат на печке или на солнце, после чего их толкут в деревянной ступке (сакы 4) — для отделения верхней скорлупы (чöп 5) зерна. Затем провеивают (эзіп-jат 6) с помощью эскына — берестяной посудины в форме полуовала, с одной стороны открытого. На эскыне подбрасывают зёрна ячменя, пока не отвеется шелуха. Провеянное зерно поджаривают (кургадап jaт 7), для чего зёрна бросают в пустой котёл (коргуш 8) с тонкими стенками и ставят котёл на огонь, беспрерывно мешая зёрна в котле палочной, конец которой обвёрнут тряпкой

¹ arba.

² talkan.

³ puudaj.

⁴ sakь.

⁵ cop.

⁶ ezip-jat.

⁷ korgadap-jat.

⁸ korgus.

(шорское пулhаш¹). Поджаренные зёрна ячменя вторично толкут в деревянной ступке, причём от зерна отделяется вторая шелуха (кара саа²). Вторично провеивают тем же эскыном, толкут в третий раз, причём с зерна отделяется последний покров (ак caa³), и ещё раз провеивают, после чего очищенный ячмень (так называемый курмач⁴) мелют, точнее растирают между двумя плоскими камнями: большой камень лежит наклонно на полу, а меньшим камнем, как вальком, растирают поджаренные зёрна, и получается мелкая крупа, так называемая ярма⁵. Из ярмы варят жидкую кашицу, приправляя её сметаной, маслом или жиром. Из ярмы же делают и талкан, для чего крупу снова растирают теми же плоскими камнями в порошок. Получается мягкая мука, так называемый талкан (толокно). Шорцы часто мелют ячмень на ручной мельнице, причём одни зёрна превращаются в муку, а другие только в крупу. Молотый ячмень просеивают через решето (элгек⁷) с кожаным низом: талкан, мука, падает в низ, а крупа и отруби остаются в коробушками решете. Веют шорцы ячмень особыми (сыргаш⁸). Едят ойроты талкан – 1) замесивши из него тесто на холодной воде, 2) с чаем, положив одну ложку на деревянную чашку чая, 3) с молоком, 4) со сметаной, 5) с маслом – размешав ложкой или пальцами, а иногда превратив эту смесь в колобок. Пшеницу для талкана сразу поджаривают, толкут и веют только один раз, так как зерно пшеницы имеет одну только оболочку. Растирают также на паспаке. Пшеничный талкан считается менее вкусным. (№ 1).

Из ячменя приготовляют ещё один вид крупы — кочо 9 . Для получения этой крупы необходимо ячмень два раза просушить, два раза толочь в деревянной ступке, чтобы снять два покрова (шелухи), и наконец два раза провеять. После всего

¹ pulogas. ² kara saa.

³ ak saa.

elgek.

sargas.

⁹ kece.

этого зёрна ячменя толкут, смочив их водою. Хорошо приготовленное кочо имеет приятный запах. Из кочо туземцы варят щи, которые называют также: кочо¹. Русские называют кочо: «толстая крупа». (№ 133).

Горные ойроты и черневые шор-кіжі употребляют крупу в трёх видах: чарак или курмач (у шорцев ширак²), ярма и кочо. Чарак – это немолотый талкан (см. выше), над которым не делают последнего процесса – растирания в муку. Приготовляют чарак редко. Он носит характер лакомства. Употребляют его в сыром виде большею частью одни дети, которые пасут коров или овец.

Чтобы получить ярма³, надо чарак раздробить на крупинки при помощи ручной мельницы. С ярма варят мясные щи и молочную жидкую кашицу. Эта пища особенно в большом употреблении у черневых.

Кочо приготовляется из ячменя, который сначала сушат – летом на солнце, зимою в большом котле, который ставят на огонь в юрте. После первой сушки толкут с ступке и провеивают с помощью эскына (сельницы). Этот процесс толчения и провеивания повторяют сверх того два раза, причём последний, третий раз толкут зёрна, смоченные водою. Исключая Бачатских, кочо в большом употреблении на всём Алтае. Из кочо варят щи, которые носят тоже самое имя: кочо. В состав этого блюда входят, кроме крупы, вода, соль, нарезанное кусочками конское и скотское мясо, иногда дикий лук - слизун или согоно. Если же эти щи варят без мяса, то прибавляют молока или сметаны (каймак). Хлебают кочо ложками, без хлеба. (№ 1).

Из муки ойроты приготовляют пресные лепёшки - тертпек⁵. Заводят тертпек на воде или на молоке. Полученное тесто предварительно мнут, прибавляя в него ещё муки, а потом разбивают на твёрдой коже, а неряшливые женщины на своей голой коленке - в лепёшку обычной формы. Затем зарывают её в раскалённую золу. Через 15 минут вынимают ле-

¹ көсө. ² carak, шорское sьrag.

³ jarma.

eskin.

⁵ tertpek.

пёшку, и перебрасывая её из рук в руки, очищают от прилипшей золы и мелких углей. С тертпеком пьют чай. (№ 133).

В некоторых местах Алтая приготовляют особый вид тертпека — с начинкой из дикого лука-слизуна (моныр). Весной слизун мелко рубят, прибавляют к нему творог (арчы 1) и сметану (каймак 2), и начиняют этою смесью тертпек, который пекут в раскалённой золе также, как и обыкновенный тертпек.

Шорцы, кумандинцы, комдоши и челканцы приготовляют из пшеничной муки ещё особое блюдо — тутпаш³. Пресное тесто для тутпаша заготовляется также, как и для тертпека, но делается более упругим, твёрдым. Тесто разрезают ножом на большие куски, из которых скатывают ладонями рук тонкие жгуты. Эти жгуты рвут руками, без помощи ножа, на маленькие кусочки одинаковой величины. Эти то кусочки и называются: тутпаш. Варят их или в одной воде, или прибавляя к воде молоко, мелкую рыбу (улен⁴), мелко нарезанное кусочками мясо, иногда рыбу и мясо одновременно. Вместе с тутпашем шорцы иногда варят маленькие лепёшечки из пресного теста, которые зовутся также: тертпек и служат прикуской к тутпашу.

которые зовутся также: тертпек и служат прикуской к тутпашу. Техникой приготовления печёного хлеба (калаш⁵, у шорцев ещё и: курбачак⁶; калач носит название: ÿітÿгеш) в совершенстве овладели только кумандинцы и телеуты. Ойроты по р.р. Чуе, Архыту, Башкаусу, Чолушману, Урсулу, Песчаной, Кану, Ябагану, Аную, Семы и Чарышу питаются печёным хлебом сравнительно мало, тем более что далеко не везде имеются особые печки для печения хлеба. Квашеный хлеб у ойротов часто выходит неудачным, «с закалой», и тяжёлым для желудка. В некоторых местах Алтая приготовляют лапшу (лапшы), по русскому образцу. (№ 1).

Шорцы сеют пшеницу (пуудай⁷) и рожь (јадыћаі⁸) в очень малом количестве, а покупают муку или зерно в степи у рус-

arсь.
² kaimak.

¹ arcь.

³ tutpas.

⁴ ylen.

⁵ kalas.

⁶ gurbacag.

⁷ puudaj.

⁸ jadьgaj.

ских. Жители бассейна р. Кондомы покупают муку и зерно в Солтоне (первое село на западе тайги, где бывает базар) или в окрестностях этого села. Живущие на востоке тайги, в верховьях р. Кондомы, начиная с Ачаевского улуса и Мрассы, покупают в сел. Таштыпе (богатое село Абаканской долины, Енисейской губ.). На р. Мрассе, в Каргинском районе, выезд из тайги летом затруднителен, и там муку покупают зимой, в гор. Кузнецке, привозя её домой на санях по льду р. Мрассы. Несколько лет тому назад (писано в 1918 г.) завозили в тайгу много хлеба для перепродажи. Но туземцы предпочитают сами ездить за 50–150 км. в степь, чтобы купить там не только хлеб, но и чай, соль, водку, одновременно продавая шкуры зверей и скота. Только бедные, не имеющие лошадей, сами не ездят в степь. Прочие же делают свои поездки регулярно – летом чаще, зимою, вследствие глубоких снегов, реже. (№ 139).

Компания шорцев едет верхом в степь за 100-200 км. и покупает там хлеб у русских за 80 коп. -1 р. 20 к. за 16 килограмм. На месте же этот хлеб стоит 1,5-2 руб., а в распутицу дороже. Поездка продолжается около двух недель. Каждая верховая лошадь привозит на своей спине 64-100 кг. (N 43).

V. Напитки. Из молока, как мы уже видели, туземцы Алтая делают чегень, а местами, кроме того, кумыс. Последний приготовляется только из одного кобыльего молока. Молоко коз и яка (сарлыка) идёт в чегень, для чего смешивается в общей кадочке с коровьим, а иногда и кобыльим молоком.

Самый распространённый на Алтае напиток — чай. Ни одна, даже самая беднейшая семья не обходится в Алтае без чая. У туземцев не распределено время дня для принятия пищи; на их языке нет даже слов: обед, завтрак, ужин. Они едят и совместно, и поодиночке всякий раз, когда чувствуют в этом потребность, и едят то, что имеют в данный момент, мало вообще заботясь о завтрашнем дне. Очень часто бывает так, что чай заменяет у них обед, завтрак и ужин. Чай туземцы пьют кирпичный, доставляемый из Китая. В сравнительно слабый раствор чая, который они кипятят в чайниках, всегда прибавляют соль, талкан, каймак, а в некоторых местах прибавляют ещё и баранье сало. Получается густой напиток, напоминающий собою суп и, нужно отметить, питательный напиток,

вполне соответствующий вкусовым ощущениям ойрота. Шорцы пьют кирпичный чай без сахара, иногда заменяя сахар мёдом. Ойроты пьют чай из деревянных чашек, самодельных, а у более зажиточных встречаются чашки китайские, очень изящные.

При отсутствии чая туземцы Алтая пьют суррогаты:

- 1) отвар трёхгодичных листьев бадана (кылбыш, kыlbы),
- 2) отвар молодых прутьев шиповника,
- 3) отвар малиновых листьев,
- 4) белоголовник,
- 5) сердцевину гнилой берёзы (шангда, sangda), пропитанную соком берёзы.

Из одурманивающих напитков туземцы Алтая употребляют три: аракы¹ (водка), позо², брага и сыра³, пиво. Аракы приготовляют из чегеня, позо из хлеба, сыра из хлеба и мёда. Аракы – летний напиток, так как доение коров, кобылиц и коз происходит только летом. Туземцы в большом количестве выпивают её – в семье, со своими соседями, приятелями и гостями, а также на своих свадьбах (той⁴) и жертвоприношениях, когда предполагается, что вместе с людьми пьют водку и боги. Водку пьют подогретою, из миниатюрных чашечек (чоочой⁵), всегда со строгим соблюдением традиционного этикета, который выражается прежде всего в обнесении чашкою всех присутствующих лиц по старшинству. (№ 133).

Позо горных ойротов - это то же самое, что абырткы шорцев. Русские называют: «брага». Приготовляют её из солода (уут⁶) и из крупы ярма. Солод делают из ячменя, пшеницы или овса, для чего держат зёрна, смоченные водой, в тёплом месте в течение трёх суток. Высушенные потом зёрна с ростками толкут в ступке, немного смачивают и сушат на печке, на солнце или около огня на шкурах. Опять толкут в ступках и мелют на ручных мельницах. Полученный солод соединяют с крупою ярма, наливают водой (полведра солоду на

² pozo. ³ sьra.

сөөсөј.

¹ arakь.

toj.

⁶ uut (ugut).

шесть вёдер воды) и дают вскиснуть. Получается напиток, который пьют зимой вместо чегеня. Из позо же выкуривают водку, аракы.

Чейдем¹: в горячую воду пускают горсть талкана, небольшое количество молока, масла и соли; кипятят и пьют вместо чая. (№ 1).

Шорцы пьют медовое пиво (сыра²), а брагу из хлеба (абыртка³), водку-самосидку, выкуриваемую из хлеба и пива, из картофеля и, редко, из рябины. Эта водка крепостью от 5^0 до 15^0 . Кроме того, шорцы пьют русскую водку, которую покупают в степных селениях или же у спиртоносцев в тайге. Спиртоносцы, это организованная небольшая партия из шорцев же или из русских, которая закупает спирт в городе и тайно от акцизного надзора развозит его по тайге, прибыльно меняя спирт на звериные шкуры, а приисковым рабочим – за краденое золото. (№ 139).

VI. *Табак* шорцы курят все – мужчины и женщины – из деревянных трубок с кривыми мундштуками. Хранят табак и трубку в кожаных или матерчатых кисетах (нянчік⁴). Курят табак листовой, обычно покупая его у русских в степи. Изредка и сами сеют табак, но не умеют его приготовлять: сущат над огнём и курят. Называют свой табак: кок тамкы⁵, т. е. зелёный табак. У шорцев часто, особенно летом, бывает табачный голод, когда запасы табака истощаются, а достать его из степи не представляется возможным - по бездорожью. В таких случаях они режут ни мелкие кусочки свою старую трубку и курят эти кусочки, или же жгут в трубках сухую траву. Покупную махорку шорцы не курят, считая её слишком крепкою. (№ 139).

Примечание

Пище туземцев Алтая в рукописях А.В. Анохина уделено очень большое внимание – не менее десяти статей, в рукописях под №№ 1,

³ abьrtkь.

¹ sьjdam. ² sьra.

папсьд.

⁵ kök tamgь.

18, 27, 43, 60, 61, 97, 128, 133, 139. но за редкими исключениями все эти рукописи повторяют почти одни и те же данные, с небольшими вариациями. В рукописях: 1) № 1 под заглавием «Пища алтайцев» (1929 г., 29 стр. текста); 2) № 97 «Материальный быт. Пища туземцев. Краеведческая работа 1927 г.» из серии: Ученические экспедиции 1922–1927 гг. С. 1–16 и 3) №№ 133 и 139 «Пища шорцев» (1918) — в этих рукописях имеются попытки дать более или менее систематическое обозрение вопроса о пище туземцев Алтая. Дополнив этот сжатый обзор подробностями из других рукописей (№№ 18, 27, 43, 60, 61, 97,128), мы и дали здесь сводную статью, план которой принадлежит всецело самому А.В. Анохину.

В 1926 г., в рукописи № 97, Анохин пишет:

У скотоводов-ойротов, маймаларов и тубов наблюдается полное сходство в самом содержании пищи, в технике её приготовления и в употреблении. Что же касается четвёртого племени, телеутов, то они давно заменили свою национальную пищу простой русской пищей, усвоив технику её приготовления в совершенстве и разделив её на 1) будничную, 2) праздничную и 3) ритуально-жертвенную. Не могут пока телеуты расстаться с конским мясом, а в некоторых местах, например, в улусе Чарга — с чегенем, который идёт также на приготовление водки — аракы. Некоторые из телеутов не едят свинины. (№ 97).

У черневых курут зимою и летом заменяет хлеб: ножом очищают его слоя копоти и разламывают на кусочки. (\mathbb{N} 43).

В 1913 г. А.В. Анохин ехал в экспедицию на Алтай – сначала пароходом по р. Томи, а от Шевелей (на р. Томи) отправился на телеге в Бачат. В дневнике 1913 г. он, между прочим, пишет:

На станции Кольчугино (50 км. от р. Томи) мы встретили поголовное пьянство: был съезжий праздник – заговенье (10 июня). Огульное пьянство на свежего человека производит удручающее впечатление. Пьют мужчины, женщины, девушки, парни. Все заражаются неестественным весельем и ватагой ходят из дома в дом, обнявшись друг с другом. Некоторые ездят по деревне на лошадях. По всей деревне шум и несвязные песни, пискливо или визгливо выводимые пьяным голосом пьяной женщины – вместе с мужчинами. Вино окончательно разрушает правильное течение здоровой трудовой

жизни. Всё выходит из колеи, всё колышется в избе, на улице, как будто от какого-то угара. В сел. Коневой та же праздничная картина: то же пьянство, тот же разгул и беспорядочность. $(N_{2} 61)$.

Шорцы мужчины и женщины курят табак с ранних лет. У каждого имеется деревянная трубка (каңза¹) с плоским выгнутым чубуком. К трубке на ремне подвешен железный крючок или маленький ножичек – для чистки трубки. При трубке кисет (калта²) из ткани или из кожи. Трубка и чубук делаются из берёзового дерева. На трубке простым ножом вырезают параллельные линии – орнамент. Кисеты из материи вышивают геометрическими фигурами. Табак сеют около дома, засушивают его в зелёном виде, растирают и смешивают с берёзовой корой, которая смягчает горечь его при курении. Закуривают трубку от трута, зажигаемого искрами от удара кремня. Трут приготовляют из особой травы и из берёзовой губки. (№ 43).

ganza.

² galta.

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ

Принадлежности домашнего обихода: вёдра, чашки, ложки, кадки, мешки и проч. у чалканцев (по р.р. Лебеди, Байголу и их притокам) - русского производства, покупные. Только ручные мельницы (термен¹) у них свои, двух типов. Первый тип, так называемые паспак², представляют собою две плоские каменные плиты, из которых одна большая, другая меньше. Между этими плитами растирают соль, сушёные зёрна ячменя и овса – для приготовления талкана. Второй вид мельницы сложнее: он состоит из двух жерновов, которые ставятся в деревянную коробку на подставке в переднем углу избы. В середине обоих жерновов имеются отверстия. В отверстие нижнего жёрнова вставляется железный цилиндр (озок³). Под ним, внизу жёрнова, есть регулятор (озок кодуртан⁴), при помощи которого можно верхний жёрнов опускать и поднимать при работе. Верхний жёрнов имеет на себе деревянный обруч. К этому обручу привязывается шест, который своим верхним концом проходит через дыру в укреплённой к потолку дощечке. Этот шест (туткуш⁵) служит рукояткой, за которую вращают кругом верхний жёрнов. На этой мельнице мелют исключительно зёрна пшеницы, ячменя, овса. Зёрна горстью постепенно подсыпают в отверстие верхнего жёрнова, и из-под жёрнова сыплется мука, которая и отбрасывается в коробку. За день можно получить 16 кг. муки. Жернова выделывают из мягкого камня специалисты-мастера.

Из числа домашней посуды сами чалканцы выделывают берестяные плоские коробушки, деревянные ручные корыта (тепши⁶), полуовальную сельницу (сарhаач⁷), берестяные же

¹ termen.

² paspak. ³ ezek.

⁴ ezek kodyrtan (?).

⁵ tutkus.

⁶ tepsi.

⁷ sargas.

туясья (тозок¹). Коробушки служат для муки и зёрен; корыта для теста и варёного мяса; сельница – для муки и для орехов; туяс заменяет ведро и кадочку. Весьма редко встречаются самодельные ложки и чайные чашки из берёзового дерева. (№ 43).

У ойротов, живущих по среднему течению р. Катуни и её притокам, вся употребляемая в домашнем обиходе посуда до сих пор сохранилась строго национальная. Только в более обруселых сёлах этого района она перемешивается с русской рыночной. По материалу посуду нужно разделить на четыре категории: деревянная, берестяная, кожаная и металлическая. Деревянную, берестяную и кожаную посуду туземцы выделывают сами, каждый хозяин юрты для себя, а металлическую приобретают от русских на базаре. Среди металлической посуды иногда попадаются экземпляры нерусского производства – старинные, «от времени Ойрота», Ойрот тужунда², как говорят сами туземцы. Без сомнения, в древности эта посуда проникала в горный Алтай от кузнецких инородцев, живущих по рекам Томи и Кондоме и занимавшихся до прихода сюда русских специально выплавкой чугунной и медной посуды. Кузнецкие туземцы вели меновую торговлю своими изделиями с Дзюнгарией – с территорией, которая находится за пределами горного Алтая. Часть своей посуды ойроты приобретали также в Монголии и, вполне возможно, с древнего Абаканского плавильного завода, остатки печей которого сохранились до сих пор около гор. Минусинска.

Посуда ойротов, как кожаная, так и берестяная и деревянная, обращает на себя внимание главным образом своей примитивной формой, а в некоторых случаях оригинальным орнаментом на ней. Но вся она чрезвычайно груба, поскольку вырабатывается исключительно простым ножом и топором. Но шорцы делают посуду новейшими орудиями, и по отделке она похожа на русскую. (Последнее замечание о шорцах взято из другой рукописи. № 43).

Типичные экземпляры посуды:

_

¹ tozok.

² ojrot tuzunda.

*Тепши*¹ – блюдо для варёного мяса, выдолбленное из берёзового дерева; имеет продолговатую форму и нарезки по бокам.

 $Kонок^2$ – деревянное ведро, выдолбленное из березового дерева. Дно ведра состоит из бересты в три слоя, из которых два наружные меньше третьего размером на 5 см. Этою особенностью устройства туземцы предохраняют дно ведра от влаги, которая проникает – от земли при доении коровы и от пола в юрте. Берестяное дно прибивается к ведру берёзовыми колками. Вверху по сторонам на стенках ведра прожжены две дырки, через которые продета волосяная верёвка, служащая рукояткой. (№ 133).

У шорцев почти вся посуда русская, кроме берестяных туясьев, треугольной сельницы, редко встречающихся ложек и чашек. Посуда сделана новейшими орудиями и по отделке близко подходит к русской. Никаких вырезных орнаментов на ней нет. Исключение составляет берестяная табакерка (тамэркэ³) малого формата. Есть и большая табакерка (мангазей⁴), в которую входит около 400 грамм табаку; её берут охотники с собою в тайгу. У шорцев по р.р. Мрассе, Томи и Кондоме сохранились приборы для выкурки вина: 1) однотрубный и 2) двутрубный.

Домашние орудия: топор – малта, malta, нож – бчаh, рьсак, ручные ножницы – кыпты, кьрtь, молоток – маскачак, maskacak, пила – крэ, kere, большая пила – шербек, serbek, серпы, косы-летовки, соха - салда, salda, борона – тарбаш, tarbas, абыл с железным наконечником – abыl.

Всё это – производство русской кузницы и покупается туземцами в сельских лавках или в гор. Кузнецке. (№ 61).

¹ tepsi.
² kenek.

³ tamerke.

⁴ mangazej.

Примечание

Вопрос о домашней утвари наименее изучен в рукописях А.В. Анохина. В настоящую статью вошли сведения из трёх различных рукописей: 1) № 43. 1916/17 г. о чалканцах на р. Лебеди; 2) № 97, который повторяется в № 133. 1926 г. об ойротах бассейна р. Катуни и 3) № 61. дневник 1913 г. о шорцах, живущих между гор. Кузнецком и устьем р. Мрассы.

Прибавляем ещё отрывочные замечания из № 60 о сеоке кобок и из № 43 о черневых:

При посещении аилов сеока Кобок на р. Пулака в 1914 г. мы видели кадки с чегенем, обшитые шкурами овцы — для того, чтобы чегень не нагревался от огня. ($N \ge 60$).

У черневых для чегеня употребляются мешки: 1) архыт¹ – большой мешок из конской кожи, который стоит в юрте на особой подставке, и 2) порбый² – маленький мешок, который берут иногда с молоком с собою в поле. (\mathbb{N} 43).

¹ arxьt.

² porbыj.

ОГОНР

Спичек у туземцев Алтая нет. Вместо них они употребляют изящное по своей форме огниво (отук 1) — стальная пластинка с кожаным мешочком, в котором хранится трут (куу 2) из берёзовой или осиновой губы (нароста) или из травы, приготовляемой особым способом. Тут же хранится кремень (таш 3) для высекания искр огнивом. Огниво туземцы носят на ремне за поясом. (№ 133).

Шорцы добывают огонь стальным огнивом (отык⁴) и кремнем (таш, отук ташы⁵), высекая искру на трут (каба⁶). Трут приготовляют из осиновой губы (мешке⁷): в течение двух недель губку эту квасят в воде с осиновой золой в тёплом месте, на печке. Потом нанизывают губку на нитку и кладут, не выжимая из неё воды, в протопленную печку, где губка испекается. Когда высохшая в печке губка отвердеет, тогда её бьют молотом или обухом топора — до тех пор, пока она не сделается мягкой и волнистой.

На охоте и в поле разводят костёр с помощью сухой травы: собирают корни травы с болотных кочек и сушат их. В сухом виде корни эти зовутся: тений⁸. Их кладут в бересту и поджигают трутом, зажженным от огнива. Положив тлеющий трут на сухую траву, раздувают огонь — махая руками: трава загорается, а от неё загорается и береста. (№ 53).

У черневых на р. Куюм в центре юрты находится очаг, в котором поддерживается почти всегда, и день и ночь, огонь. В представлениях туземцев Алтая огонь (äнä-от⁹, буквально:

¹ otuk.

² kuu.

³ tas.

⁴ otъk.

⁵ otuk tasь.

⁶ kaba.

⁷ meske.

⁸ tenej.

⁹ ene-ot.

мать-огонь) есть доброе божество, занимающее центральное место среди других домашних пенатов. Огонь ближе всех духов стоит к человеку и даёт человеку только добро. Первая жертва приносится огню.

Олицетворённый огонь имеет будто бы голову, ноги прочие части тела. В юрте голова огня помещается в стороне тöря. Töp¹ – это передняя часть юрты, против входной двери. Голову огня называют словами: оттын башы². Ноги огня (оттын а;а;а;ны ; лежат в сторону дверей. Зола (;у;р; считается постелью для огня, а пламя (јалгын 5) — его ушами (кулак 6). Там, где мыслится голова огня, запрещается ходить женщинам и посторонним лицам. Пройти можно только около ног огня. Место между сиденьем хозяина (тöp⁷) и самим очагом считается наиболее почётным и священным во всей юрте, потому что тут находится голова огня. (№ 114).

Телеуты в улусе Черга приносят матери-огню (от äнä⁸) в масти. Прежде совершения жертвенножертву овцу белой го обряда данная семья в продолжение полугодия, а более религиозная и в течение целого года особенно благоговейно относится к огню. Благоговение это выражается различно. Так, не полагается мешать горячие угли в печке железною кочергой, а её заменяют берёзовою палкою. Не полагается выносить огонь из дома; если нужно осветить амбар или навес во дворе, то зажигают огонь вне жилища – во дворе. Не дают предметы из дому соседям.

В обычное время из того же чувства уважения к огню, не кладут на печку шкурки нечистых зверей: барсука, медведя, сурка, верблюда, суслика. Не держат в доме кошек, которые любят вспрыгивать на печку. Кошку держат в доме лишь в крайнем случае, когда в доме много мышей и хомяков. Но как только эти грызуны исчезнут, тотчас же удаляют из дома и

² ottьn basь.

³ ottьn ajagь.

kyl.

⁵ jalgьn.

⁶ kulak.

⁸ot ene.

кошку. На печке не спят и не делают около печки лавок для сиденья. Сидеть около печки считается оскорбительным для матери-огня.

У огня телеуты различают три олицетворённые силы. Первая сила: мать-огонь, от-äнä, живёт в печи налево от чела (устье печи). Тут при жертвоприношениях в честь огня, например, на свадьбе или при совершении шаманских мистерий ставят три очока: это глиняные конусообразные колонки с талиновыми палочками и с углублением вверху, в которое наливают масла.

Вторая сила огня представляется в лице Урум Канна (в буквальном переводе: разделяющий нас, спускающийся хан). ^Урум-хан или ^Урум-тал будто бы живёт на седьмом тушкане неба. Тушкун ¹ – то спуск, этап, по которому кам (шаман) идёт при совершении мистерий. В жертву ему приносят толу² (три рубахи) и туяс с брагой. Эта вторая сила огня, по представлению телеутов, живёт также у дальней стенки печки.

Третья сила огня – оімок ару³, собственно: чистая яма или напёрсток. Эта сила живёт, по смыслу шамнских мистерий, на тринадцатом тушкане. В жертву ему приносят белую овцу, тöрт јакалу азыр толу⁴, чистый выкуп с четырьмя воротниками – подвешиваемые при мистерии одежды; наконец, алтын чалткы⁵ – древко раздвоенное: на середине развилки подвешивают на шкурке восемь ленточек (јалама⁶) и заячью мордочку. Оімок-ару живёт среди камней, из которых высекают огонь; рядом с нею живут районные духи – jep-cy⁸. Оімок-ару живёт также и в печке, на правой стороне за второй аркой, в ямочке, куда всегда сгребают горячие угли. (№ 28).

¹ tyskyn.
² tolu.

³ ojmok aru.

⁴ tert jakalu аzьг tolu.

⁵ altьn caltkь.

⁶ jalama.

ojmok aru.

⁸ ier-su.

Примечание

Приведённые сведения об огне взяты из четырёх разных рукописей: 1) Небольшое замечание в начале из рукописи № 133 – о туземцах Алтая вообще; 2) Продолжение о черневых на р. Куюм – из рукописи № 114, 1927 г.; 3) Дальнейшее продолжение о шорцах на р. Кондоме – из рукописи № 53, 1919 г.; 4) Сведения о телеутах в улусе Черга – из чернового дневника 1924 г., № 28. Опыт изучения культа огня у туземцев Алтая дан с статье Н.П. Дыренковой «Культ огня у алтайцев и телеут» в «Сборнике Музея Антропологии и Этнографии» (Т. VI. 1927). О добывании деревянного огня трением сообщалось выше в статье о скотоводстве.

ГОНЧАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО У ШОРЦЕВ

Гончарное производство у шорцев встречается только в одном пункте – по реке Томи при устье Мрассы. Шорцы вырабатывают только маленькие горшки. Предварительно приготовляют гончарную глину, из которой с помощью вертящегося круга вырабатывают горшок. При работе употребляются следующие орудия: 1) два деревянных обруча (шыјык¹), 2) маленькие лопаточки (чакпыш²), ручка (тундук³), 3) деревянный нож (кескіс⁴). (№ 139).

Примечание

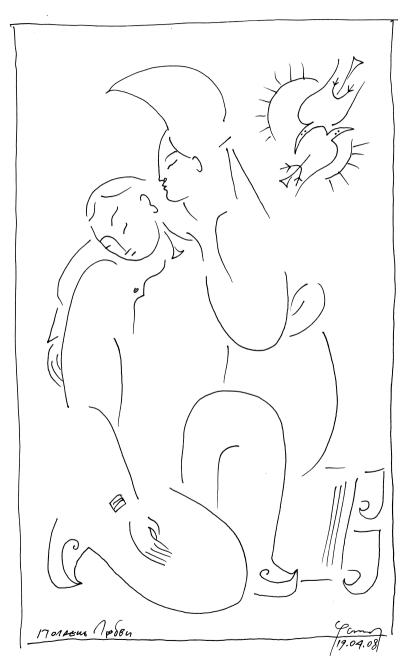
Этими ничтожными сведениями исчерпываются все материалы архива А.В. Анохина о шорском гончарстве. Эти же сведения, взятые нами из рукописи № 139 (ИАЭ 77). С. 37–38, повторяются в той же рукописи № 139 на С. 67. Между тем, нам известно, что у туземцев Алтая существует так называемое «налепное» гончарство с очень своеобразною техникою, сходною с гончарным производством якутов. Сведения об алтайском туземном гончарстве собраны Н.П. Дыренковой, но до сих пор не опубликованы. О налепном гончарстве вообще смотри статью Д.К. Зеленина в журнале «Этнография» (III. 1927. № 1. С. 87–105) «Примитивная техника гончарства налепом в восточной Европе».

¹ sijik.

² capkьs.

³ tyndyk.

⁴ keskic.

ГОРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

І. Полезные ископаемые

Разработка полезных ископаемых на Алтае началась в глубокой древности. После завоевания Сибири русскими первое время частные промышленники и всякие «сыскатели» богатств не производили здесь специальных изысканий. Только в 1723 г. уральский горнопромышленник Акинфий Никитич Демидов посылает партию разведчиков, которые около Колывановского озера, в «Чудской» копи, открывают медную руду. В 1725 г. здесь основан первый завод, названный Колывано-Воскресенским, а к 1814 г. число заводов доходит до девяти. Одни из этих заводов просуществовали до конца XIX столетия, когда в 1893-94 гг. были закрыты за убыточностью производства. Другие заводы просуществовали несколько дольше, но начало XX столетия застаёт все горнопромышленные предприятия бывшей Томской губернии закрытыми и разработка ископаемых богатств края прекращается. Главнейшие месторождения полезных ископаемых находятся вне границ этой губернии, исключая лишь Змеиногорский район, где расположены многочисленные месторождения полиметаллических руд – золото, серебро, медь, свинец, цинк. Здесь же залегают громадные массы пород, принимающих высокую полировку – яшма, кварцы, порфиры, брекчии и мраморы. Гора Иркутска в Тегерецких белках известна своим розовым кварцем и бериллами. По рекам Кезихе и Поперечной, притокам Алея расположены месторождения цветных глин, и здесь же, в виде исключения, встречается гипс. Цветные глины найдены также по р.р. Чалде, Салтону и около дер. Нижней-Ненинки Бийского уезда. Огнеупорная глина и охра добывались из Анжинского месторождения на Бие близь деревни того же названия. В системе р. Нени обнаружены залежи бурого угля -Мулнинское месторождение. В Бийском же уезде, по р. Песчаной, добывается точильный и жерновой камень. Самосадочная поваренная соль добывается в боровых озёрах, расположенных в пределах Гатского бора, в юго-западной части бывшей Томской губернии. Глаубергова соль осаждается в Мормышанском озере, лежащем в верховьях р. Касмалы. Прибавим, что во многих болотах по р.р. Кислухе, Барнаулке и др. имеются неисчерпаемые залежи торфа. (№ 84).

II. Бергалы

Кличка «бергал» до сих пор (писано в 1919 г.) сохранилась в алтайской тайге: так назывались горнорабочие или «мастеровые» на казённых приисках в Кузнецкой тайге. В первое время существования приисков, вплоть до освобождения крестьян от крепостной зависимости в 1861 г., бергалы набирались из рекрутов, подлежавших отбыванию воинской повинности. Их набирали и отправляли в тайгу на казённые работы вместе с семьями и детьми. Там они отбывали воинскую повинность в качестве «мастеровых», т. е. рабочих. Им давались: 1) изба, 2) жалованье — 25 коп. в сутки мужчине; женщине 30 коп. в месяц; новорождённому младенцу на содержание 3 коп. в сутки; 3) шестнадцать килограмм ржаной муки женщине в месяц, мужчине 24 кг. той же муки; мяса 200 грамм в сутки, масла около 5 грамм.

Служба мастерового продолжалась 25 лет. После освобождения крестьян от крепостной зависимости мастеровые стали называться «контрашными», т. е. работающими по контракту.

В настоящее время (1919 г.) ещё живы семьи бывших бергалов, например, в сел. Кондомском семьи Парытиных, на Антропе — Воробьёв, на Спасске — Галкин, Белкин. Живущие по р. Томи около Кузнецка в сел. Атамановом, перешли в крестьянское сословие.

Павел Герасимович Патырин, бывший приисковый зимовщик, живущий теперь со своей семьёй в сел. Кондомском Кузнецкого уезда, рассказывал следующее: в сороковых годах XIX столетия первый прииск был открыт на Спасске, в среднем течении р. Кондомы. Собственно первая разведка производилась по речке Корбозинке, впадающей в р. Кондому. Для работ в этой местности были присланы опытные мастеровые с других казённых приисков из Мариинской тайги. Они первые в числе 40 человек, начали здесь «бить шахты». Горнозаводское дело здесь стало быстро расти: в сравнительно короткий

срок открылись прииска, кроме Спасска, на Александровске (р. Камначы) и Талоне. Эти три пункта считались главными, а за ними вскоре появилось много других: Казаны, Анзас, Тельбес, Кабырза. Шестидесятые годы XIX столетия нужно считать самым цветущим временем казённых приисков в Кузнецкой тайге. В это время на главных приисках – в Спасске, Талоне и Александровке жило по полторы тысячи рабочих. В Спасске насчитывалось в своё время до 700 строений: избы для рабочих, кузницы, казармы, дома для служащих, амбары с припасами. Эти дома располагались по горке вдоль р. Кондомы на полтора километра. Спасск впоследствии стал резиденцией «Алтайского золотопромышленного дела», которое ведало системами двух рек: Кондомы и Мрассы. Приисками по р.р. Лебеди и Томи ведала компания золотопромышленников «Южное Алтайское Золотопромышленное дело», резиденцией которого был прииск Неожиданный на р. Ызы, которую русские называли Мыгызы. Гымызы.

Все горнозаводские рабочие и мастеровые - кузнецы, столяры, плотники, забойщики – набирались из рекрутов ближайших к гор. Кузнецку сёл и деревень. Казна сама определяла рекрута на прииск, и с момента поступления на прииск рекрут считался «казённым человеком», отбывающим свою воинскую повинность в качестве простого рабочего или мастерового. Срок службы полагался такой же, как и на военной службе, т. е. 25 лет. Все приисковые рабочие, впоследствии получившие кличку «бергалы», пользовались от казны жилищем, содержанием (продовольственными продуктами) и жалованьем. Семейные жили в избах. Иногда в виде награды зарекомендовавшим себя с хорошей стороны выдавали лошадь и корову. Холостые жили в общих казармах. Каждый рабочий, независимо от профессии, получал в месяц 75 коп. жалованья, а его жена, на приисках не работающая, получала 30 коп. в месяц; новорождённый ребёнок — 3 коп. в сутки. Ржаной муки выдавалось мужчине 24 кг., женщине 16 кг., и кроме того 200 грамм в сутки мяса, 5 гр. масла; детям до 17-летнего возраста по 8 кг. ржаной муки.

По достижении 17 лет все дети-мальчики бергалов отдавались в ученье в мастерские. Там они под руководством старших мастеровых знакомились с работами, и с 17 лет всту-

пали в действительную службу на прииске. Неспособных к мастерству отсылали в горы на земляную работу, где 8 мальчиков обязаны были выработать с сутки один куб. Взрослые работали также поурочно.

Жизнь приискового казённого рабочего была крайне тяжёлая, особенно летом, когда главным образом происходила промывка золота. С раннего утра и до позднего вечера шла напряжённая однообразная работа, каждому нужно было выполнить свой урок. Невыполнивший дневного урока подвергался телесному наказанию. Летом на работу будили в 4 часа утра. Предварительно все шли на проверку, где давалась каждому дневная работа. Своих детей родители часто приносили на проверку спящими, на руках, и будили их в тот момент, когда начиналась работа.

В начале существования приисков в Кузнецкой тайге рабочие работали летом без отдыха, не соблюдая праздников. По ходатайству одного административного лица, некоего Соколова, стали освобождать от работы в праздники. В дальнейшем, по ходатайству того же лица, бергалы две недели работали на казну, а третью на свою семью. Но такой порядок на приисках просуществовал недолго. Наступил 1862 год и все получили «свободу» от крепостной зависимости. С этого момента пошли уже другие порядки на приисках. Вся работа стала производится «контрашными» или вольными. Последние обязаны были сдавать золото также в приисковые конторы по установленной цене.

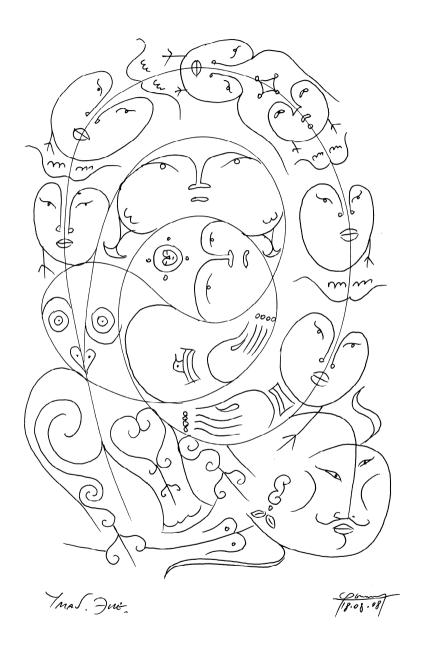
На приисках, как до освобождения крестьян от крепостной зависимости, так и после была своя, во многом независимая администрация. Она состояла из горно-заводского пристава и нескольких казаков. Все живущие на приисках бесконтрольно подчинялись этой администрации. Пристав лично подвергал рабочих телесному наказанию даже за маловажные дела, например, за неаккуратное исполнение дневной урочной работы. За более важные проступки предавал их аресту и под конвоем отсылал в ближайший город в тюрьму. На обязанности пристава лежал, кроме того, контроль за золотом: каждый вечер он делал наряд казаков, которые при окончании работ снимали из ящиков промытое золото, уносили его потом в

контору, а там уже весили и записывали в книгу. Пристав наблюдал за распределением площадей для земляных работ и т. п.

Все рабочие разделялись по годам своей службы на три разряда. Первый разряд служил 25 лет, второй 20 лет, третий 15 лет. По окончании службы на приисках рабочему назначалась пожизненная денежная пенсия, а иногда давалась земля в вечное влаление.

Примечание

Приведённая статья взята из двух рукописей: 1) первая половина — из рукописи № 84 (ИАЭ 127); Алтайский край; 2) вторая — из рукописи 1919 г. № 53 (ИАЭ 101). С. 5–15. Об истории промыслов на Алтае см. статью В.Н. Кашина «Крестьянская железоделательная промышленность Кузнецкого края в XVII—XVIII веках» в журнале «Проблемы истории докапиталистических обществ» (1934. № 7/8. С. 11 и след.).

ЛЕСНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Весною туземцы Алтая запасают в лесу дрова. На дрова больше всего идёт осина, потом берёза, пихта и сосна. На одну избу-пятистенник нарубают дров не более 17 метров. Срубив или спилив дерево, очищают его от сучьев и распиливают ствол на части не длинее 80 см. Полученные таким образом чурки раскалывают вдоль и складывают в поленицы − для просушки. Зимою их вывозят на санях домой. Дрова здесь в продажу вообще не поступают, так как их запасают для себя каждая семья отдельно. Лес на дрова выдаётся бесплатно. (№ 98).

Для себя же, на покрытие крыш и т. п., а иногда и на продажу в Улалу и другие безлесные местности, приготовляют в лесу драньё, т. е. доски, но не пиленные пилой, а колотые топором из брёвен. Срубают сосну или осину с наименьшим числом сучьев. Берёза для этого непригодна. Сучья счищают, получившийся «хлыст» распиливают поперёк на части требуемой длины: 3-6 метров. С двух противоположных концов, в одной вертикальной плоскости, вгоняют в распиленные части по два топора и бьют по этим топорам особою деревянною колотушкою (токпок¹). Колотушка эта делается из длинного бревна, ³/₄ длины которого обтёсывают – в качестве рукоятки. Расколов бревно вдоль пополам, потом раскалывают эти половины; а если нужно тонкое драньё, то колют ещё раз. Полученные доски складывают в лесу для сушки - в виде треугольной фигуры. Если драньё идёт в продажу, то на него нужно сначала приобрести билет - по 3 руб. за «хлыст» (дерево). А так как драньё ценится дёшево, то бедняки нередко пытаются рубить лес без билета. Сто штук трёхметровых досок, с доставкой в Улалу, ценятся 8 руб. Добычей дранья занимаются ранней весной и до сенокоса. (№ 98).

Поставка срубов в степные места, по особым заказам, обыкновенно выполняется артелью из нескольких человек. Рубят сосны и пихты, очищают их от коры, распиливают на

¹ tokpok.

части нужной длины и делают пазы, т. е. боковые выемки вдоль бревна. Сруб делают в лесу же, большею частью в долине, откуда готовый сруб вывозит по первому зимнему пути его же хозяин. Пять человек сделали сруб 8 х 5 за 180 руб., из которых они 45 руб. уплатили за билет. Работали более одного месяца, и имели заработок по 27 руб. на человека, на своих харчах.

Пилят пилою «плахи» (тёс) и большею частью меняют их на муку. Трёхметровая плаха ценится по 70 коп., четырёхметровая 80, пятиметровая 90 коп. Плахи пилят вдвоём, делая для их пилки специальные стропила, наверху которых железными скобами укрепляют брёвна для распилки их вдоль на две плахи. Большая пила, служащая для этого, зовётся: крё¹. (№ 98).

Весною, с появлением листвы на тальнике (вид ивы), начинают драть «дуб», т. е. кору тальника – для кожевенных заводов. Работа эта продолжается до половины июня (старого стиля). Добычей дуба на продажу занимаются немногие, но «для себя» понемногу набирают почти все, так как кожевенные заводы, при сдаче им на выделку шкур, требуют от своих клиентов, кроме денежной платы за выделку, ещё и необходимое количество дуба натурой. Кожевенных заводов здесь мало, и они мало скупаю дуба, пользуясь готовым дубом своих клиентов.

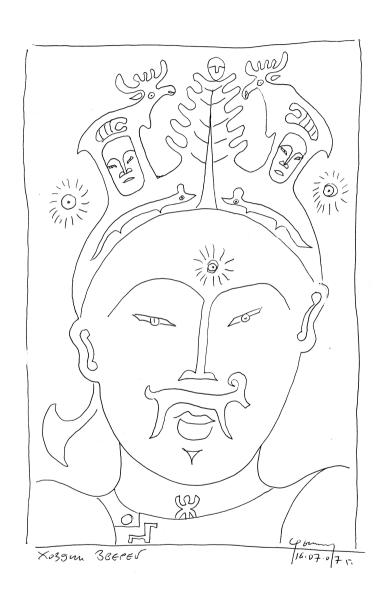
Добыча дуба состоит в следующем: на коре тальника делают разрез топором и топором же, с помощью свободной руки, начинаю отделять кору от ствола — так же как снимают бересту с берёзы. «Осочив», т. е. сняв кору с одной талины, переходят к другой. Снятую с нескольких талин кору связывают в вязанки, похожие на хлебные снопы; в этих вязанках дуб просыхает. Если лыко длинное, то его в связках перегибают. Вязанки лежат на месте добычи иногда даже до зимы; их везут домой по мере надобности в них. В среднем семья надирает не более 320 кг. сухого дуба. Весною его продают по 50 коп. за 16 кг., а потом по 80 коп. Дерут дуб не только взрослые, но и подростки. Тальник с обобранной корой быстро погибает.

¹ kere (kire).

Все описанные выше лесные промыслы большого экономического значения не имеют, являясь лишь подсобными промыслами. Исключением является лишь дёгтеукрение и смолокурение.

Примечание

Все приведённые выше данные о лесных промыслах взяты из рукописи 1926 г. № 98 (ИАЭ 140) «Ореховый промысел и краткий очерк других занятий туземцев Алтая в селениях Паспаул, Сапаганда и Кара-Торбок».

ДЁГТЕКУРЕНИЕ

Местные жители, туземцы и русские, всегда ощущают большой недостаток в хлебе, так как хлебопашество здесь развито сравнительно слабо. Вследствие этого здесь развиты подсобные промыслы: сбор колбы (дикого лука, черемши), чеснока, хмеля и дёгтекурение, дающие и небольшие средства к существованию. Более прибыльным является дёгтекурение. В селе Паспаул и в его окрестностях наблюдаются два вида заводов для выгонки дёгтя. Один вид чаще встречается у русских, имеет довольно сложную конструкцию и называется «дягтярным заводом». Другой вид наблюдается преимущественно среди туземцев и называется «корчажка».

Для постройки всякого дегтярного завода выбирают небольшую горку и выкапывают в ней квадратную площадку. При устройстве завода первого вида на эту площадку ставят грубый сруб для печки и котла, которые служат самыми существенными частями завода. Печная дымовая труба со стенками толщиною в один кирпич ведётся в виде спирали, и таким образом своими стенками образует нижнюю и среднюю части котла. Верх же стенок котла составляют особые ряды кирпичей. Такое устройство котла связанного непосредственно с дымовой трубой, способствует получению наивысшей температуры. Обыкновенные размеры котла такие: радиус один метр, глубина 110 см. На дне котла имеется воронкообразное отверстие, над которым плотно приделано корыто из кирпича, так называемая колода. В эту колоду стекает из котла дёготь. От колоды идёт жёлоб, сбитый из крепких досок и пропитанный смолой, длиною 4 метра. На заводе имеется ещё мелкий инвентарь: лопаты, носилки, корыто, бочки, вёдра, деревянные молотки, мётлы и крюк. Лопаты употребляются трёх видов: обыкновенная железная для земли, железная вогнутая, чтобы доставать угли из раскалённого котла, и наконец, деревянная, которою накладывают мелкую бересту в котёл. Носилки – это простой ящик с двумя ручками. Служат для носки коры в котёл. Корыто делается из берёзового дерева, в нём стоит жидкая глина для замазывания щелей в котле. В бочку сливается дёготь. Деревянные молотки с длинною рукояткою служат для обивания с крышки котла золы и песку. Метла употребляется для замазывания стенок котла, когда в них от жары появляются щели; метлу при этом предварительно напитывают разведённою в воде глиною, которою и замазывают трещины. Крюк употребляется для вытаскивания решётки из котла; он устроен из двух длинных жердей наподобие колодезного журавля.

Материалом для выкуривания чистого дёгтя служит мягкая береста и твёрдая кора берёзы. Для выкуривания же смолы служат преимущественно сосновые смолистые пни или просто сосна. На право брать в лесу эти материалы всегда покупается билет.

Процесс выкуривания дёгтя происходит таким образом. На дне описанного выше котла кладут железную решётку – для того, чтобы в воронку не нападала береста, а после выгонки дёгтя можно было бы выбрать оставшийся уголь. Затем закладывают кору в таком порядке: первый ряд коры выкладывают на решётку, и тут же, против нижнего отверстия котла, куда стекает дёготь, втыкают кол. Этот кол служит для стока дёгтя в воронку котла. В дальнейшем заполняют весь котёл берестою и закрывают его сверху герметически железною крышкою. В этом котле береста томится пол суток, и затем уже начинает выходить дёготь. Сначала дёготь падет на дно котла, затем стекает в колоду, а из колоды в жёлоб и в ведро. Описываемый котёл даёт за сутки в среднем 32 кг. дёгтя. Чем выше качество бересты, тем больше получается дёгтя и тем он лучше.

Дёготь продают крестьянам, живущим в предгорьях Алтая; очень редко его возят на продажу в город Улалу. Вообще местные дегтярники далеко дёготь для продажи не возят. Ценится дёготь довольно дорого: за одно ведро весом 8–12 кг. берут два рубля, а иногда и больше. При обмене на хлеб за ведро дают 32–48 кг. пшеницы. Дёготь выгоняют большею частью летом, но иногда и зимою. При двух рабочих, дегтярный завод в год, с перерывами на время сенокоса и на ореховый сезон осенью, даёт чистого дохода 300 руб.

Другой завод, так называемая «корчажка», имеет более простое устройство, и гораздо чаще встречается у туземцев. Основная его часть, так называемая «корчага», заменяющая собою котёл описанного выше завода, делается из глины непосредственно в яме, без сруба, где-нибудь на бугорке или на берегу реки. Ширина такой «корчаги», в сущности простой ямы, полтора метра, а высота два метра. Внизу корчага имеет отверстие, которое выходит в колодину (корыто) вместимостью около трёх вёдер. Эта колодина служит резервуаром для дёгтя. Одним своим концом она высовывается из земли, через укреплённую досками стенку, наружу; когда подходишь к такому заводу, то видишь перед собою только одну горку, у которой срыт вертикально склон и укреплён досками. В центре высовывается на высоту одного метра конец колодины, закрытый тычками, и под колодиною стоит ведро для стока дёгтя. Если подняться на эту горку, то видишь одну ровную площадь и в центре её маленькое отверстие дымящейся «корчажки». Кругом лежит обычный инвентарь: лопаты, молотки, мётлы и пласты приготовленной бересты. Всё оборудование примитивно и сразу заметно, что здесь не было опытной руки плотника.

В процессе самого дёгтекурения на этом заводе имеются свои характерные особенности. Здесь нет печки, как на описанном вывшее заводе. Следовательно, не требуется человек, который поддерживал бы постоянный огонь. Когда корчажка наполнена берестой, последнюю поджигают, и яму закрывают почти наглухо железною крышкою, через которую проходит только дым. Бересту предварительно смачивают водой, и она горит медленным огнём, тлеет. Дегтярник оставляет корчажку на 16–18 часов без контроля, а потом осматривает и получает до двух вёдер дёгтя. После этого он выгребает из ямы уголь, замазывает образовавшиеся в стенках щели, накладывает снова бересту и пускает завод в действие.

Каждое лето можно наблюдать тянущиеся из гор в степи обозы на плохоньких лошадях, с убогою телегою, на которою стоит бочка. Это туземцы везут дёготь на продажу. За последнее время (писано в 1926 г.) дёготь покупают на самом месте его выработки.

Примечание

Приведённая статья взята из рукописи 1926 г. № 83 (ИАЭ 126) «Краеведческая работа у тубов». Некоторые дополнения заимствуем из рукописи № 98 того же 1926 г. и той же местности – сел. Паспаул, Сапаганда и Кара-Торбок.

Дёгтекурением занимается очень небольшой процент местных жителей. Труба опоясывает котёл, сделанный из кирпича же. Среди употребляемых на заводе орудий — молотки для чистки крыши котла от золы и песка, которые делаются таким образом: на двухметровую берёзовую палку насаживают деревянный чурбан 5 см. ширины и 20 длины. Решётку из котла вытаскивают крюком, который состоит из двух длинных жердей, на концах висят два железные крючка. Дёготь идёт на смазку обуви, сбруи, тележных осей и т. д. Ведро весом шесть кг. ценится 2 руб. и дороже или же 48 кг. пшеницы. Это летняя цена; осенью и весною дёготь дороже. Билет на прав дёгтекурения стоит два рубля в один месяц.

ОБРАБОТКА КОЖИ У ТАЁЖНЫХ ТУЗЕМЦЕВ КУЗНЕЦКОГО УЕЗДА

Туземцы одинаковым способом обрабатывают, как коровьи, так и лошадиные шкуры. Кладут их сначала в воду. Когда они достаточно вымокнут, с них острым ножом соскабливают шерсть, после чего слегка высушивают. Затем их коптят, для чего устраивают в земле особые печи. Печь для этого роют в яру или просто на какой-нибудь полянке. В яру печь устанавливается таким образом: на 80 см. от самого верха прорывают дыру до 150 см. длины и 70 см. ширины. Дыра эта идёт в горизонтальном направлении и служит внутренностью печи. В средину её сверху спускается другая, вертикальная дыра, служащая дымоходною трубой. На полянке же печь устанавливают проще: делают узкую и глубокую яму, куда накладывают ивовых гнилушек и зажигают. Если печь устроена в яру, то вход в неё заваливают землёй, а над трубою ставят свёрнутую в трубку кожу, которую накрывают большим берестяным туесом. Дым, выходящий из трубы, надолго задерживается в туесе и прокапчивает находящуюся в нём кожу. У печей, устроенных не в яру, трубы нет, и её заменяет самоё отверстие печи; поэтому здесь туес со свёрнутою кожею закрывает собою устье печи. Процесс прокапчивания кожи идёт одинаково в печках того и другого устройства. Процесс этот продолжается двое или трое суток.

Прокопченную и высохшую кожу мнут в прессе. Этот пресс представляет собою толстую, лежащую на земле развилку, на вилагах которой нарезаны зубцы. Между вилагами, в середине развилки, прямо на зубцы кладётся кожа. Потом эту кожу вдавливают в середину вилаг – с помощью оглобли, также с зубцами, привязанной к той же развилке. Затем оглоблю приподнимают, кожу перевёртывают и снова вдавливают в развилку. Так продолжают делать до тех пор, пока кожа не сделается мягкой. Потом смазывают кожу жирным наваром костей, смешанным с сажею.

Овчин местные туземцы совсем не вырабатывают, потому что овца здесь у туземца – большая редкость, а ещё и потому, что они шуб совсем не носят.

Примечание

Взято из рукописи 1916/17 г. № 42 (ИАЭ 39) «Шорцы». Заимствуем дополнения из рукописи 1915 г., 3 127 об улусе Ачаевском на р. Кондоме:

Весною кладут шкуру в корыто и ошпаривают кипятком. Отмякшую в воде шкуру кладут на гладкую чурку и счищают с нее шерсть острым ножом. Некоторые же просто оттаивают весною кожу, которая обыкновенно висит на морозе или всю зиму, или по крайней мере несколько месяцев. Вместо ножа иногда употребляют косу-литовку. Очищенную от шерсти кожу смазывают наваром (сызык¹) от костей, причём если желают получить чёрную кожу, то примешивают в сызык углей. Мнут кожу на мялке $(талык^2)$ около суток и более, после чего её коптят в берестяном туесе (улан³). Горн для дымления кож обкладывают сверху плоскими камнями, а потом дёрном, оставив дыру для дыма. Жгут пихтовые гнилушки, которые подкладывают сбоку ямы в особое отверстие два раза в сутки. Дымят кожу около недели, после чего снова её мнут на той же мялке. Из кожи шьют обувь (одук). (№ 127).

В улусе Мукур-Чарга, где живут туземцы сеока юс, очищенную от шерсти кожу кладут в холодную воду с мелким корьём лиственницы (дуб-чобура⁴), где она лежит три дня. Потом кожу сушат и мнут на мялке (толку⁵). Дымят около одного месяца в юрте. Из кожи делают обувь, сумы и сёдла. Для выработки овчин делают густой отвар печенки (пуур⁶), промазывают им лицевую сторону высушенной овчины, свёртывают овчину в комок и оставляют в таком виде киснуть на одни су-

¹ sьzьq. ² talьq.

³ ulan.

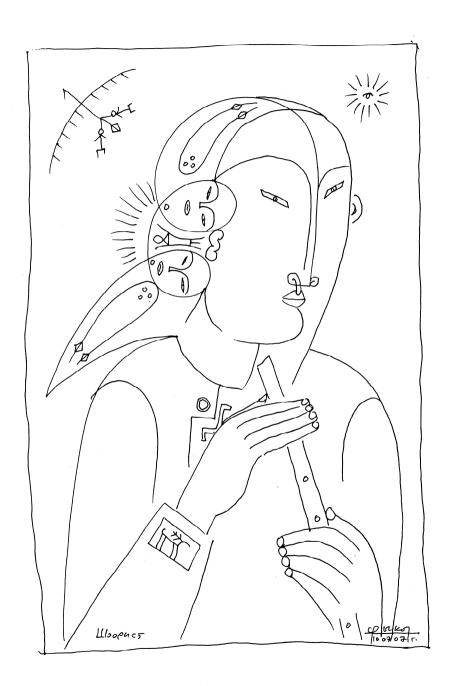
⁴ совьга.

⁵ talku.

⁶ puur.

тки. Потом особым деревянным вальком с зубцами (эдрек1) растягивают и мнут овчину, причём один конец её зажимают между своими ногами. Подвешивают овчину для дымления в юрте же на одни сутки, после чего протирают мукой - пшенично или ржаной, — очищают литовкой (суруп jar^2), на особой доске (сур ri^3). Из выделанных овчин шьют шубы. (№ 18).

¹ edrek.
² syryp-jat.
³ syrgy.

ЧОЛУШМАНСКИЙ КОЖЕВЕННЫЙ ЗАВОД

Единственный в Чолушманском крае кожевенный завод имеет большое культурное значение. Туземцы относятся к заводу вполне доброжелательно. Имеются факты, когда они оказывали ему незаменимую помощь, например, в доставке необходимых материалов. Теленгиты стремятся сдать заводу две необделанные шкуры, чтобы получить за них одну выделанную кожу. В настоящее время большинство туземцев носят кожаные сапоги, в прошлом невиданные ими.

По словам старожилов, кожевенный завод возник более двадцати лет тому назад (писано в 1927 г.). Первоначально завод был построен местным монастырём – исключительно с целью обслуживания монастырских нужд, но и эти нужды он удовлетворял не в полной мере. Первые годы своего существования завод находился в небольшом помещении, совместно с маслодельным заводом. В настоящее время от старого завода не осталось и следа. По инициативе заведующего интернатом Чолушманской школы беспризорных, тов. Пономарёва, двадцатого июля 1926 г. интернатом был заключён договор с мастером завода, и по этому договору на оборудование завода было отпущено интернатом 325 руб. 23 коп.; 14 августа того же года Аймачный Комитет Крестьянского Общества Взаимопомощи внёс 800 кг. пшеницы и сто рублей деньгами на то же дело оборудования завода.

За первый год своего нового существования завод переходил из рук в руки. Через некоторое время после организации завода к числу совладельцев присоединилось Улаганское Потребительское Общество; каждый из трёх пайщиковсовладельцев вносил пай в 350 руб. В настоящее время (1927 г.) завод принадлежит исключительно Улаганскому Потребительскому Об-ву, правление которого находится в селе Кумуртуке, в 9 км. от завода.

Завод помещается в заново отстроенном здании. Произведены большие технические усовершенствования. Поставлено 4 новых чана; замочный, дубильный, для хлебов и зольник.

Общая годовая продукция 600–800 кож. При хорошем оборудовании можно выработать до одной тысячи кож, что и предполагается выполнить в текущем году. Валовой доход завода за год 3000 руб.; расход 2600–2700 руб. Чистый доход, таким образом, колеблется от 300 до 400 руб. Штат завода очень небольшой: один мастер и двое рабочих. Годовое их содержание 1800 руб. Расходы на оборудование завода и на материалы не превышают 600 руб. Большого оборудования завод не имеет, кроме кожной мялки для «дуба» и примитивного, недействующего в настоящее время насоса для выкачивания воды из кололиа.

Несмотря на старое оборудование, завод вырабатывает чёрную и красную юфть, сыромять и подошвенный полувал. Для выработки кож завод поглощает много дуба, дёгтя, извести, соли и хлеба; все прочие материалы доставляются за сто с лишним километров.

Для выработки кожи требуется в среднем три с половиной месяца. Стоимость обработки каждой шкуры колеблется от одного до пяти рублей. Техника обработки кожи очень простая. Прежде всего каждая шкура попадает в отмочный чай, в котором лежит до 15 дней. Затем её перебрасывают в зольник, в состав которого — четверть золы и три четверти извести. В зольнике кожи лежат дней 25. Дальше кожу переносят в чан с хлебом и с солью, в так называемый «кисель», чтобы удалить известь. На это требуется также 25 дней. Затем кожа переходит через четыре дубильных чана. Срок пребывания в каждом из них постепенно увеличивается: в первом чане кожа лежит в среднем 10 дней, во втором чане 15, в третьем 20 и в последнем, в четвёртом, 25 дней. После всего этого процесса кожу покрывают дёттем и жиром.

Юфть у туземцев имеет большое потребление, главным образом, на пошивку сум и обуви.

У туземцев до сих пор (1927 г.) практикуется домашняя выработка кожи, но с каждым годом она уменьшается. Выделка кожи туземцев отличается от заводской чрезвычайной примитивностью и непрочностью. Они прежде всего соскребают волосяной покров, смазывают кожу так называемым чегенем. Затем кожу вешают над костром и дымят до тех пор, пока ко-

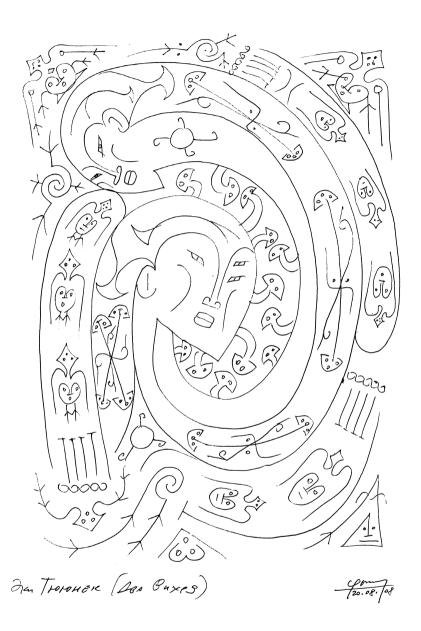
жа совсем не свернётся в комок. После этого кожу разминают руками.

Туземцы стараются повысить качество своей продукции. Они занимаются выработкой высшего сорта кожи — замши, путём выквашивания шкур. Недавно приступил к выделке замши, пользуясь общим заводским оборудованием, бывший завхоз интерната школы беспризорных Сорокин. В данный момент находятся в обработке 13 шкур, которые Сорокин хочет выработать, после чего прекращает дальнейшее производство. Местные Чолушманские организации инициативу Сорокина о создании трудовой артели не поддерживают.

Доставать необходимые материалы для выделки замши в этом крае чрезвычайно трудно. Зато выбор шкур для выделки замши здесь громаден: сухотина, оленина, еренина, буйнина, козлина, кабарга, маралина. Для низших сортов замши идут – яковка, сарлычина и верблюжина. Производство замши требует такого же оборудования, как и любой кожевенный завод.

Примечание

Взято из рукописи № 89 (ИАЭ 132), из серии рукописей «Материалы экспедиции Улалинского Общества Помощи Учащимся».

ВЫРАБОТКА КОЧМЫ (ВОЙЛОКА) У ТЕЛЕНГИТ ЧОЛУШМАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Главное занятие теленгитов Чолушманской долины – скотоводство; затем идут охота и отчасти земледелие. Последнее здесь существовало давно, но в примитивном виде, и только за последнее время, под влиянием русской культуры, теленгиты усвоили более совершенную технику русского хлебопашества. Есть у теленгитов и подсобные промыслы: ореховый, выработка кочмы, рыбная ловля, перевозка пассажиров и кладей через Телецкое озеро.

Из домашнего скота здесь обращает на себя внимание особая порода овец, так называемые жирнохвостки, смесь длиннохвостых овец с кудрявыми. У этих овец грубая шерсть, которая пригодна лишь для кочмы. Кроме овец, теленгиты разводят домашних яманов (козлов), которых туземцы считают более продуктивными для хозяйства, так как козёл выносливее овцы, редко подвергается болезням и даёт больше шерсти, а яманушка (коза), кроме того, даёт молоко, употребляемое теленгитами в пищу. Овцы нуждаются для своих пастбищ в ровных площадях, которых в Чолушманской долине очень мало. Вот почему в скотоводческом хозяйстве теленгитов довольно большое место занимает яман. Из шерсти яманов и овец теленгиты вырабатывают кочму (войлок).

Выработка кочмы обычно происходит на поляне возле юрты. Работают по преимуществу женщины. По местному суеверию, кочму катают в передней стороне юрты [очевидно, около входных дверей]. Дальний конец кочмы они называют «головой», а ближний – «началом». Голова кочмы направлена всегда к переднему углу юрты. При работе кочмы не разрешают мужчинам подходить и проезжать около «головы», так как, по их мнению, от этого кочма скатывается плохо и будет рваться.

Размер новой кочмы может быть только в величину старой кочмы или меньше её. Если же нужно увеличить размер, то сшивают вместе две старые кочмы. При этом строго следят,

чтобы не было грубого шва, иначе кочма скатывается не ровною. Размер обычного куска кочмы 640 кв. см. (бир кулаш)¹. Подготовка и самый процесс работы происходит таким образом. Предварительно всю шерсть промывают в тёплой воде, а затем прополаскивают в холодной. Когда вымытая шерсть подсохнет, то её теребят, обычно всей семьёй, с детьмиподростками. Затем на старую кочму настилают пышнорастереблённую шерсть, кладут её ровно и в порядке, после чего вспрыскивают водою. Если нужны узоры, то чёрный фон кочмы орнаментируют белыми узорами, а белый – чёрными. Орнаментировка примитивная, но очень своеобразная. Из рисунков на кочмах чаще всего встречаются – тажаур, бараньи рога, крест и разные пятна, близко напоминающие зверей. Грамотные орнаментируют кочму буквами своего имени и фамилии. Этот момент работы вызывает среди работающих большое оживление. Многие предлагают неудачные рисунки, чем вызывают благодушный смех. После наложения узоров шерсть вторично вспрыскивают тёплой водой, точнее говоря – смесью воды с сывороткой, получающейся от выкуривания молочного вина. Этим заканчивается подготовительная работа. Дальше всё это накатывают вместе со старою кочмою на шест и туго перевивают верёвкою. После того уже приступают к самому катанию кочмы.

Кочму катают две-три женщины и больше, сидя на коленях. Катают локтями, предварительно каждый раз ударяя кочму ладонями рук. Этот однообразный процесс работы длится долго – от двух до восьми часов. Для выработки двухметровой кочмы требуется более двух часов, а для большой кочмы — шесть часов и более. Скорость работы находится в зависимости от количества рабочей силы. Иногда при катании кочмы принимают участие в работе мужчины, а дети обязательно. Если во время катки кочма высохнет, то её развёртывают и обливают сывороткой, после чего снова катают. Сыворотка в данном случае имеет, по объяснении теленгитов, значение скрепляющего шерсть средства. Кочму потом сушат, и она идёт в употребление. По словам теленгитов, из 16 кг. хорошей

¹ bir kulas.

шерсти выходит кочма длиною 213 см., шириною 150 см., и толщиною в один сантиметр.

В скотоводческом быту кочма употребляется для сёдел. служит постелью, заменяет ковры, постилаемые в юрте. Кочмой же покрывают самую юрту, и шьют из неё чулки. Почти вся кочма идёт на собственные нужды семьи. Только небольшой излишек раньше продавали тубаларам – туземцам, живущим на северо-западной стороне Телецкого озера. По условиям своей местности, они не имеют овец и шерсти. Тубалары шьют себе из кочмы шубы, покрывая их грубою материею, и шапки. В настоящее время (1927 г.) кочма совершенно не пролаётся.

По своему качеству она имеет два сорта. Два метра высшего сорта стоили от 7 до 10 руб. кочма, вырабатываемая теленгитами, считается значительно хуже по качеству, чем русская кочма. Это обстоятельство объясняется, как уровнем техники при выработке кочмы теленгитами, так и свойствами местной шерсти. Если шерсть снята весною и на катку затрачено большое количество времени, тогда кочма бывает очень крепкою; а если шерсть снята летом, и катана мало, то получается плохая кочма. Годная только под седло и на зимние чулки. Ввиду этого, теленгитам приходится сберегать специально для кочмы весеннюю шерсть, как лучшую.

Из готовой кочмы теленгиты делают себе особые коврики, называемые по местному «чердэк» 1 . Но это последнее производство наблюдается большею частью только среди зажиточных, у которых много шерсти. Чердэк делают так: две женщины берут три или четыре кочмы и кладут их одну на другую. Из угла в угол (по диагонали) делают толстой иголкой швы, из которых на кочме получается фигура креста или, точнее, двух секущихся линий. Параллельно с этими линиями прошивают другие, но только нитками другого цвета. К этим основным линиям орнамента прибавляют геометрические фигуры, напоминающие собою бараньи рога, по местному: κ улдж a^2 .

¹ cerdek, serdek. ² kulja.

Чердэк теленгитами заимствован от казахов, живущих в Кош-Агаческой долине. Коврики эти очень нарядны, прочны и заменяют туземцам чаще всего перину для спанья. Каждая семья готовит чердэк только для себя. В исключительных случаях его можно купить, но лишь за высокую цену. Особых специалистов по шитью чердэка у теленгитов нет.

Примечание

Взято из рукописи 1927 г. № 90 (ИАЭ 133), из серии «Материалы экспедиции Улалинского ОПУ».

ТКАЦКОЕ ПРОИЗВОДСТВО У ШОРЦЕВ

Шорцы с незапамятных времён вырабатывают холст из конопли. Когда конопля поспеет, её выдёргивают с корнем, вяжут в пучки и ставят под крышу в сухое место. Высохшую молотят палками. Семя (тарамаш¹) провевают берестяными коробушками (саргаш²), поджаривают на огне и, смешав с талканом, едят. Другой пищи из семян они не умеют приготовлять, почему и семена конопли ценят мало; для них в конопле важнее пенька.

Стебли конопли шорцы не мочат в воде и не мнут на мялках, как это делается у русских. Когда стебли высохнут, они ломают каждую дудку (стебель) по средине, и оставшееся в изломе волокно сдирают руками. Вяжут в пучки (тудам³). Процесс этой работы они называют: кендір сойорга⁴, «сдирание конопли».

Потом волокна сращивают одно с другим в одну общую нитку. При сращивании концы волокон смачивают слюной, смягчают зубами и немного закручивают большим и указательным пальцами. Срощенные волокна сматывают в круглую трубочку и кладут в берестяную коробушку (улан кендір⁵). Эта работа у шорцев называется: кендір улапча⁶, «соединение конопли». Вслед за этой работой следует пряжа ниток – кендір ірча⁷.

Прядут коноплю веретеном (iaк⁸), имеющем на одном конце круглый и плоский камень (орчик пажы⁹), а также косой разрез для задерживания нитки. Веретено приводится в дви-

¹ taramas.

² sargas.

³ tudam.

⁴ kendir sojorga.

⁵ ulan kendir.

⁶ kendir ulapca.

⁷ kendir iirca.

⁸ iaek.

⁹ orcьk pazь.

жение ладонью правой руки об оголённую ляжку, а пальцами левой руки в это время придерживается нитка. Закручивается нитка слева направо. При прядении соединённые волокна пропускаются через колечко или через крючок, которые прикрепляются к потолку или к стене.

Клубков из ниток туземцы не делают. Вся пряжа у них остаётся на веретенах, которых скопляется очень много. Каменный кружок переносится с одного веретена на другое. С веретён непосредственно пряжа сматывается в основу (кендір чугурча 1), на колья, которые вбиваются в стену внутри дома или на улице в снеге. Основа имеет 850 см. в окружности; эта величина её постоянная.

Основу потом белят, для чего её кладут в котёл с водой и берёзовой или осиновой золой (кул тобук²), и варят от двух до трёх дней. После варки основу промывают на реке в чистой воле.

Параллельно с приготовлением ниток для основы приготовляются также и мотки для челнока. Вся работа по заготовке ниток у шорцев производится зимой, а весною они начинают ткать на особом ткацком станке.

Части ткацкого станка:

- 1) Адарга³ две равные доски, соединённые деревянными гвоздями. Длина каждой доски 50 см., ширина 12 см.; расстояние между досками 10 см. Эта часть ткацкого станка разъединяет нижний ряд ниток от верхнего. (Ценовные доски).
- 2) Паскычак 4 плоская палочка 54 см. длиною, с выемкой посредине на одной стороне. Этой палочкой придавливают нитки во время тканья.
- 3) Кузу-агаш⁵ круглая палка с дырочками на концах. К ней прикрепляются ниточки.
- 4) Аіран азагы деревянные развилки 26 см. длины, которые одним своим концом вставляются в дырочки кузуагажы; служат опорою для основы.

³ adarga. ⁴ paskьсак.

¹ kendir cugurca. ² kyl tobuk.

⁵ kyzy agas.

- 5) Кылыш² деревянный большой нож (меч), 61 см. длины. Острым краем ножа придавливают нитки утока с челнока.
 - 6) Челнок заменяется простою тонкою палочкою.

Примечание

Взято из рукописи 1918 г. № 139 (ИАЭ 77). С. 79–81, что повторено в той же рукописи на С. 38–40 и в черновой рукописи 1916 г. № 43 (ИАЭ 40). С. 129–134. Ниже мы приводим дополнения из рукописи № 127. 1915 г. С. 74-78 (ИАЭ 73).

Шорцы на р. Кондоме сеют коноплю маленькими загончиками (очук³) на старом пепелище, на старом назме, а также в острожьях. Прежде всего избранное место выжигают, и только потом копают землю неглубоко, абылом – взрыхляют. Разрыхлив абылом землю, бросают в неё семена конопли и вновь взрыхляют деревянными граблями. Засеянный загон огораживают.

Не интересуясь семенами конопли, шорцы снимают – выдёргивают с корнем стебли конопли, как только поспеет волокно. Выдерганные стебли вяжут в пучки и ставят их под крышу или под навес. Закончив все полевые работы, семена (тарамаш⁴) конопли вымолачивают палками, подостлав кожу или свои халаты. Просевают с помощью саргаша, поджаривают в железном котле и, смешав с ячменным толокном, едят.

Волокно обрабатывается таким образом. Стебли в воде не мочат и не мнут на мялках, а сдирают со стеблей или дудок (шобек⁵) волокно руками. Для этого стебель ломают на середине его длины, отставшее в изломе волокно отдирают пальцами руки и вяжут в пучки (тудам⁶). Эта работа зовётся: кендір сојорга⁷, сдирание волокна. Ободранные стебли идут на постройку собачьих конур, для подстилки при входе в жильё и для покрытия крыш.

¹ ajraan azagь. ² kыlьs.

³ ocuk.

⁴ taramas.

⁵ søbek.

⁶ tudam.

⁷ kendir sojorga.

Дальше следует сращение волокон, кендір улапча. Концы двух волокон соединяют, место их соединения смачивают слюною и немного закручивают большим и указательным пальцами. Соединённые таким образом волокна складывают в круглую трубочку (улан кендір¹). Прядение или кручение, сканье волокна, кендір ірча, производится с помощью веретена. (№ 127).

¹ ulan kendir.

УХОД ЗА РЕБЁНКОМ

Новорождённого ребенка туго завёртывают с руками и ногами в какое-нибудь мягкое тряпьё и с неделю после рождения кладут его на что-нибудь мягкое – на кочму или на старую одежду. Спустя неделю его уже начинают класть в люльку (клыбель).

Люлька представляет собою ящик без крышки и без стенки на одном из своих концов. Если смотреть на этот ящик со стороны дна, то он имеет форму трапеции, у которой короткие параллельные линии и большая высота. Боковая стенка отсутствует у ног ребёнка. В стенку ящика, которая находится у головы ребёнка, ввинчивается кольцо и к нему привязывается верёвка. Эту сторону с кольцом слегка приподнимают, привязывая её верёвкой к кольцу или гвоздю на потолке избы. Таким образом, люлька остаётся в наклонном положении по отношению к полу, под углом градусов 25. Та сторона, у которой находится голова ребёнка, висит в воздухе, а тот конец люльки, у которого ноги, лежит на полу.

На дно люльки кладут или кочемку или старый шабуришко (верхнюю одежду), а на него расстилают старое тряпьё. На это тряпьё кладут ребёнка на спину, ногами вниз по наклону люльки, а головою вверх, и выдающимися из под него полами тряпья запаживают ребёнка; чтобы ребёнок не скатывался вниз, в середину люльки вбивают колышек, который приходится между ног лежащего ребёнка. Затем ребёнка слегка привязывают верёвками к люльке. Всё это препятствует ребёнку скатиться с люльки. Сверху люльку покрывают овчиною, чтобы ребёнку не было холодно.

Оттягивая верёвку, за которую привязана к потолку люлька — то в ту, то в другую сторону, приподнятый конец люльки заставляют описывать в воздухе полукруги взад и вперёд. Нижний, лежащий на полу конец люльки трётся в это время на одном и том же месте пола. Благодаря такому качанию люльки, верхняя часть туловища ребёнка совершает большое движение, а нижняя почти не движется.

Когда туземцы уходят всей семьёй на пашню или на покос, то описанную люльку уносят с собою.

Примечание

Взято из рукописи 1916/17 г. № 42 (ИАЭ 39). С. 51–53, «Шорцы». Заимствуем дополнения из рукописи 1914 г. № 127.

В улусе Ачаевском новорождённое дитя обмывают, одевают в рубашку и кладут в люльку. В люльке подстилают пелёнки из тряпок от старого белья или из войлока, которыми и завёртывают ребёнка. Спеленатого ребёнка обвязывают ремешками, один конец которых прикреплён к нижней доске люльки. Ребёнок в люльке всегда лежит на спине. Задняя часть его остаётся непокрытою пелёнками-тряпками. Под неё кладут пучок конского волоса, чтобы свободно проходила моча, которая потом стекает в деревянный желобок, а из него на пол, у задней части люльки. Желобок имеет форму крюка, нижняя длинная часть которого просовывается через поперечную заднюю доску-стенку колыбели, а верхняя загнутая часть укрепляется между ногами ребёнка. Таким образом голени ребёнка всегда разъединены и не подопревают. Два раза в день ребёнка очищают от его кала - обтирают тряпкой или обмывают тёплой водой. Размеры люльки: длина 80 см., ширина 12 см., вышина 13 см.

Грудью мать кормит ребёнка всякий раз, как только он запищит. При кормлении мать берёт ребёнка вместе с люлькой и кладёт её на свои колени.

Местные термины: люлька – пежик, реzik, стенки люльки – кабырha, gabьгga, дуга над головою ребёнка – азаhы, аzagь, стенка из шкуры в головной части – теггі, нижняя доска - тўбў, tyby, ремень с бляшками – карлык, karlьk, желобок для стока мочи – смек, simek, покров из кочмы – капаhы, kapagь, пучок конских волос – кыл, кыl, пелёнки – чўрак, сurek, подвязки для пеленания – карлыны, karlьgь.

СПОСОБЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ НА АЛТАЕ

Соответственно разнообразным путям сообщения, в Алтае существуют и разные способы передвижения. По Чуйскому тракту, как более устроенному, передвигаются большею частью на таратайках – двухколёсных тележках, запряжённых в одну лошадь. Эти таратайки, типичные для горного Алтая, служат для передвижения грузов, товаров, идущих в Монголию и обратно; ими редко пользуются пассажиры, потому что – насколько они легки и удобны для товаров, настолько неудобны для пассажиров: у них площадка для сидения имеет наклон назад. Вследствие этого пассажиру приходится при сидении иметь также наклонное положение. Это одно неудобство. Второе – таратайки очень трясски, и при быстрой езде скоро утомляют пассажира. Насмешливо местные жители называют их «алтайским аэропланами». За последнее время (писано в 1921 г.) с появлением Чуйского тракта, таратайки с каждым годов увеиливаются в числе, но одновременно видоизменяются в своей форме: теперь они устраиваются с барьерами по бокам.

По тому же Чуйскому тракту можно видеть передвижение на обычных телегах с пологим сиденьем. Но телеги встречаются сравнительно мало, так как местные условия — горы, камни, броды по речкам — не подходят для такого экипажа. С другой стороны, иметь черырёхколёсную телегу для жителя горного Алтая не экономно, потому что вместо двух колёс порче подвергаются четыре, а цена колёс и шин для обывателя имеет большое значение в хозяйстве.

Третий экипаж, которым пользуются для передвижения на Алтае – это тележка на железном ходу (с железными осями) с плетёным кузовом, «коробком». Эта тележка носит местное наименование: «коробок». Такую тележку имеют более зажиточные обыватели Алтая, преимущественно русские. Ею пользуются туристы и должностные лица при своих передвижениях. Она удобна для сиденья, в ней легко помещается багаж и даже небольшой груз, который привязывается назади или же у

ног ямщика. В такую тележку почти всегда запрягают пару лошадей. (Ямшик сидит на козлах).

Но наиболее употребительным способом передвижения на всём Алтае является верховая езда. К ней особенно хорошо приспособились местные туземцы. Они ездят верхом артистически, усвоив себе своеобразную манеру езды, отличную от европейской. Ойрот при езде рысью и в карьер не отделяется от седла, как европеец, который при езде рысью припрыгивает в седле. Ойрот сидит в седле крепко, впившись всем корпусом. Этому много способствуют искривлённые от постоянной езды верхом его ноги – они плотно прилегают к бокам лошади, тогда как у европейца они свободно висят, низко опущенные. Ойрот любит ездить верхом, он всегда предпочитает верховую езду передвижению в экипаже. Верховую лошадь он называет своими «крыльями»: ат кіжінін канады¹.

Свою лошадку, маленькую ростом, с тупыми копытами, но шуструю, он седлает в хорошо убранное седло, типичное по своей форме. Впрочем, на Алтае употребляются седла различной формы. В собственном смысле слова алтайское седло имеет везде одну и ту же форму: задняя и передняя лука одинаковые, седалище с ровной выемкой, не приспособленной к сиденью человека. Непривычного всадника такое седло очень утомляет, потому что оно давит главным образом переднюю часть и пахи, а также площадь седалища. Такого типа седло самое распространённое в Алтае. Каждый ойрот мужчина имеет своё собственное седло, а женщина своё отдельное с украшениями – с кистями на подфее и покрывалом (попоной). бытовые традиции и суеверия не допускают, чтобы женщина ездила в мужском седле, так как женщина считается поганым существом (пі ар кіжі, пыртакту-кіжі). В крайней необходимости женщине разрешается ехать в седле мужчины, но только после этого седло освящается, для чего его окуривают горящим можжевельником (арчын была аластап jaт²).

В ближайшее к нам время (писано в 1921 г.) на Алтае появились нового типа сёдла, которые известны по имени первого их мастера – «Барандаковские». Мастер Барандак жил

¹ at kizinin kanadь. ² arсьп bьla alastap jat.

на р. Ише около Паспаула. Сёдла Барандака несколько тяжелее обычного алтайского седла, но с удобным для всадника сиденьем. Оно вполне устраняет все неудобства алтайского седла и считается в Алтае теперь лучшим видом седла. Барандак умер, но после его смерти туземец Иван Прокопьевич Гуркин и Иван Данилович Зяблицкий, жители с. Оноса на притоке р. Катуни, продолжают его дело.

Но самым ценным и красивым седлом на Алтае считается Чуйское седло. Оно имеет украшения в виде серебряной насечки из геометрических фигур — на передней и задней луке, на стременах, на подфее. Сиденье у этих сёдел сходны с сиденьем Барандаковского седла. Очевидно Барандаков подражал именно Чуйскому седлу. Чуйские сёдла имеются только у богатых туземцев. Их приобретают у соседних монголов и сойотов, у которых кузнечное ремесло вообще, выделка сёдел в частности — сильно развиты. Сёдла Чуйского типа в Алтае не вырабатываются, но по р. Чарышу некоторые мастера делают на своих сёдлах насечки красною медью в виде тоненьких красивых полосок, в чём нельзя не видеть подражания Чуйским сёдлам.

В южном Алтае, по р.р. Бухтарме, Архыту встречаются сёдла киргизские, приобретаемые русскими и туземцами у казахов, кочующих на южном Алтае. Киргизское седло украшается точно также, как и Чуйское. Отличительная особенность его та, что передняя лука у него высокая и острая – конусообразная.

Сёдла тубаларов (туба-кіжі¹) заимствованы у алтай-кіжі, но имеют бедную отделку и оправу. Кумандинцы усвоили форму степного русского седла, но они украшают чапрак медными тонким пластинками и медными бляхами русского производства, что и отличает их от сёдел соседей. У шорцев замечается полное отсутствие каких-нибудь установившихся, общепринятых форм седла. Шорское седло поражает примитивностью своего устройства: у них нет подушки, а вместо неё постилается старый халат; стремена часто бывают деревянные, согнутые из черёмухового дерева; подпруги не кожаные или волосяны, а сделаны из плоских конопляных верёвок. Всё

¹ tuba kizi.

шорское седло в целом сделано неумело, непрочно и без всякой претензии на красоту.

Способы передвижения по водным путям в горном и Кузнецком Алтае одни и те же – лодки и плоты. В горном Алтае, где реки отличаются быстротою своего течения и имеют много порогов, лодкою пользуются только в самых необходимых случаях – при переправах с одного берега на другой, да и то с большой опасностью для жизни. Переехать в лодке через быструю и глубокую реку Катунь может только опытный и сильный гребец. Туземцы на Алтае не имеют хороших лодок. Туземная лодка представляет собою выдолбленное толстое и длинное бревно, без развода, вследствие чего она при малейшем движении на воде вертится. За последнее время здесь появляются лодки обычного русского типа из тонких досок, но и они плохо гарантируют пловца от несчастных случаев на бурных реках Алтая.

В Кузнецкой тайге пользуются лодками не только для переезда с одного берега реки на другой, но и для перевозки грузов – хлеба, орехов, пушнины, и притом на довольно большие расстояния, километров 200 и боле в одном направлении. Реки здесь значительно спокойнее и неглубокие. По ним плавают в обычных туземных лодках с помощью длинных шестов, которыми упираются гребцы и делают на лодке в час километров пять против воды, а по течению реки от 8 до 12 км. в час. Впрочем, скорость движения зависит от уровня воды в реке.

Другим водным способом передвижения в Алтае является передвижение на плотах (сал¹) и плотиках. Плоты в Алтае – очень обычное явление. Города снабжаются дровами и строевым лесом исключительно на плотах. Зимою заготовляют лес, а в апреле и мае, с наступлением навигации, сплавляют его по рекам с окраин Алтая. Из центра Алтая лес сплавлять нельзя – по причине речных порогов и подводных камней. Пригодны для сплава плотов только низовья некоторых рек: Бии, Катуни, Томи, Кондомы и др.

В более широких размерах пользуются на Алтае плотиками. Это плот небольшого размера, состоящий из двух, трёх, четырёх, а иногда и более мелких лесин, связанных между

¹ sal.

собою или верёвкой, или скрученными прутьями. Такие плотики заменяют собою лодку. В горном Алтае их можно встретить на мелких речках и озёрах; в Кузнецкой тайге – почти на всех речках. Рыбаки употребляют плотики вместо лодок, на них же сплавляют небольшие грузы и делают перекочёвку вниз по течению реки целыми семействами со всем домашним скарбом.

Пароходного движения на Алтае вообще нет, кроме Телецкого озера. Туда лет десять тому назад (писано в 1921 г.) завезён маленький пароходик (мотор), который перевозит пассажиров и в барже небольшие грузы с Артубаша на Кырсай, с северо-западной части озера на южную. Весь рейс парохода, во всю длину озера, простирается на 73 км.

Гораздо в больших размерах пользуются в Алтае способами передвижения на санях. Зима даёт удобные пути сообщения по рекам. Ойроты пользуются обычно очень простою формою саней, так называемыми «дровнями», что собственно означает: сани для возки дров. Они отличаются отсутствием отводин. Встречаются, впрочем, и сани боле усовершенствованной формы – с отводами, иногда перевитыми верёвкой.

Русские на Алтае имеют «кошовки» — сани с высокой спинкой, с обитыми шкурой или кошмой стенками. Подражание кошовкам встречается и у туземцев. Имеются ещё на Алтае так называемые «храсла» и салазки обычного типа, на которых перевозят лёгкую кладь и катаются дети.

Для перевозки брёвен из лесу домой летом и зимой в Алтае пользуются так называемыми «тасками» больших размеров. Это две оглобли с закруглением назади и с толстой перекладиной. На перекладину кладут бревно, привязывают его верёвкой, и задний конец бревна тащится по земле. Отсюда и наименование: «таски».

Кумандинцы и жители Тарабы ездят зимою в обычных санях с кузовом из тонких досок. Кузов имеет продолговатую узкую форму – в виде гроба. Такие сани удобны для перевозки зерна и других вещей, но мало удобны для пассажиров. Встречаются у кумандинцев ещё и щёгольские санки с кузовом, обитым жестью, со спинкою, украшенною резным орнаментом, на высоких копыльях. С наружной стороны стенки саней раскрашивают геометрическими фигурами. Чуйские

купцы, кроме обычных экипажей, имели в своё время зимние и летние повозки (возки, род кареты). Для горных дорог они неудобны, слишком тяжелы, и в последние годы исчезают.

Примечание

Взято из рукописи 1921 г. № 48 (ИАЭ 86). С. 208–228, из серии: «Лекции по Алтаеведению на рабфаке».

ОДЕЖДА И ОБУВЬ ОЙРОТОВ

Национально-племенные традиции до сих пор неизменно сохраняются среди туземцев Алтая. Каждое племя, занимая в Алтае сравнительно не большую территорию, удерживает свои собственные формы, как в одежде, так и в обуви. Только там, где свила себе гнездо русская культура и идеология магометанского мира, только там наблюдается смесь костюмов, или полная замена национальных костюмов новыми. Мужчины легче поддаются постороннему влиянию, женщины остаются более консервативными.

Настоящая статья касается национальной одежды и обуви тех туземцев, которые живут около Чемала. Они принадлежат к племенам алтай-кіжі или ойрот-кіжі.

Их костюмы чрезвычайно древни и имеют большое распространение среди других племён Азии и отчасти востока Европы. Так, например, женский безрукавный костюм (чегедек¹) и барашковая шапка колпаком (кураан порук²) до настоящего времени встречаются среди монгольских племён: халха, дюрбют, бурят, а также у астраханских калмыков и у живущих по притокам реки Енисея качинцев, сагаев, сойотов и других; т. е. как раз у тех народов, которые некогда входили в состав могучего Ойротского Союза, а в дальнейшем – в Калмыцкое Дзюнгарское царство. Сами туземцы Алтая свою старину относят к глубокой древности и говорят о ней так: «всё так же было и при Ойроте», Ойрот тужунда андый болгон³.

І. Мужская одежда

Одежда мужчин состоит из рубахи (чамча⁴), сишитой большею частью из дабы или из дешёвого ситца. Рубаха имеет

² kuraan peryk.

4 camca

cegedek.

³ Ojrot tuzubda andыj bolgon.

широкие рукава, косой ворот [грудной разрез] и оловянную пуговицу, которая пришита для украшения, потому что никогда не застёгивается. Короткие штаны (штан¹), сшиты из дабы же или тёмной материи, с прочным волосяным шнуром (ычкыр²) около талии. Чем виднее из под короткой рубахи этот шнур, тем считается красивее. В жаркие дни рубашка снимается.

Поверх рубашки надевается при случае халат (чекмек³) из нанки или дабы, а иногда и из сукна, с широкими в плечах рукавами и большим отложным воротником красного цвета, реже синего или тёмного. Рукава, полы и подол халата обшиваются каймой иного цвета по сравнению с основной материей. Полы запахиваются слева на право. Этот способ одевания костюма практикуется потому, что так удобнее доставать в дороге трубку, кисет, которые хранятся за пазухой. Халат всегда носят с поясом (кур⁴) из синей, коричневой или чёрной материи, которым обвивают стан два раза, укрепляя его простым узлом спереди.

Шубы (тон⁵) ойроты носят простые и дорогие (некей). Простая шуба шьётся из овчин, т. е. из овечьей шкуры, вырабатываемой самостоятельно каждой семьей. Для выработки употребляется особый состав, в который входят – отруби, квашеное молоко и селезёнка недавно убитого животного. Овчины не дубят, как это делают русские, а оставляют мездру в её естественной окраске, беловатой. Шубу ойроты шьют широкую, длинную, с просторными рукавами, украшая её, как и халат, каймой из плиса, парчи или же из конской кожи, шерстью вверх. Пуговица пришивается только одна – у воротника; ею туземцы пользуются только в зимние холода. Воротник на шубе делается из шкурки ягнёнка или же из шкурки лисицы, выдры, колонка и др. зверей. Довольно редко можно встретить шубу такого типа, крытую тёмной материей.

Богатая шуба (некей) шьётся из одноцветных, тщательно подобранных мерлушек, с роскошным воротником из меха

¹ ьstan.
² ьскъг.

³³ cekmek.

⁴ kur.

⁵ ton.

лисицы, выдры или рыси. Шуба эта покрывается цветным бархатом или шёлковой материей, часто с восточными рисунками, которую ойроты в своё время приобретали в северной Монголии у китайских торговцев. Покрой этой шубы один и тот же с обыкновенной шубой. Надевают её в торжественных случаях — на жертвоприношениях (камлании), на свадьбах (той¹), когда едут в гости, а также при встрече почётного лица, например, зайсана.

При шубе всегда бывает опояска обычного типа, из цветной материи. При отсутствии кисета, в опояску иногда завёртывают табак и другие мелкие вещи.

Зимою и летом ойроты носят одну и ту же шубу. В жаркое время дня, при езде, ойрот спускает шубу с плеч; с наступлением вечера, когда в горах температура значительно понижается, он её снова надевает на плечи. Ночью шуба ойроту часто заменяет одеяло и даже самую постель. От постоянной носки шуба делается грязной и имеет много паразитов (піт²), против которых ойроты ведут борьбу таким способом: вешают шубу на дерево около юрты, где она и висит несколько недель.

В Чемальском районе, кроме указанных двух видов шуб, встречаются в виде исключения ещё -1) доха (іазы³) из шкуры местного горного козла (элік⁴), шерстью вверх. Доху носят только зимой:

- 2) Шуба из буйнинных (iepeн) шкур, привозимых с юга Алтая;
- 3) Шубу (некей) из меха соболя, лисицы, с воротником из куницы, выдры, лисицы или соболя, с большими блестящими пуговицами, пришитыми у воротника с правой стороны.

Довольно редко можно ещё встретить короткую до колен куртку из материи, с карманами наружу. Эта куртка древнего покроя; в настоящее время она среди ойротов исчезает.

Непременною принадлежностью ойротского костюма является нож (пычак 5) со стальным лезвием и ножны (кын 6) из

² pit.

¹ toj.

³ jazь.

⁴ elik.

⁵ рьсак.

⁶ kьп.

тонкого дерева, иногда покрытые кожей с выдавленным не ней геометрическими рисунками. Нож – первое орудие ойрота. За отсутствием других рабочих инструментов, он ножом делает решительно всё, а во время обеда ловко и тщательно обрезает кости от мяса, направляя кусочки мяса, с помощью ножа же, к себе в рот. Нож всегда носят на поясе. Другою необходимою принадлежностью взрослого ойрота является трубка (кангза¹) и вазообразный кожаный кисет (калта²) с тиснёным орнаментом.

Национальные шапки ойротов: 1) куран-порук³ – высокая шапка, напоминающая своей формой женский русский ко-кошник, из чёрной мерлушки, со вшитым зелёным или красным кружком на середине и двумя лентами назади. Носится в торжественных случаях.

2) Суру-порук⁴ – пирогообразная шапка, обычно с сужением внизу. Шьют её из разного материала – из простой мерлушки, из лапок выдры, лисицы или же из цветной шёлковой материи. Оторачивают парчой или полоской дорогого меха, с разноцветной шёлковой кисточкой на макушке.

У ойрота, строго придерживающегося национальных традиций, из под шапки всегда свешивается коса (кедигі 5), иногда с привязанным к ней длинным шнуром и шёлковой кисточкой (чачак 6).

Все ойроты мужчины и женщины, а также и дети в Чемальском районе носят кожаную обувь (одук⁷). Материалом для обуви служат – кожа, лапки животных. Кожу для обуви они вырабатывают сами, а некоторые отдают русским кожевникам, живущим на Алтае. Кожа для обуви употребляется двух сортов: простая (тере⁸) и пулгайры⁹ – высший сорт, чёрная и красная, с вытесненными искусно узкими клеточками.

¹ kanza.

² kalta.

³ kuraan-peryk.

⁴ syry-peryk.

⁵ kedege, kejege.

⁶ cacak.

⁷ ødyk.

⁸ tere.

⁹ pulgajrь.

Обувь из пулгайры очень изящная и нарядная. Но оба сорта кожи не отличаются крепостью и скоро изнашиваются. Специалистов сапожников у ойротов нет. Обувь шьют женщины, хозяйки юрты. Хорошая шитница обуви носит у ойротов особое название: мастерица, ус-кіжі, us-кіzі.

Обувь ойротки шьют суровыми нитками из конопли $(\kappa e + \pi i p^1)$, а для прочности шьют жилами $(\tau a + \pi i p^2)$ дикого козла и марала. Орудиями для шитья служат: шило (шебегей³), иголка (iне 4) и обычный нож (пычак 5). Есть выкройки, сделанные из дерева (одук кезерге агаш⁶), но нет колодок.

Чарки (одук) – полуботинки с широкими голенищами, без каблуков, с узким носком, шьются из обыкновенной кожи. Носят их зимою и летом. Праздничною обувью служат такие же чарки из мереженной кожи пулгайры, с продольным швом на передке. Кисы или пычкак одук⁷ – те же чарки из лапок горного козла или марала, а иногда жеребёнка, красиво подобранных. Носят их исключительно зимой. Ойротам они заменяют валенную обувь пимы, но гораздо практичнее последних.

Наши чулки и онучки ойротам не известны. Для своей обуви они шьют особые чулки из войлока, которые выше колен обшиваются цветною материею и орнаментируются швами из ниток. Иногда вместо чулок ойроты обвёртывают ноги мягкой травой из рода осоки (азагат или онгрот 8), которая даёт достаточно тепла; ноги в такой траве не потеют.

II. Женская одежда

Женская одежда сложнее и изящнее, чем мужская: 1) чекпен или терлік 9 – летний халат. Его носят женщины-ойроты поверх рубахи. Чекпен шьётся из китайки, дабы и других материй, преимущественно синего цвета. Он имеет широкие ру-

¹ kendir.

² tamьr. ³ sebegej.

⁴ ine.

рьсак.

odyk kezerge agas.

рьсак өдүк.

azagat, onrot.

cepken, terlik.

кава, отороченные парчой или без оторочки, с хлястиками у оконечностей рук. Грудь халата также оторочена в несколько полосок или парчой или другой материей. Левая пола у пояса имеет поперечный разрез, характерный вообще для женского костюма у ойротов. Параллельно оторочке на груди привешивается несколько изящных больших пуговок красного цвета (туйгакту топчы¹). Ойроты их покупают у китайских торговцев и уверют, что они приготовляются из конского копыта. Они совершенно мягкие, как резина. Халат имеет широкий воротник, спускающийся на плечи и спину. Он простёгивается суровыми нитками в виде геометрических фигур, а у богатых – разноцветными шерстяными нитками и шёлком. На этом халате носят обычную матерчатую опояску.

2) Чегедек² – бузрукавная женская одежда, похожая своим покроем на обычный корсет. Шьётся в талию, внизу ниже колен падает широкими складками; назади имеет разрез, как у сюртука. Края чегедека у пол, у плеч и у разреза назади обшиваются широким разноцветным позументом в три полосы, напоминающим своими красками цвета радуги. Чегедек шьют из ценной материи – бархата, манчестера, цветного шёлка. Одевают его на халат или меховую шубу.

Чегедек может носить только замужняя женщина с момента брачного обряда, когда ей заплетают две косы. Вдовы и девушки чегедека не носят. По существующему обычаю, женщина в присутствии посторонних лиц, а также старших лиц из родственников мужа, обязаны быть в чегедеке. Отступление от этого обычая считается нарушением приличия. Чегедек не даёт тепла. Он придаёт особый тон и своеобразную красоту всему женскому костюму. Ойротка выглядит особенно красивой, когда она в чегедеке едет верхом на лошади.

3) Тон³ – шуба. У бедных шуба шьётся из овчины, у бога-

тых из дорогого меха – лисицы, колонка, рыси и тщательно подобранных мерлушек. Шуба всегда с воротником из выдры, лисицы, рыси и др. Своим покроем женская шуба во всём похожа на мужскую, кроме одной детали, а именно: у женской шубы грудь обшивается полосками парчи и оторачивается

¹ tujgaktu topсь. ² cegedek. ³ ton.

дорогим мехом. Кроме того, левая пола имеет поперечный прорез, такой же, какой мы видели у женского халата. Шубу носят с опояской из цветной материи. На груди у неё привешивается несколько больших красных пуговиц. Женские шубы кроют плисом, манчестером, бархатом и китайским шёлком, а некоторые делают из простых белых овчин местной выработки.

Шубу ойротки носят зимою и летом. Впрочем, летом носят только в торжественных случаях — на свадьбе, при камлании и когда едут в гости к своим родственникам. Летом в шубе, конечно, жарко, но ойротки пренебрегают собственным удобством и терпеливо выполняют установившиеся общественные традиции.

Головные уборы женщин

Платков и шалей на голове ойротки никогда не носят. Их головной убор состоит прежде всего из шапок – покроя, одинакового с мужскими шапками куран-порук и суру-порук. Кроме того, они носят ещё шапку, стеженую из ткани. Шапкастеженка имеет пирогообразную форму, состоит из пяти равных клиньев, прошитых параллельными строчками в виде треугольников. Внизу по краям шапку обшивают цветной лентой. Чтобы дорожки на шапке были более заметны, в промежутки между швами набивают шерсть.

По существующей традиции, замужняя женщина носит две косы, девушки – три, пять и семь кос. У замужней женщины концы кос должны спускаться ниже пояса, и, если природная длина косы этого не дозволяет, то помогают искусственно – пришивая к косам шнуры из конской гривы или шерсти. Косы соединяются между собою несколькими вязками из пуговиц, корольков, раковинок (йіламаш — змеиные головки), которые лежат назади полукругом, а у франтих покрывают всю спину как бы панцирем, который при малейшем движении шумит и гремит. К концу кос привязывают также ключи от ящиков и специальные металлические пластинки с загибами на концах.

¹ jьlamas.

Серьги (сырга¹) употребляются большею частью медные из проволоки или оловянные с белым птичьим пушком. За неимением металлических серег, девушки носят в своих ушах засушенную сарану (дикую лилию) с мешочком, в котором закупорены плоды.

К добавочным частям женской одежды принадлежит металлическая подвязка, прикрепляемая ремешком к опояске. На ней висят ключи от ящиков и маленькие вазообразные мешочки, в которых хранятся в засохшем виде детские пуповины (киндык²). По числу этих мешочков можно определить число детей у каждой данной матери. Мать хорошо знает пуповину каждого своего ребёнка. Когда она выдаёт свою дочь замуж, то отдаёт ей и её пуповину, которая у ойротов имеет значение талисмана. Передача пуповины дочери происходит в то время, когда дочь готовится быть матерью.

У ойротов почти все женщины курят табак (тамкы³), до замужества – украдкою, а после выхода замуж – открыто. Каждая ойротка имеет при себе трубку (тангза⁴), обычное огниво (отук) и довольно изящный вазообразный, с украшениями из связок бисера и кисточек, кожаный кисет (калта⁵). Трубку женщины носят за пазухой, а кисет и огниво с металлическими подвесками нанизывают на опояску.

Рубашку, штаны и обувь ойротки носят одинакового покроя с мужскими.

Национальные костюмы вытесняются костюмами русского сибиряка, в частности, пиджаком. В Чемальском районе мы встречаем уже довольно большую пестроту в костюмах, а в местах, где туземцы более обрусели – полное исчезновение прежнего национального костюма. Тут туземную обувь заменяют сапоги, ботинки, чарки, резиновые галоши; шубы, халаты и чегедеки заменяются пальто немецкого покроя, пиджа-ками, брюками, юбками (йіпке 6), кофтами, платьями. Женскую шапку заменяет шляпа, платок и шаль. Из всех перечис-

¹ sьrga.
² kindik.
³ tamkь.

⁴ tanza.

⁵ kalta.

⁶ iipke.

ленных русских костюмов одна только кофта переделана ойротками по своему и представляет большое уклонение от обычной русской кофты, но она встречается сравнительно редко.

Специальной детской одежды, особого покроя, у ойротов нет. Мальчики и девочки до 5-летнего возраста, а иногда и старше летом ходят большею частью голыми или только в рубашке. Зимою им шьют тёплую одежду обычного покроя. Для детей старшего возраста как летние, так и зимние костюмы настолько одинаковы, что девочку можно отличить от мальчика только по серьгам и косам, если у ней заплетена не одна коса, а несколько.

Примечание

Взято из рукописи 1926 г. № 94 (ИАЭ 137). С. 4–13. «Одежда алтайцев». Эта же статья повторена в рукописи № 133. С. 31–45.

ОДЕЖДА ТУБОВ

Повседневная одежда туземцев племени тубов состоит из обыкновенной чёрной юбки с каймой и чистой приличной кофточки русского покроя, расшитой иногда на груди лентами из цветной материи. На шею обычно надеваются бусы. Руки унизаны серебряными и медными кольцами. Голова тубаларки покрыта красным цветным платком или же шапкой из тёмной ткани, реже из шкурок. На ногах рыночные сапоги или же кожаные обутки с холщёвыми голенищами; эти обутки тубаларки шьют сами из сыромятной кожи.

Праздничный костюм тубаларки резко отличается от повседневного. Поверх обыкновенного костюма она надевает так называемый чегедек — костюм, заимствованный тубаларами от соседнего племени ойротов. На чегедек надевается расшитый бисером и белыми пуговицами воротничок (нагрудник).

С чегедеком тубаларки носят шапку особого покроя – куран порук. Замужние женщины носят две косы, девушки в возрасте невесты – одну длинную косу по-русски, а маленькие девочки свои волосы стригут. В косы тубаларки вплетают раковины (ужовки) тиламаш, а иногда серебряные и старинные деньги. В верховьях реки Иши можно встретить женщин, которые носят подвески на косах и на поясе с ключами. Уши тубаларки украшают большими серебряными серьгами.

Описанный женский костюм заимствован тубаларами от ойротов и русских. Из рассказов самих тубов видно, что их национальный женский костюм состоял из длинной рубашки, штанов, обуток с холщёвыми голенищами, из холщёвой шапочки и войлочного халата, покрытого холщёвой материей. Этот костюм можно и теперь встретить среди бедного населения.

Обычный костюм мужчины-туба состоит из холщёвой рубашки или же из рубахи, сшитой из дешёвого рыночного ситца, и из грубых толстых штанов. На голове шапка из про-

¹ cegedek.

стой материи, редко из меха зверя. Форма шапок различна. Летом многие носят рыночный кожаный картуз. Волосы носят в скобку по-мещански, и только некоторые имеют косы. Верхнее платье туба составляет короткий до колен армяк из грубого конопляного холста, а зимой он носит такой же формы армяк, подшитый снизу войлоком. Этот костюм и нужно признать национальным костюмом тубаларов.

Более состоятельные тубы давно заменили весь свой национальный костюм одеждою русского крестьянинасибиряка — самодельною, а некоторые даже и рыночною, включая до пиджака.

Примечание

Взято из рукописи № 133. С. 44–46.

ОДЕЖДА ТЕЛЕУТОВ

Телеуты или теленеты в настоящее время (писано в 1914-1915 г.) живут разрозненно: часть их живёт в Кузнецком и Бийском уездах, часть около гор. Томска. Расселившись с давних пор по разным местам, все телеуты считают своею родиною Кузнецкие степи по р.р. Большой, Малой Бачат. От этих рек они и слывут: пајат-кіжі¹, т. е. Бачатский человек. Связь телеутов с Бачатом настолько велика, то её не могут порвать ни дальность расстояния, ни вековая обособленность. До сих пор телеуты, живущие за 500 км., на Алтае по рекам Сема и Чарга, считают себя в близком родстве с жителями по р. Бачату, и почти ежегодно ездят друг к другу в гости. Приехавший гость старается побывать в каждом доме, вследствие чего и поездка затягивается до двух месяцев.

Телеуты живут теперь оседло и усвоили две культуры: земледельческую русскую и туркестанскую – от кучумовских татар, киргизов и оседлых узбеков-торговцев. Ислам оставил яркие следы на костюмах телеутов. Одежда их изящная и дорогая; она резко отличается от одежды других племён Алтая.

Одежду телеутов нужно подразделить на праздничную и будничную. Профессиональных индивидуальных одежд у них нет. Праздничная отличается от будничной своей ценностью и подбором красок; будничная одежда скромна, но не лишена некоторого изящества, особенно женская одежда.

К своей национальной одежде телеуты относятся очень бережно и стараются скопить её возможно больше. Некоторые имеют очень большие излишки одежды. Один раз в году, в петровку [конец июня и начало июля], вся одежда вынимается из ящиков и просушивается на солнце.

Мужская одежда: рубаха кунек² шьётся длинною до колен из ситца разных цветов или из льняного самотканого холста. Холст покупают у русских. У богатых телеутов встречают ру-

175

¹ pajat kizi. ² kynek.

бахи из шёлковой материи. Мужская рубаха имеет два различных покроя: 1) с низким воротником и с разрезом на левой стороне (эленчілу ака¹). Воротник и грудной разрез обшиваются по краю цветным гайтаном (шнурком). Этот покрой рубахи считается старинным. 2) Рубаха с отложным воротником и прямым разрезом на середине груди (калбак акалу²). Под мышки той и другой рубахи вшиваются ластовки (кіштек³). Рубаху телеуты носят без пояса.

Штаны (штан⁴) телеуты шьют из фабричной ткани. Покрой один с одеждою русских крестьян. Низики [кальсоны] из тика или из белого холста носят только зажиточные. Пуговиц у штанов нет, их заменяет шерстяная верёвка (ычкыр⁵).

Елен⁶ – лёгкий халат до колен, с прямой спинкой и с узкими рукавами, с двумя карманами по бокам. Носят вместо пиджака. По словам телеутов, елен заимствован ими от казанских татар.

Каптал⁷ – суконный кафтан тёмного цвета. Покрой его обычный, с плисовым воротником шалью; полы запахиваются слева направо. Праздничный кафтан шьют из более дорогой материи. Носят каптал с кушаком и без кушака. Кушаки у телеутов ситцевые и шёлковые.

Сырмал 8 – тот же каптал, только стеженый (стёганный).

 Toh^9 — шуба. Шьётся из овчин, из отборных мерлушек и из шкур дорогих зверей — рыси (шулузун 10), хорька, лисьих лапок, волка, колонка и белки. Покрой соответствует елену или сырмалу. Полы, карманы и рукава шуб окаймляются шкуркою выдры.

¹ elencily jaka. ² kalbak jakalu.

³ kistek.

⁴ ьstan.

ьскыг.

jelen.

kaptal.

sьrmal.

ton.

¹⁰ sylyzun.

Шапки телеуты носят различные: 1) чабак-порук¹, верхняя часть которой представляет собою продолговатый мешок с квадратною макушкой из сукна. Околыш шапки из мерлушки полукруглой формы. Чабак-порук шьётся с ушами и с подкладкою из мерлушки.

- 2) Суген-порук² шапка-татарка, вся суконная, с узкой опушкой из шкурки колонка, выдры, бобра или простой мерлушки.
 - 3) Кулакту-порук³ шапка с наушниками, малахай.

Летом телеуты носят картузы и базарные шляпы.

Обуви своей телеуты не сохранили и пользуются сапогами, пимами (валенками), чарками русской работы.

Женская одежда: кунек⁴ – длинная рубаха из ситца тёмного цвета или коричневого, синего, бордового, жёлтого, красного, белого. Рисунки на ткани рубах преобладают в виде клеточек и цветов. Рубаха шьётся в длину роста, с разрезом на середине груди до пояса, с орнаментированным прямым воротником, с пятью или семью пуговицами – стеклянными $(мончок топчы^5)$, серебряными круглыми (кумуш топчы⁶), красными из копыта (туігак топчы⁷), красными же цилиндрической формы (шур топчы 8), красными каменными шлифованными (кыдай шару топчы 9) и др. Пуговицы покупают в русских лавках, от проезжих цыган и от чуйских торговцев, а старинные серебряные пуговицы покупали раньше в Барнауле в ташкентских лавках. Рукава и подол рубахи снизу обшивают узкой лентой – для красоты. Под мышками вставляют ластовки (киштек¹⁰). Рубаху носят с шерстяным поясом разных цветов. Поясья покупают на базаре, иногда приготовляют и сами.

¹ cabak-peruk.

² sygen- peruk.

³ kulaktu-peruk.

⁴ kynek.

⁵ moncok topсь.

⁶ kymys toрсь.

⁷ tujgak toрсь.

⁸ sur topсь.
⁹ kьdaj suru topсь.

¹⁰ kistek.

Iелен¹ − ташкентский халат, который надевается сверху рубахи в летнее время. По покрою женские іелен одинаков с мужским.

Сырмал² – стеженый халат из верблюжьей шерсти. Носят его осенью, раннею весной и зимой. На полах и рукавах имеются зигзагообразные рисунки (змейке³). Ворот и полы обшиваются плисом.

Купаіка⁴ – безрукавная, стёганная в квадратики фуфайка до колен, с одной пуговицей на середине полы. Полы запахиваются слева направо.

Тон⁵ – шуба из овчин, крытая тёмною материей, иногда красным сукном. Полы, края подола и рукавов оторочены полоской из шкурки выдры. Воротник плисовый (кілін⁶). Покрой одинаков с мужскою шубою. Имеет одну пуговицу, запахивается слева направо; носят с кушаком и без кушака. За последнее время (писано в 1914 г.) шубу стали шить в форме іелена.

Праздничный женский костюм

Тоштокту кунек⁷ – рубаха шёлковая или сатиновая разных цветов. Воротник прямой, из парчи; разрез вдоль груди до пояса. Грудь около разреза покрывается красным сукном (карабезін8), на котором имеются украшения: 1) полоски из золочёной нитки (мешку⁹), 2) парча обыкновенная вершковая (алтын¹⁰), 3) удлинённые квадратики (акча¹¹), число которых бывает различное: 12-15 и более. Против каждого такого квадратика пришиты круглые серебряные пуговицы разной величины. Число пуговиц соответствует числу квадратиков.

¹ jelen. ² sъrmal.

6 kilin.

³ zmejke.

⁴ kupajka.

⁵ ton.

⁷ tostokty kynek.

⁸ karabezin.

⁹ mesky.

¹⁰ altьn.

¹¹ akca.

Пришиваются пуговицы на левой стороне против квадратиков, а петли делаются рядом с квадратиками.

Чімек¹ — верхний шёлковый халат. Покрой его одинаков с женским сырмалом. Подкладка ситцевая. По краям всего халата с внутренней стороны нашита вершковая тесьма (адым²). Воротник шалью и украшается сукном с узорчатым позументом и нитками в таком порядке: 1) еек, нитка кручёная, 2) мешку, 3) алтын. На конце воротника, ниже груди, по паре шёлковых кистей на татарском узле (чачак³). Ниже кистей две полоски (шулбу⁴) с пугавицами и петлёй. Чімек носят невесты и свахи на свадьбе, при совершении обряда моргуду, morgydy.

Женские головные уборы

Платок (плаат⁵) завязывается на затылке, концы опускаются за спину; бывают разного цвета. Зимою носят большие пуховые платки и гарусные шали. Кроме платков телеутки носят шапки трёх видов: 1) кіш-порук⁶ – шапка с околышем из собольей шкуры. Верх шапки имеет форму мешка и шьётся из красного сукна, орнаментируется по швам парчой. При ношении верх шапки свешивается на бок. Подкладка в шапке из белой мерлушки. Шапка эта считается старинной. Её носят только женщины и невесты в день своей свадьбы. Эту же шапку надевает шаман или шаманка во время жертвоприношения Ульгеню.

2) Ачкічке-пöрўк⁷ – шапка той же формы с мерлушчатою подкладкою; околыш и верх её из чёрного, зелёного или красного сукна. В отличие от кіш-пöрўка, на этой шапке нет парчовой ленты. Эту шапку носят женщины исключительно зимою. Если нет кіш-пöрўка, то шаман или шаманка иногда камлают в шапке ачкічке-пöрўк, только с красным верхом.

¹ cimek.

² adьm

³ cacak.

⁴ sulbu.

⁵ plaat.

⁶ kis-peruk.

⁷ ackicke-peruk.

3) Тагаја¹ – ермолка. Делается из золотистого бархата, вышита серебром, тип шитья - накладное. На макушке две кисти из кручёного шёлка. За последнее время (писано в 1914/15 г.) телеутки эту шапку перестают носить.

Женские украшения

Устук² – ручные кольца и перстни из серебра и меди. Кольца покупают на базаре, перстни же телеутки большею частью делают сами. Устуки носят как женщины, так и мужчины, равно как и девушки.

Серьги (сырга³) двух видов: 1) Салманчык⁴ имеет форму буквы «Ж», с пятью кисточками из разноцветных бисеринок. В ушах они держатся при помощи проволоки. Эти серьги носят в праздники.

2) Сырга – такой же формы, как и салманчык, только без кистей. Их носят в будни. Сырга делают сами телеуты из олова и серебра.

Пууш⁵ – подвеска к косам, состоит из нескольких плетёных ниток человеческого волоса. Форма пууша похожа на кисть. Волосы для пууша собираются в течение продолжительного времени с гребешка, на котором они остаются после чесания головы. Прикрепляется пууш к косе лентами. На конце кисти нанизываются – бисер, раковины (ылан баш⁶), серебряные монеты. Носят пууш только некоторые девушки, а имеют их почти все.

$Орнаменты (чокур^7) телеутов$

Телеуты орнаментируют свои праздничные и будничные костюмы, одеяла, седельные принадлежности и постельные перины. Орнамент на посуде, на окнах и дверях домов, на печках или совершенно отсутствует, или же заимствован от русских. У бачатских телеутов мы наблюдаем орнамент толь-

¹ tagaja. ² ystyk. ³ sьrga.

⁴ salmanсьk.

jьlan bas.

cokur.

ко одной геометрической формы — соединение параллельных линий, квадратиков и треугольников; редко встречается орнамент из зигзагообразных линий. Замечателен телеутский орнамент по яркости своих красок и по сочетанию их. В расположении красок орнамента наблюдается строгая симметрия, например, яркую краску кладут только после двух или трёх слабых красок и т. п. Материалом для орнамента на костюмах телеутам служат — шёлк разных цветов, бисер, бархат, плис, сукно, мелкий разноцветный перламутр. Этот последний телеуты называют словом: жемчік 1. Ещё для орнаментировки служат — серебряная парча, стеклярус и белая раковина-ужовка (ылан баш 2).

Телеутские ткани

Чепкен 3 – шерстяная грубая ткань для зипунов. Нитки для этой ткани прядут из овечьей шерсти веретеном на ручных прялках (прасле 4). Ткут на краснах (ткацких станках) русского типа.

 $\mbox{Чадыр}^5$ — половик, тканный из кручёных ниток, сделанных из льна, тряпок и шерстяной пряжи.

Ормо или аламыш 6 — толстое полотно в полоску, из крашеной шерсти и льна. Ормо стелют на лавках и ящиках вместо ковров.

Пасма⁷ – набойка на перинных чехлах, сохранившаяся только в немногих семьях. Нужно думать, что набойка заимствована от русских.

Примечание

Взято из рукописи 1914–1915 г. № 41 (ИАЭ 38). В рукописном дневнике 1914 г. № 18. С. 52, читаем:

¹ zemcik.

² ыan bas.

³ cepken.

prasle.

⁵ cadьr.

^б өrmө, alamьs.

⁷ pasma.

У телеутов по р. Чарге смешанные костюмы: меньше национальных алтайских, больше русских. В бассейне р. Чарги алтайцы носят круглую шапку шерстью вверх; мех большею частью белый (52). В улксеЧарга наше внимание, кА и в прошлом году в Бачате, остановилось на национальных костюмах телеутов. Здесь больше, чем в Бачате, сохранилась целость в будничной одежде, и праздничная одежда богаче. Некоторые из практических материальных соображений носят пиджак, рубаху и алтайские сапоги (С. 29.).

ОДЕЖДА ТЕЛЕНГИТОВ ПО РЕКАМ ЧОЛУШМАНУ И БАШКАУСУ

Мужская верхняя зимняя одежда, так называемая тон, приготовляется домашним способом из козьих и овечьих шкур, а также из шкур диких коз, буйнин и эликов; шубы из диких коз предпочитаются, так как они много легче и теплее, хотя и не имеют прочности первых. Летняя верхняя мужская одежда, так называемая яргак¹, изготовляется также домашним способом из шкурок жеребячьих выпоротков или из шкурок диких летних коз, красного цвета. Каптал², который шьют из бумажных или шерстяных тканей, покупаемых теперь (писано, вероятно, в 1927 г.) в кооперативах, не отличается по своему покрою от яргака. Покрой всех названных видов одежды вообще одинаков и более похож на сойотскую одежду, нежели на русскую. Вообще в местном костюме видно сильное подражание одежде сойотов.

Будничная одежда шьётся много короче и без всякой орнаментировки.

Никаких ткацких приборов для приготовления тканей здесь нет. Любимый ныне цвет материй – бурый, красный, синий, чёрный. Цвета жёлтый, белый и зелёный мало употребительны. Китайского шёлка ныне совершенно не видно. Орнаментировка одежды взята, по-видимому, от сойотов.

Рубаха-косоворотка, пиджак, брюки, кальсоны, зипун, шляпы, картузы и сапоги заимствуются от русских. Некоторые женщины ещё носят свою старинную одежду, например, рубаху, распахивающуюся как тужурка, и широкие кальсоны на гашнике [на поясе]. Сверх шубы носят длинную безрукавную одежду, так называемый чеедек³, украшенную иногда галунами. Высокая клинообразная шапка, верхняя часть которой сильно выдаваясь вперёд, затеняет лицо.

¹ jargak.
² kaptal.
³ ceedek.

Теленгиты говорят, что чеедек носят также некоторые племена северной Монголии. Русскую одежду начали носить из теленгитов главным образом молодёжь - потому, что она красива, приобретается в готовом виде и сравнительно недорого.

Полы теленгитских шуб, яргаков и капталов запахиваются всегда справа налево*. Кушак делается из толстого ремня домашнего изделия, длиною около одного метра, с железной пряжкой. Праздничный пояс шьётся из бязи или далимбы русской фабрикации, длиною около трёх метров. За пояс спереди затыкается кисет, изготовленный домашним способом из замши, украшенный цветными лоскутками, которые выкраиваются в форме рогов архара или фигуры луны в первой четверти, и имеют замшевые кисти. На ремне привешено к кушаку огниво – стальное, луновидной формы, вделанное в кожаную сумку, которая украшена медными бляхами. Привешивается к кушаку также и нож – толстый и увесистый, довольно крупного размера, насаженный на рог дикой козы (текэ¹).

Ножи и огнива вырабатываются доморощенными мастерами ус-кіжі². Материалом для них служит лом различных русских изделий – старых подпилков, литовок, чайников, тазов и т. п.; из руды железа никто не вырабатывает, ввиду крайней сложности и трудности этого дела.

Теленгиты носят ещё блузы, пиджаки, рубахи, шаровары - совершенно русского покроя, только несколько просторнее. Штаны носят на гашнике [особом поясе]. Головные уборы различной формы: высокая шляпа-татарка, праздничная обшивается по опушке галуном. Шапка из чёрной мерлушки, очень похожая по форме на украинскую шапку, но гораздо выше. Шапка яба-калгыш с козырьком, с завязывающимися на макушке ушами и длинным клапаном на затылке, изготовляется большею частью из рысьего или лисьего меха, покрывается цветным сукном и шёлковой материей. Будничные шапки не отличаются по своей форме от описанных выше, но изготовляются из дешёвого материала - из разных лоскутьев, остающихся при кройке шуб и капталов. Головные уборы орна-

¹ teke.
² us-kizi.

ментируются: по чёрному полю – жёлтой отделкой, по голубому и бурому полю – чёрною отделкою, в два раза. Такую же отделку кладут на воротник и полы шубы. Некоторые старые теленгитки носят ещё свои войлочные малые шапки.

Примечание

Взято из рукописи 1927 г. № 122 (ИАЭ 43). Подпись под оригиналом гласит: с. Чолушман. Сергей Яковл. Дон-Дук (Никифоров). Сеок тон-жан.

Отмеченное звёздочкой замечание вызывает большие сомнения; возможно, что это простая описка автора Дон-Дука. Почти все сообщения о туземцах Алтая гласят, что свою верхнюю одежду они запахивают слева направо, что весьма обычно и в других местах Сибири.

ОДЕЖДА И ОБУВЬ ШОРЦЕВ

По речным системам Кондомы, Мрассы и Томи, которые охватывают собою районы моих наблюдений, шорцы с давних пор соприкасались с русскими приисковыми рабочими. Кроме того, сами шорцы ходили на заработок по приискам. Это сближение с русскими во многих местах Кузнецкой тайги внесло к шорцам и русскую одежду. Теперь (писано в 1916—1917 г.) шорцы мужчины наполовину носят русский костюм — ситцевую рубаху, штаны, пиджак, картуз, шляпу, летнее пальто, драповое пальто, халат из чёрного сукна с кушаком и сапоги. Обычный костюм женщины: платье с кушаком, на котором подвешивают ключи от ящиков и амбаров.

Женщины покупают на свои платья ситец разных цветов, но особенно любят нанбук чёрный и сатин чёрный же, гладкий. Платки носят пунцовые и «парицкие», шали – кашемирового чёрного, красного и жёлтого цвета. Нижние рубашки женщины не носят. Воротничок и платья женщины иногда расшивают в квадратики гарусными нитками. Эти украшения, нужно полагать, заимствованы у телеутов, потому что они встречаются у шорцев в селениях около гор. Кузнецка – в том районе, где живут по соседству телеуты. В центральных местах тайги я таких украшений не встречал. Обувь у женщин русская – ботинки, иногда с галошами. Вот вся одежда и обувь, которую шорцы позаимствовали от русских и которую они носят по всей Кузнецкой тайге. Но есть у шорцев и национальный костюм, хотя он и не везде сохранился.

Полный национальный костюм можно теперь (1916—1917 г.) встретить у шорцев только в самой глубине тайги. Материалы для своего национального костюма шорцы отчасти вырабатывают сами, отчасти покупают в лавках фабричного производства. Из национальной мужской одежды у шорцев встречаются:

- 1) Рубаха (куунак¹) из грубого конопляного холста, приготовляемого ими самими или купленного у русских, а также из кубовой бязи (таба²). Бязь туземцы покупают в лавках кусками по 650 см. Рубаха шьётся с косым и прямым воротом, который иногда обшивается цветною материею. Застёгивается на пуговицы.
- 2) Штаны (чанбар или штан³) шьются из тех же материалов с онкуром (гачником) из конского волоса или конопляной верёвочи.
- 3) Шабур (шабыр пантак⁴) верхний халат из самотканого конопляного холста, очень ноский. Воротник его, грудь вдоль разреза и иногда нижняя часть пол обшиваются тесьмою (јака⁵), вязанною из синего, красного и жёлтого гаруса или из английской шерсти, с геометрическим рисунком. Запахивается он слева направо и носится с кушаком. Шабур носят также и женщины.
- 4) Шапка (порк 6) шьётся из самотканого конопляного холста или из кубовой бязи. Имеет форму ермолки и похожа на монашескую скуфью.
- 5) Чарки (чарык⁷) шьются из кожи собственной выработки, всегда просторные, потому что ноги обвёртываются вместо чулок и онучек толстым слоем мягкой травы азагат из рода осоки (carex). Чарки подвязываются у колен ремнями.
- 6) Непременною принадлежностью шорского костюма является кожаный или ситцевый кисет (нанчік 8), деревянная с выгнутым чубуком трубка (канза 9), огниво (оттук 16), кремень (отык таш 11) и нож с ножнами (пычак кыны 12).

³ canbar, ьstan.

¹ kyynek.

² taba.

⁴ sьbьг.

⁵ jaka.

⁶ peryk.

⁷ carьk.

⁸ nancьk.

⁹ kanza.

ottyk.

¹¹ отьк tas.

¹² рьсак кьпь.

Женские национальные костюмы шорцев следующие:

- 1) Рубаха (куунак) шьётся из синей бязи в длину всего роста; имеет прямой ворот с разрезом на груди, как и мужской рубахи. Полы для украшения обшиваются лентами из другой материи.
- 2) Штаны (штан²) из синей бязи, немного короче, чем у мужчин, без разреза.
- 3) Халат (пантек) из плиса, манчестера и другой тёмной материи, с подкладом. Грудь украшается раковинами (чыланбаш³), в два ряда или прошивается цветными нитками в виде геометрических фигур. У некоторых халатов прошивка делается на полах и на обшлагах.
- 4) Чарки (чарык⁴) такие же, как и у мужчин. Шьют их женщины.

Детская одежда такая же, как и у взрослых, отличается только размерами. Специально зимней одежды в виде шуб шорцы не имеют. Зимою они пользуются той же самой одеждой, только иногда надевают по два халата, чтобы было теплее. Особой праздничной одежды также нет; её заменяют обычные одежды, только поновее.

В зимнее время шорцы носят рукавицы, вязанные из овечьей шерсти. Живущие близко к племени кумандинцев заимствовали от них шерстяные чулки и кушаки.

Примечание

Взято из рукописи 1916–1917 г. № 43 (ИАЭ 40). С. 125–129. «Шорцы. Материальный быт. Черновая». Та же самая статья в рукописи 1918 г. № 139 (ИАЭ 77). С. 40-44.

Заимствуем некоторые отрывочные сведения об одежде разных племён Алтая из рукописей Архива:

У телеутов по р. Чарге костюмы смешанные: меньше национальных алтайских, больше русских. В бассейне р. Чарги туземцы носят круглую шапку шерстью вверх; мех большею частью белый (Дневник 1914 г. № 18. С. 52).

¹ kyynek.

² bstan.
³ cьlan-bas, jьlan-bas.
⁴ carьk.

Телеуты по р. Бачат (сел. Чолухой) орнаментируют только костюмы и больше ничего. Мотивы орнамента на костюме довольно разнообразны, но преобладает геометрический орнамент. Материалом для орнаментировки служит шёлк, бисер, мелкие дорогие разноцветные камни (шелилуп?¹), парча серебряная, стеклярус разного цвета. Все украшения приготовляют сами телеутки, до вышивки гладью включительно, чем они занимаются зимою. Телеутки избегают украшений зелёного цвета: он, по их признанию, им не к лицу. (Дневник 1913 г. № 61. С. 26).

Туземцы кызаі (кизыльцы), живущие при Усть-Кобырзе, всегда носят на голове платки, вместо шапок. Платком они перетягивают голову подобно портным, чтобы волосы не лезли в глаза. Кизыльцы так ходят и лето, и зиму. (Дневник 1919 г. \mathbb{N} 50. С. 7).

¹ selilyp (?).

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЖИЛИЩА ТЕЛЕНГИТОВ

Настоящее обследование жилищ производилось в нижнем течении реки Чолушмана от Кырсая до Аккудрума. Эта прощадь находится на южном берегу Телецкого озера и тянется приблизительно на 35 км. В данном районе наблюдается четыре типа жилищ: 1) конусообразная юрта, 2) шестигранная деревянная юрта (полу домик), 3) простая русская изба, 4) кочемная юрта.

Строительным материалом для конусообразной юрты служат: сосна, берёза, лиственница и, кроме древесины названных деревьев, ещё кора - лиственничная и берёзовая, наконец, дёрн. Материал этот приготовляется зимою, когда у туземцев бывает больше свободного времени. Кору берёзы, лиственницы, а иногда и сосны сдирают весною – в то время, когда её легче драть. Содранную кору перевозят к месту постройки. Брёвна для юрты перевозят на лошадях, для чего служит особый экипаж – передки или таски (туктэнип). Это две оглобли, имеющие на конце загибы; они напоминают короткие полозья, скреплённые между собою толстою перекладиной. На перекладину кладут конец перевозимого бревна и привязывают тут верёвками, таким образом задняя часть бревна при перевозке всегда тащится по земле. Этот способ перевозки леса практикуется преимущественно в тех местах, где лес берут с гор.

При рубке леса теленгиты пользуются топором и пилой. Когда приходится колоть толстые деревья на две половины, то употребляют особый железный крюк, заимствованный от русских, но одновременно употребляют и обычный деревянный.

Как конусообразные, так и другие свои юрты теленгиты ставят обычно весною, между пахотою и покосом. Только в исключительных случаях, например, при свадьбах — для новобрачных спешно строят юрту также и в другое время года. Место для постройки юрты выбирают непременно около воды. Площадь, где ставится юрта, должна быть сухою, ровною и с твёрдою почвою. Если поверхность площади не ровная, то

её выравнивают при помощи лопаток, и пол будущей юрты утрамбовывают золою, которую предварительно смачивают водою. Теленгиты находят, что зола в данном случае даёт более прочную почву, чем глина и земля. Место для жилья предварительно измеряют. Обычно площадь имеет в окружности 12 м.

Для постройки конусообразной юрты не требуется особых мастеров, так как каждый теленгит умеет сам строить себе жилище. Но семья, при постройке своей юрты, не обходится без посторонней помощи: помогают ей в данном случае родственники или ближайшие соседи. Они работают не за плату, а просто по-соседски. Обычай взаимопомощи у теленгитов вообще очень развит, и он носит характер первобытного коммунизма. Посторонние лица, принимающие участие в постройке юрты, в виде поощрения угощаются арачкой (водкою), мясом, свежею бараниною, вкусным чаем, особо приготовленным талканом, маслом и сметаной. Иногда помогающим лицам дают кочму, кожу или шкуру, но не в виде платы, а в виде подарка.

Богатые теленгиты при постройке юрты устраивают помочь. Эта помочь усвоена от русских. Оканчивается она у теленгитов, как и везде, продолжительною гулянкой, иногда с драками. На постройку конусообразной юрты затрачивается приблизительно три дня. Остов самой юрты состоит из трёх толстых жердей (оэн), имеющих на конце развилку для скрепления. Кроме того, в верху и в середине эти жерди скрепляются ещё гибкою тонкою берёзой. Параллельно с основными жердями, имеющими длину в среднем 4 метра, ставятся такой же длины тонкие жерди. На весь этот остов накладываются слоями или береста, или лиственничная, или сосновая кора – с таким расчётом, чтобы по ним скатывалась вода, не попадая в юрту. Весь этот покров, состоящий из коры, прижимается другими жердями. В верху юрты оставляется небольшое отверстие для дыма (тунук 1).

Дверь (эжик²) юрты делается из толстых пиленых плах и прикрепляется к косякам с помощью железных шарнир. Дверь юрты всегда висит наклонно, и чтобы отворить её, требуется

¹ tynyk.
² ezik.

большое усилие. Скобок у дверей нет: их заменяют железные кольца или ремешок. Дверь обращена к речке или на восток. Теленгиты никогда не устраивают дверь своей юрты на ветер, который в Чолушманской долине дует с юга на север (так называемая «верховка», ой) и с севера на юг (тэрэ¹).

Описанного рода юрты теленгиты называют словом: аланчык или айыл. Юрта подразделяется на четыре части: мужская, женская, передняя (тор²) и задняя. На мужской стороне вдоль стен стоят нары. На нарах ящики и сумы, покрытые кочмой, а у богатых коврами фабричного производства. На женской стороне находится деревянная кровать с постелью из кочмы, с подушками и с одеялами из овчин. За кроватью, по направлению к двери, в юрте стоит разная посуда, мелкая и крупная: продолговатая кадочка (чапчак³) с чегенем, казаны для варки пищи, прибор для выкурки водки, деревянные чашки, тарелки, ковши, чайники и проч., тут смесь национальной посуды с русской, фабричной посуды с кустарной. Тут же и китайские чайные чашки с прекрасной полировкой и типичными буквами китайского алфавита.

Тор – переднюю часть юрты всегда занимает хозяин и хозяйка. Занимать это почётное место тор могут и другие лица, но только по особому приглашению, когда хотят выразить к гостю особое уважение. Тор примыкает к центральной стене юрты, имеет нары с ящиками и покрывалами. Выше этих ящиков прикрепляются к жердям юрты иконы и картины религиозного содержания.

Задняя часть юрты занята дверью, по бокам которой от входа налево лежат дрова, хомут, удила, а по правую сторону — корыто с висящим над ним мешком для отцеживания творога на курут 4 (сушёный сыр).

В центре юрты находится очаг с железным крученым таганом о трёх ножках. На этом тагане теленгиты варят себе пищу, и сами греются кругом огня, сидя по-алтайски на ковре, на шкурах и в лучшем случае на кочмах. В юрте от постоянного огня задерживается дым, который коптит стены и все пред-

_

¹ tere.

² tor.

capcak.

⁴ kurut.

меты. Огонь горит в юрте всегда, без перерыва. Над очагом в юрте протянуты две жерди, которые передней совей частью укреплены на столбе, а заднею в решётке самой юрты. На этих жердях лежит плетень (из древесных ветвей), на котором сушат курут (сыр), иногда летом табак, а также коптят мясо.

В конусообразной юрте живут шесть-семь лет, после чего её бросают, так как она уже начинает гнить и протекать. Когда перекочёвывают на другое место, то от юрты берут только кору, как более ценный строительный материал. Конусообразная юрта служит преимущественно жилищем бедняков. По своему устройству она ничем не отличается от юрт в других местах Алтая.

Вторым типом жилища у теленгитов Чолушманской долины является шестигранная деревянная юрта (агаш-айыл). Она значительно сложнее и требует больше строительного материала и высшей техники. На постройку такой юрты требуются брёвна 22 см. в обрубе. Эти брёвна распиливают пополам. В состав каждого из шести звеньев входит семь-девять брёвен длиною в три метра. Высота звена достигает двух с половиною метров. В углах брёвна скрепляются. К этой деревянной основе надстраивается конусообразная юрта.

Крыши у теленгитов встречаются двух типов. Первая делается точно так же, как и конусообразная юрта. Вторая сложнее. Она делается по принципу стропил*. В ней шесть рядов. Каждый ряд кверху постепенно суживается и имеет от шести до девяти нетолстых брёвен. Брёвна связываются между собою в лапу. Основание такой крыши держится на деревянных крючьях, прилегающих плотно к верхнему слою самой юрты*.

Шестигранная юрта в описываемом районе покрывается корой, берестой, дёрном, а иногда драньём. Крытая дерном крыша напоминает собою черепичную крышу. Кора, береста и драньё сверху придавливаются жердями разной толщины, чтобы не срывал ветер. В верху крыши в юрте делается отверстие — лымник.

Дверь у шестигранной юрты делается из досок и прикрепляется шарнирами. Она не высокая, и проходящему через неё приходится сгибаться. Вместо скобок бывают кольца и ремешки.

Внутреннее устройство шестигранной юрты во всём похоже на устройство конусообразной юрты. Эта юрта чаще всего служит и летником, и зимником. Поэтому некоторые из теленгитов ставят её на моху. Шестигранная юрта заимствована теленгитами у тубов, живущих на северном берегу Телецкого озера. Этот тип жилища, близкий к избе, постепенно перевоспитывает теленгита – из кочевника делает его оседлым жителем.

Третий тип жилища теленгитов - кочемная юрта (киисайыл¹), встречающаяся в Чолушманской долине редко. Это обстоятельство объясняется низким уровнем материального благосостояния местных туземцев. Кочемную юрту имеют только зажиточные хозяева. Она удобна для перекочёвок и гораздо теплее, нежели другие типы местных юрт. Кочемная юрта теленгитов по своей конструкции похожа на монгольскую юрту, а от киргизской она отличается только формою своей крыши. Здесь крыша имеет более острую верхушку, а у казахов приплюснутую. Что касается внутренней обстановки, то здесь мы никакой разницы не наблюдали с обстановкою обычных юрт.

Четвёртым типом жилища теленгитов является простая русская изба (тура 2), заимствованная местными туземцами у русских лет семьдесят тому назад (писано в 1927 г.). Появление избы в Чолушманской долине относится к тому моменту, когда теленгиты окончательно перешли в русское подданство, приблизительно в 60-х годах XIX столетия. Первыми пионерами этих жилищ в Чолушманской долине нужно считать русских ходоков, живших здесь до революции в монастыре.

Теперь некоторые из теленгитов на своих зимниках имеют избу рядом с обычной юртою. Внешний вид избы теленгитской довольно невзрачный. У избы нет карнизов, наличников и почти везде нет крыш. Отсутствие крыш объясняется отдалённостью строительного материала. С другой стороны, теленгиты не видят необходимости в крыше. Они говорят: «Зачем нам крыша, когда зимою не бывает дождей, а летом мы в избе не живём».

195

¹ kijis-аjыl. ² tura.

Особое внимание обращают на себя окна избы — маленькие, с маленькими звеньями часто вместо стёкол забитые у бедняков досками. Крыльца у избы также нет. Вместо ступенек служат простые чурки. Внутри избы имеется печь, сбитая из глины с прямой трубою. Заслонка печи иногда деревянная. У печки есть печурки. Налево от входа, в углу — койка, на которой лежит в беспорядке постель, шубы и другая рухлядь.

Против печки в углу подвешивается ряд икон. Это передний почётный угол. Полок в избе нет; около стен тянутся лавки. На этих лавках не сидят, а складывают на них кухонную посуду. У передней лавки стоит стол и около него скамейка. Палатей в избе нет.

Теленгиты в зимнее время держат в своей избе только самые необходимые вещи, а все прочие оставляют в юрте. Поэтому в избе, в которой живёт теленгит, чувствуется некоторая пустота и не уютность. Воздух в избе не вентилируется, окна не открываются. Часто в избе теленгита можно встретить тараканов, клопов и блох, с которыми они почти не ведут борьбы. Только тараканов иногда вымораживают.

Сами теленгиты об избах говорят так: «В избе мало идёт дров и теплее, чем в юрте».

Примечание

Вязто из рукописи 1927 г. № 100 (ИАЭ). С. 1–14, повторенной в рукописи того же 1927 г. № 81 (ИАЭ 106). С. 3–14, из серии: «Материалы экспедиции Улалинского ОПУ».

Отмеченное звёздочкой сообщение об устройстве крыш основано на явном недоразумении. Второй тип крыши не имеет ничего общего с «принципом стропил». Этот тип крыши аналогичен срубу для стен, а не стропилам. Разница по сравнению со срубом для стен лишь та, что сруб в крыше с каждым его рядом уменьшается в своих размерах: длина каждого из шести дрёвен, составляющих один горизонтальный ряд, делается постепенно всё короче, вследствие чего крыша состоит из шести своеобразных фронтонов. Во всяком случае, я лично в 1927 г. встречал в районе Телецкого озера именно такого устройства крыши, в которых нет никаких стропил, а все шесть сторон состоят из скреплённых в лапу горизонтальных брёвен.

Второе замечание: «Основание такой крыши держится и т. д.» нужно относить не ко второму типу крыши, а к первому, которая повторяет собою устройство конусообразной юрты. Речь идёт о тех деревянных крючьях, которые прежние русские деревенские плотни-

ки называли термином: «курицы». Крючья держат нижний борт крыши, который обычно служит также и водосточным жёлобом.

Скрепление брёвен «в обло» — это рубка брёвен в угол или в чашку, противополагаемая рубке в лапу. Если при рубке в лапу соединяются друг с другом самые концы брёвен, то при рубке в обло соединение перекрещивающихся под углом брёвен происходит на некотором расстоянии от самого конца бревна. Иначе этот вид сруба зовётся ещё: сруб с зауголками.

Заимствуем из той же черновой рукописи 1927 г. № 100 некоторые сведения о жилище тех же самых теленгитов Чолушманской долины:

Дверь делается большею частью на юг или север, потому что с юга и с севера не бывает сильных ветров, тогда как с востока и запада дуют сильные ветры, которые раздувают огонь в очаге и могут произвести пожар в юрте (С. 17). Брёвна шестиугольной юрты распилены вдоль пополам (С. 19). Хозя-ин всегда сидит против двери, а хозяйка на правой стороне. Гости всегда садятся на левую сторону. Кухонные принадлежности лежат в правой стороне, а кровать стоит на левой стороне (С. 39–40).

ЖИЛИЩЕ ТЕЛЕУТОВ

Телеуты с давних пор живут в бревенчатых избах, сделанных по образцу русских изб. Телеуты строят свои избы сами, но иногда приглашают русских плотников. По нашим наблюдениям, у телеутов пять разных типов изб: 1) обыкновенная изба с четырьмя стенами (тура-уі¹), 2) пятистенная изба, 3) крестовая изба, 4) два простых дома, разделяющиеся между собою холодными или тёплыми сенями (удра тедре²) и 5) землянка (ер-уі³).

В землянке живут только бедные телеуты. Остов землянки состоит из четырёх столбов высотою в два метра, а стены из плах. Плахи пришиваются к столбам. Внешняя сторона стен сначала обмазывается глиной, потом обкладывается соломой и пластами дёрна. В землянке бывает обыкновенная русская, битая из глины печка с прямой трубою и окна. Телеуты находят, что землянка очень тёплое помещение.

Избы телеуты покрывают тёсом или драньём, причем две стороны крыши остаются открытыми. Крыша избы делается иногда без стропил, с двумя скатами. Бывают избы и совершенно без крыш.

Обстановка избы у телеутов несколько своеобразная. Против печки у стены в телеутской избе устраивается кровать из крупных досок. Изголовье кровати обращено к стене. Постель (тожок⁴) на кровати составляют: 1) перина из птичьих перьев или из оленьей шерсти. Мешок на перине делается из полосатого тика или набойки; 2) войлок, который стелют поверх перины; 3) стеженое [стёганное] одеяло (кольдоно⁵), одна сторона которого клетчатая (кыімаш⁶). На постели несколько пышных подушек. Над кроватью, со стороны ног, прикрепля-

¹ tura-yj.

² udra-tedre.

³ jer-yj.

⁴ tezek.

⁵ køldene.

⁶ kъjmas.

ется не плотно к потолку занавеска (кожого¹) на палке. Если в доме живут две семьи, то другая кровать устраивается в противоположном углу.

В доме телеута есть полати и два бруса, соединяющиеся между собою под прямым углом у печки. Один брус служит опорой для полатей, другой – складочным местом для белья, платья и других мелких вещей. Последний брус считается почетным местом, и по предметам, находящимся на нём, можно определить степень зажиточности хозяина юрты. Сложенные на брус вещи называются: алкы, аlьк.

По стенам в переднем углу прикрепляются верху длинные шесты, на которых развешивают шкуры зверей, кафтаны, сапоги, ботинки, вожжи и полотенца. В переднем же углу, где у русских устраивается божница, у некрещеных телеутов прибиваются лубочные картинки, разного содержания или плакаты торговых фирм, иногда прибитые вниз головою.

В избе вдоль стен приделываются лавки, на которых ставят ящики, покрытые коврами или самодельным шерстяным полотном. В переднем углу стол обычного типа. Кухонная посуда с самоваром хранится на лавке около печи или на стенной полке (наполко 2).

Избы у телеутов содержаться сравнительно чисто: пол, лавки, косяки еженедельно моются. Окон в бедной избе бывает два, а в богатой более. Створчатых окон у телеутов нет. Воздух в избе бывает тяжёлый.

Дверь избы обращена на восток, на запад или на югозапад. Около избы строится двор (оград³), огороженный изгородью в три жерди, с воротами также из жердей или из пиленого тёса. Ворота часто заменяются «заворами» (собор⁴), т. е. тремя или четырьмя и более короткими жердями, которые концами всовываются между кольями (и по желанию могут быть вынуты в каждый данный момент). Телеуты пешеходы редко пользуются воротами. А чаще перелазят через изгородь. Это не считается предосудительным и для женщин.

køzøgo.napolko.ograd.

Около дома есть ещё другой двор – для скота (чулан¹) у богатых – с отделениями для коров, лошадей, жеребят и овец. Скотный двор строится также из жердей или из высокого плетня, чтобы лучше защитить скот от зимних ветров. Над городьбой скотного двора, с западной стороны, некоторые строят навес (сарай²), покрывая его соломою или сеном.

Почти при каждой избе есть амбар обыкновенного типа и, очень редко, особый навес (абылткы³), куда ставят телеги, сани, сбрую, сохи и бороны.

Прежнее своё жилище – юрту телеуты утеряли бесследно, если не считать кое-гле оставшиеся избушки-летники без печек.

Примечание

Взято из рукописи 1914–1915 г. № 41 (ИАЭ 38). С. 1–4 и 77. «Телеуты. Материальный быт». Заимствуем некоторые дополнения из рукописи 1926 г. № 94 (ИАЭ 137). С. 3-4, что частично повторено и в рукописи № 133, С. 109.

Шесток печки представляет собою деревянный ящик, набитый глиною. Под шестком есть отверстие, куда складывают всякую мелочь и сапожные принадлежности. Около печки сидеть никому не полагается, и поэтому телеуты никогда не делают лавок возле печки. На печи нельзя также спать, нельзя класть на печь шкурки нечистых животных, меховые шапки, рукавички и железную кочергу. Так требуют религиозные запреты, чтобы не оскорблять дух огня от-эне⁴, которого телеуты очень почитают. Печки у них не белят.

В углу северной и западной стены против печи стоит кровать (орын⁵). Над кроватью подвешивается мешок с домашними пенатами – с куклами или идольчиками, которые считаются покровителями семьи. Кровать широкая, на ней кочма или войлок и подушки. Прежде вместо кочмы была пуховая перина, и самая кровать покрывалась изящным одеялом и завешивалась изящною занавеской. Теперь нижняя часть крова-

¹ culan.
² saraj.

³ abыltkь.

ot ene.

ти закрывается занавеской, сшитой из разноцветных лоскутков. Существующие традиции запрещают сидеть около кровати старшему брату мужа и дядям по матери и отцу.

Телеуты к алкы¹ (брусу, который проходит от печи и соединяется с западной стеной; на него кладут наряды, подушки, сундуки, шкатулки) относятся с уважением, и при молитвах просят у своих духов, чтобы алкы была полною имущества.

Полы в домах большею частью не крашеные. Моются они один раз в неделю – с дресвой и ковылём. Стены не белёные, и их также моют два раза в год – под рождество и Пасху. Чистота и порядок в домах телеутов образцовые. У телеутов есть и бани по-белому, в которых некоторые семьи моются по два раза в неделю.

202

¹ alkь.

ЖИЛИЩА ШОРЦЕВ

Шорцы Кузнецкой тайги живут оседло. Их жилища разнообразнее и, как видно из шорских рассказов, они видоизменялись в истории, а за последнее время (писано в 1916–1917 г.) вытесняются русскими постройсками.

Древнейший из сохранившихся в памяти стариков вид шорского жилища назывался: уу¹. Стены его состояли из ряда кольев, на которых лежал плоский потолок квадратной формы. Как стены, так и потолок покрывались сначала берестою, а потом дёрном. В потолке, около дымника, зимою вставлялась тонкая льдинка, которая и заменяла собою окно. Через день льдинка таяла, и тогда её заменяли новой. Эта старинная постройка, в которой шорцы некогда жили зимой и летом, в настоящее время в тайге не встречается.

Её, как рассказывают старики, заменил холодный шалаш, состоящий из квадратного сруба – также с потолком из кольев и без крыши, покрытый со всех сторон берестою, которую придавливали жердями. В шалаше таком живут только летом. Шорцы называют шалаш общим именем всякого жилища: чаілыh, сајІьq.

После описанных уу и чаілыһ шорцы стали строить деревянную юрту, в которой живут и до настоящего времени (1916 г.). Эта юрта встречается в тайге в двух видах, различных как по внутреннему, так и по внешнему устройству.

Первого типа юрту, менее распространённую, строят себе туземцы восточной части Кузнецкой тайги — матурцы. Они называют это своё жилище: кош ööбi², буквально: другое жилище. Оно служит у матурцев добавочным жилищем при обыкновенной избе. Кош ööбi представляет собою квадратный деревянный сруб длиною около 5 метров и вышиною 150 см. Крыша (кольба) юрты куполообразной формы, состоит из тонких коротких брёвен, покрытых берестою и лиственнич-

_

¹ uu.

² kos eebi (?).

ною корою. В середине крыши отверстие для дыма. Дверь в юрте на восточной стороне, досчатая, на железных петлях.

Внутри юрты с трёх сторон широкие лавки – передняя (тöр¹) и две боковые (орым²). Налево от входа стоит на подставке ручная мельница с каменными же жерновами (тербін³). Пол в юрте земляной. Очаг по середине юрты, при нём железный круглый таган и камни, служащие для постановки на них котлов и чайников.

Описанная юрта служит у матурцев для стирки белья, для хранения молока и для варки пищи. В летнее время в ней спят.

На запад от Матура, в районах рек Кондомы и Мрассы, за хребтом Обь-Енисейского водораздела, встречается юрта несколько другого типа. Она состоит также из сруба – пихтового или кедрового. Крыша (ябыіы⁴) юрты здесь двускатная, состоит из стропил, покрытых берестою, колотыми плахами (азыт⁵), а сверху слоем земли. Эта крыша служит одновременно и потолком. В юрте живут зимою и летом те туземцы, у которых нет изб. Когда юрта стоится также и для зимы, то стены её перестилаются мхом; а если только для лета, то строят без моха. Размеры этой юрты такие же, как и у матурцев, только ставится она немного глубже в землю – для того, чтобы в ней было теплее зимою. Дверь юрты досчатая, прорубается всегда на восток у угла правой стены, а не в середине стены, как у матурцев.

Внутри юрты, против входа, у противоположной стены – широкая лавка (тöр⁶); направо и налево около стен также лавки (он орым, сол, орын 7). В углу, направо от входа, мельничные ручные жернова (тербін 8). В верхней части юрты вдоль стен утроены полки (ашкы⁹), а параллельно им тонкие жерди

¹ tor.

² orьm.

³ terbin.

⁴ јаbьјь.

on orьn, sol, ornь.

terbin.

⁹ askь.

(куртуш или кыртыш¹). На полках, которые поближе к очагу, хранится посуда, а дальше – одежда, шкурки, коробушки и мелкие хозяйственные вещи: молоток, долото, ножи, шило и проч. На жердях подвешиваются разные вещи: обувь, халаты, куски мяса, а иногда и рыба.

В описываемой юрте особое внимание обращает на себя очаг. Шорцы называют его различно: шал, кулеі, аімазы², в буквальном переводе: ямка с пеплом, от, т. е. огонь, а иногда: кебе³, собственно лодка. Очаг устанавливается налево от входа, не в центре юрты, как у матурцев, а у передней стены. Очаг состоит из двух толстых колотых плах, приставленных к стене вертикально. Чтобы не загоралась стена, эти плахи обмазываются толстым слоем глины, причём этот слой глины имеет форму жёлоба, откуда, вероятно, и название очага «лодкою».

От потолка, параллельно плахам, свешиваются до половины стены труба, состоящая из переплетённых прутьев, обмазанных также глиною. Труба эта очень походит на рыболовную морду, и называется: суген, собственно: морда, верша. Труба не даёт распространяться дыму по юрте, конечно только в тихую погоду. Там, где горят дрова, настилается тонкий слой глины. Над огнём подвешивается на верёвочке деревянный крючок (аскыш⁴). Вместо казана часто бывает простая рябиновая «рогатина», т. е. развилка. Шорский очаг, таким образом, напоминает собою европейский камин. Зимою труба (шал⁵) после топки закрывается наглухо тряпьём, чтобы было теплее в юрте.

Пол (такта⁶) в описываемой юрте бывает деревянный или глиняный. Деревянный пол шорцы изредка моют, метут же его каждый день маленьким веником. В юрте от дыма всё черно и мрачно.

Все работы, требующие освещения, шорцы выполняют около очага. Ночью, когда погасает огонь, шорцы освещают

¹ kurtus, kьrtьs.

² sal, kylej, ajmak. ³ ot, kebe.

⁴ askьs.

⁵ šal.

⁶ takta.

юрту берестой, которую защемляют в расщепину палочки или между двух щепок. С таким факелом ходят ночью и в свои маленькие амбарчики.

Русская изба (тура, эм, ом или уі¹) встречается в описываемом районе повсеместно. Избы, равно как и амбары, туземцы строят сами — каждый для себя. Плотников-профессионалов у них нет. Только зажиточные приглашают иногда русских плотников. Избы строят на моху, с пазами. Самый нижний «венец» или «окладина» (ряд брёвен, дерлік²) делают из сухого кедра 45 см. в обрубе, обтёсывая его с боков. Завалины вокруг избы не бывает, и эта «окладина» заменяет завалину. На окладине кладут пихтовые брёвна 20 см. в обрубе. Пол и потолок делают из широких колотых, а не пиленых, кедровых же плах. Под потолком одна матка [балка]. На потолок набрасывают земли — для тепла. Самая изба большею частью бывает квадратной формы — около пяти метров длины и ширины, а вышиною 250—300 см.

Крыша (јабу³) всегда двухскатная, с открытыми фронтонами. Стропила крыши покрываются берестою, поверх которой кладут дёрн и сверху дёрна — колотое драньё в два ряда. Весьма редко делают коническую крышу, которую кроют тёсом. Изб без крыши в тайге не встречается. На потолке избы хранят лыжи, нарточки, подвешивают звериные шкурки и траву азагат, которая заменяет портянки для ног и кладётся в обувь.

В избе прорубают три-пять окон (кознек⁴). Наличники и ставни при окнах встречаются весьма редко и только у состоятельных. В окно вставляется одна нестворчатая рама — зимою и летом одинаково. Из экономических соображений рама делается маленькою, с шестью стёклышками, которые иногда имеют одинаковую величину, иногда же два средних стекла больше прочих. Наличники над окнами, где они есть, украшаются резьбою из геометрических фигур, но резьба эта занесена русскими из степей и не имеет ничего общего с туземным орнаментом шорцев.

¹ tura, em, om, uj.

² derlik.

³ jabu.

⁴ køznek.

Дверь в избе всегда прорубается на восток или на юговосток. Около двери устанавливается порог (позого¹), состоящий из двух или трёх коротких брёвнышек, иногда также площадка из длинных плах, сложенных рядом. Плахи эти при ходьбе по ним колышутся. Весьма редко к двери пристраивают открытый навесик (абылзак²). Кладовых около дома не бывает. Подпольями туземцы не пользуются.

Внутри избы, направо от входа стоит печка, сбитая из глины, с прямою трубой. Налево от входа в углу устраивается деревянная кровать, оба конца которой вделаны в стены. На этой кровати валяются подушки, потники и верхняя старая одежда. От печки тянется и упирается в стену брус (алкы³), служащий для поддержки печных стоек. На брусе лежат платки, рубахи, полотенца и другие мелкие вещи. Вдоль стен – широкие лавки, на которых стоят деревянные сундуки с платьем. В переднем углу у крещённых иконы, картины религиозного и светского содержания. Из светских картин чаще встречается изображение охоты англичанина и индейцев на льва и тигра, а также картины военного содержания. Рядом с картинами плакаты и этикетки различных торговых фирм, прибитые часто вверх ногами.

Около печи на лавке лежит чайная посуда, а под лавкой туясья и котелки. В переднем углу стоит стол на четырёх ножках, а около стола несколько низеньких табуреток. Вдоль стен в некоторых избах тянется жердь, на которой подвешиваются халаты, кожаные чарки, опояски и т. п. Пол в избе моется редко. Но за последнее время (писано в 1916 г.) прежнее неряшество постепенно исчезает. Живущие около гор. Кузнецка шорцы в опрятности сравнялись с русскими сибирякамистарожилами и с гордостью называют верховских шорцев неряхами.

Примечание

Взято из черновой рукописи 1916–1917 г. № 43 (ИАЭ 40). С. 139–163. Заимствуем некоторые дополнения из дневника 1915 г. № 127, С. 15 о шорцах по р. Матуру:

207

¹ pozogo. ² jabыzak.

Между Казана (бывший прииск на речке того же имени) и Ачаевским улусом стали попадаться типичные деревянные юрты (ал¹) – квадратные, каждая стена которых состоит ишести-семи тонких пихтовых брёвен, а крыша полуовальная – колпаком, из дранья или из дёрна. У стены, в которой прорублена дверь, налево от входа печка (С. 14). В улусе Челей очаг в юрте против передней стены. Место для очага делают из глины, которую плотно убивают колотушкою. Таган (аскыш²) бывает из черёмухи, тальника или рябины. Поперечных жердей (куртуш³) для посуды, одежды и т. п. в юрте бывает две, четыре или пять (С. 17–18). В улусе Тогум, в летнике пол (такта⁴) деревянный или же глиняный (С. 21).

Из рукописи 1918 г. № 139, С. 53:

К надворным постройкам шорцев нужно отнести ещё тастак – небольшой навес на четырёх столбиках. Он встречается в тайге сравнительно редко - по р.р. Мондыбашу, Мрассе и Кобырзе. Тастак устраивается около жилищ и на пашне. Первый, около жилища, тастак имеет вверху деревянный сруб из тонких бревешек, покрываемый берестою. В него складывают зимою запасы конского мяса и таким путём сохраняют мясо от собак и хищных зверей. Тастак же на пашне вверху вместо сруба имеет два или три больших туяса (улан). В эти туясья ссыпают запасы ячменного зерна, которое и оставляют зимовать, прикрыв сверху берестою и придавив камнем. Никаких запоров у такого хлебохранилища нет.

Из рукописи 1916 г. № 43:

Верховские палатей не делают. Печи бьют не из глины, а из земли, так как глины там нет. Длина печной трубы один метр: выше потолка она прекращается и через крышу не проходит. Длина печи около двух метров, ширина 120 см., вышина около 20 см. Длина окна около 80 см., ширина 55 см.

¹ al.

² askь.

kyrtys.

4 takta.

Термины Окно – кознек, көznek, оконное стекло – кознек таш, шулузун (слюда), көznek tas, опечек (деревянный остов печи) – наhы, падь, пајь, под печи – ішті, ізtі, стена битой из глины печи – кебе, кебеге, kebe, kebege.

О ЖИЛИЩЕ ОЙРОТОВ ПО р. КУЮМУ

Площадь юрты разделяется на несколько частей, из которых каждая часть имеет своё название. Кроме того, с каждою из этих частей соединяются религиозные и иные предания.

Внутренняя площадь юрты представляет собою правильный круг, разрезанный от двери по прямой линии к столбу (чакы¹) на две равные половины – правую (он јаны) и левую (сол іаны²). Исходною точкою для такого деления служит место, где сидит хозяин юрты; оно находится около столба чакы по направлению к середине юрты и к дверям. Таким образом, если войти в юрту, то направо от входа будет левая сторона, а налево от входа - правая сторона. Правую половину юрты всегда занимают мужчины, почему она и называется: мужская сторона – эр јаны³, а левую половину занимают женщины, и она называется: женская сторона – эпши јаны⁴.

По существующей традиции, женщинам запрещается занимать место на мужской стороне. Только хозяйка юрты по домашним делам может проходить и оставаться на мужской половине юрты; но как только закончит работу, и она уходит на свою сторону. Значительно большим правом на женскую половину юрты пользуются мужчины. Дети до пятилетнего возраста свободны от выполнения этих правил. С пяти лет родители начинают своих детей приучать к дисциплине в этом отношении. Теперь девочки остаются всё время на женской стороне, а мальчики – на мужской.

В центре юрты костёр, где почти беспрерывно день и ночь горит огонь.

Самым почётным местом в юрте считается передняя сторона, которая лежит против двери в задней от входа части юрты. Эта почётная часть называется: тор⁵. Она представляет

¹ сакь. ² on janь, sol janь.

³ er janь.

⁴ epsi janь.

собою полукруг, который разделён на две половины столбом чакы. Центральное место на торе всегда занимает хозяин и хозяйка. От хозяина в правую сторону, а от хозяйки в левую идут места для почётных гостей, которыми являются родственники, старшие по возрасту и все те, которым хозяева юрты желают оказать своё внимание. Но своих мест хозяин и хозяйка юрты ни в коем случае никому не уступают, хотя бы их гость был облечён высокою властью. В виде исключения, когда желают оказать гостю особую честь, хозяин или хозяйка юрты предоставляют ему место в торе за своею спиною. Это место считается особенно почётным и высоким, а потому, приглашая гостя садиться на это место, обыкновенно говорят ему: «Садитесь выше», оро оттур¹. Этими же словами выражают иногда и другую мысль – приглашение гостю занять место ближе к хозяину.

Другие места, идущие полукругом от хозяина и хозяйки по направлению к двери, считаются обыкновенными местами (оттын ајагы²). У смой же двери или около стоящего здесь корыта места предназначались для низшего ранга людей (эжик јаны³). Таким образом, как мужская сторона, так и женская имеют по три деления: высшее, среднее и низшее. Знающий традиционные обычаи туземец никогда не сядет, без особого приглашения хозяина, на почётное место в юрте. Напротив, он сядет сначала у порога и только потом, по приглашению хозяина, переходит на более почётное место. Занять почётное место в юрте на торе без приглашения хозяев не имеют права и лица официальные, например, приехавшие сваты во время свадебных обрядов, прибывший в гости с тестю зять и другие родственники. Только русские и случайные подвыпившие гости иногда нарушают эти традиционные обычаи. Хозяева относятся к таким лицам снисходительно. Они знают, что они желают это по невежеству или по глупой фанаберии, а другой вследствие отравления мозга алкоголем.

Тор и место около него устилаются – у бедных берёзовою корою, а у зажиточных – шкурками зверей диких или домашних животных. Всё это заменяет коврики. Оказывая особое

¹ өгө ottur. ² ottыn ајады. ³ ezik janы.

внимание гостю, хозяин постилает иногда для него кошму. Если гость нуждается в отдыхе, то дают ему под голову подушку. Гость может заснуть, не обращая внимания на присутствующих. Ночью все эти места служат местом для спанья младших членов семьи. Хозяин же и хозяйка спят на особо устроенной кровати на женской половине.

В центре юрты находится очаг, в котором почти всегда, и день и ночь, поддерживают огонь.

Примечание

Взято из рукописи 1927 г. № 114 (ИАЭ 65). С. 1–9, где эта статья имеет заглавие: «Название внутренней площади юрты». Заимствуем отрывочные дополнительные сведения из дневника 1915 г. № 65 (ИАЭ 46). С. 11.

На реке Катуни известны три вида жилищ: 1) агаш аил 1 , 2) аланчык, чадыр аил, каза аил 2 , 3) кереге аил 3 , т. е. решётчаная юрта, или кіс аил 4 . Известны здесь ещё русские избы — избушке, тура аил 5 . Агаш аил состоит из четырёх, шести или семи равных звеньев (ујэ 6), длина которого 400—500 см.; вышина равняется шести, семи или восьми рядам колотых пополам сосновых брёвен. Крыша (јаба 7) состоит из нескольких звеньев, по числу звеньев стен юрты. Каждое звено крыши носит название: кыјындар, и состоит из связанных в ряд жердей. На них стелют маленькие жерди (аланчык 8), а на последние кладут лиственничную кору (чорба 9) или бересту (тос или каза 10). Всё это снова придавливают жердями (пазыру 11).

¹ agas ajыl.

² alanсьk, cadьr ajьl, kaza ajьl.

³ kerege ajыl.

⁴ kijis (kiis) ajыl.

⁵ izbuske, tura ajыl.

⁶ yje.

⁷ jaba.

⁸ alanсьk.

⁹ corba.

¹⁰ tos, kaza.

¹¹ pazьru.

Остов аланчыка состоит из трёх толстых жердей (сыран¹), к которым потом прибавляют ещё три, и так до девяти. Каждая тройка кольев ставится в виде козел, стоймя. На эти жерди надевают обручи (карача²) из тонких берёзок, два или три обруча. На эти обручи настилают тонкие жерди (аланчык³) и лиственничное или берёзовое корьё, которое придавливают другими жердями (базыру⁴) (С. 11, где имеются неплохие схематические рисунки).

В с. Барагаш на берегу реки Песчаной крещёные ойроты живут в юртах двух типов: аланчык и агаш азыл⁵, а также в деревянных домах, крытых лиственничною корою. Этот способ крыть крыши раньше мы не наблюдали. У русских в этом же селении имеются огороды, но мало; сеют в огороде капусту, табак, морковь, репу, огурцы. (Из дневника 1914 г. N 18. С. 65).

В верховьях Мкур-Чарги живут комдоши, переехавшие сюда в незапамятные времена, и алтайцы разных сеоков. Комдоши своей юрты агаш аил не имеют, а живут в аланчыках со всею обстановкою алатайца. Костюмы носят также национальные алтайские. Комдоши эти настолько обалтаились, что имеют изображения в переднем углу юрты, чего нет у комдошей, живущих в черни у Телецкого озера. (Из дневника 1914 г. № 18. С. 53).

¹ sьran.

² karaca.

³ alanсьk.

⁴ bazьru.

⁵ agas azыl.

СОСТОЯНИЕ ХОЗЯЙСТВА ЧОЛУШМАНСКОГО ИНТЕРНАТА ШКОЛЫ БЕСПРИЗОРНЫХ

После описанного Чолушманского кожевенного завода, первое место в хозяйстве школьного интерната занимает хлебопашество, которому интернат уделяет самое серьёзное внимание. Расширяя своё хозяйство, интернат стремится улучшить материальное благосостояние бывших беспризорных детей туземцев и одновременно приспособить этих детей к культурному ведению сельского хозяйства. Для всего этого администрация старается ввести более усовершенствованные способы хозяйства. В текущем году (писано в 1927 г.) интернат производит опыт: посеяно два гектара клевера и по четверти гектара кормовой свёклы и турнепса.

Летние дожди в Чолушманской долине большая редкость, обыкновенно же наблюдаются засушливые годы. Для акклиматизации здесь нужны засухоустойчивые культуры. Интернатом отведена под пшеницу большая площадь в 15 гектаров. Овса засеяно 3,5 га. Один гектар засеян ярицей и столько же посажено картофеля. По полгектара засеяно просом, ячменём и горохом. В виде опыта засеян небольшой участок полбы, которая здесь в первые годы мало отличается от пшеницы, а через несколько лет переходит в ячмень*. Хлеб в Чолушманском крае ценится очень дорого, а нужды интерната в хлебе велики.

У интерната заметно определённое стремление – обзавестись культурными сельскохозяйственными орудиями. Пока что имеется несколько плугов системы «Сакко и Буккер», несколько обыкновенных борон и одна борона системы Ораика, дисковая сеялка, куколестборник, сенокосилка, служащая одновременно и жнейкой, и конные грабли.

Вся обработка полей производится силам воспитанников интерната, более старших возрастов. Такие работы, как вспашка паров, посадка картофеля и других овощей, уборка хлеба и сена производится исключительно силами интерната. Только самый сев, происходящий обыкновенно в первых числах апреля, производятся частью руководителями интерната, а частью и наёмной силой. Ребята же в это время заняты учёбой,

которая кончается только 15 мая. Приходится также нанимать двух взрослых рабочих для метки сена в стога.

Уборка хлеба производится в последних числах июля или в первых числах августа. Урожай колеблется от семь-восемь до семь-десять. Доход выражается в 2000 руб. В эту же сумму входят расходы на семена.

Важным культурным начинанием интерната следует считать искусственное орошение: ко всем полям проведены арыки [канавы]. Искусственное орошение вызвано своеобразием Чолушманского климата и почвы. Почва здесь каменистая, только сверху небольшой слой песка, перемешанного с крупной и мелкой галькой и с глиной.

За последние два года администрация интерната большое внимание уделяет огородничеству. В нынешнем (1927) году огород разбит на два небольших участка и засажен огурцами, капустой, дыней, тыквой, свеклой, морковью и редисом. Надо заметить, что дыни в Чолушмане всегда не вызревают. Предполагается, что собранные овощи пойдут на улучшение интернатского стола. К огороду также проведены арыки.

Видное место в хозяйстве интерната занимает также животноводство. В настоящее время имеются – девять рабочих лошадей, четыре кобылицы, один жеребец, 12 коров, из них дойных семь, две свиньи йоркширской породы, 30 простых овец, пять яманов [козлов], десять кур. Приобретён быкпроизводитель сементальской породы. На будущее время предполагается увеличить доход от животноводства путём скрещения разных пород скота и приобретения лучших пород. В порядке дня – приобретение гусей.

Интернат имеет сепаратор и маслобойку. Вырабатывается масло, от которого, правда, дохода пока никакого нет.

Интернату принадлежит ещё вполне оборудованная сапожная мастерская, в которой шьют обувь, например, сандалии.

Примечание

Взято из рукописи 1927 г. № 89 (ИАЭ 132). С. 6–9, из серии «Материалы экспедиции Улалинского ОПУ».

Отмеченное звёздочкой замечание о превращении полбы в ячмень, конечно, принадлежит к числу вымыслов, но оно характеризует туземные взгляды на «диалектику природы» и вместе с тем свидетельствует о быстром вырождении пшеницы на местных почвах.

БЫТ МОЛОДОЙ ЖЕНЫ

Молодая алтайка, только что вышедшая замуж за молодого же алтайца, уже становится хозяйкою и рабою всей семьи. Она не имеет в семье абсолютно никаких прав. В присутствии свёкра она не имеет права носить одежду без рукавов – с голыми руками, равно как и засукать рукава и распускать волосы. При появлении кого-нибудь старшего она должна кланяться до пояса. Муж её считается старшим и начальником семьи, он всё делает один – без согласования со своей женой. Жена выполняет все приказания мужа, всю домашнюю работу, ходит за скотом, готовит обед и т. д., а её муж только что ездит на охоту. Такое взаимоотношение супругов обычное в семье алтайцев. Но отделившись от отца, молодая семья меняет своё поведение – в том смысле, что жене предоставляется больше прав.

Примечание

Взято из рукописи 1927 г., классная тетрадь ученицы VIII-й группы Любови Пановой, под общим заглавием «Краеведение». Статьи в этой тетради вообще слабы и часто не заслуживают доверия. Например, в статье «Мнения алтайцев о происхождении их» сообщается, что они произошли от одной девицы, которая шла и увидела кенгуру и почувствовала себя беременною, после чего от неё произошло большое племя алтайцев. Другие мнения: алтайцы произошли от медведя, от брата и сестры и т. п. (С. 51). Легенда, в которой фигурирует кенгуру, явно взята ученицей Панной из лекций своего учителя – о тотемизме австралийцев.

Из рукописи 1924 г. № 51 (ИАЭ 123) «Телеуты улуса Чарга». С. 32–33, заимствуем следующие сведения:

После выхода замуж девица считается принадлежащею к сеоку (к родовой организации) своего мужа. Это обстоятельство лишает её права присутствовать при жертвоприношениях (устугу 1) в родной семье. Наоборот, зять, хотя он и чужеродец,

¹ ystygy.

приобретает через свою жену право присутствовать при молениях родни своей жены. Замужняя женщина молится уже богам своего мужа, а своих кровных богов, кроме амагандар 1 , навсегда оставляет.

¹ emegender.

ИЗ ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ АРХИВА А. В. АНОХИНА

История этой книги началась почти восемь десятилетий назад. 31 августа 1931 г. скоропостижно скончался этнограф Андрей Викторович Анохин. При жизни Анохину не удалось опубликовать многие свои работы, но экспедиции по Южной Сибири и Северной Монголии сделали его известным знатоком духовной и материальной культуры народов этого региона. Основной исследовательский интерес Анохина был направлен на музыкальную этнографию и изучение шаманизма. Однако за четверть века у него собралось много сведений о материальной культуре народов Южной Сибири. В значительной степени этому способствовали школьные экспедиции 1920-х годов, которыми руководил Анохин.

После смерти исследователя Ойротский областной музей, одним из основателей которого был Анохин, в 1932 г. обратился в Институт по изучению народов СССР, преобразованный затем в Институт этнографии АН СССР, с предложением обработать богатый архив ученого и опубликовать наиболее завершенные работы. С этой целью в феврале 1933 г. архив Анохина был доставлен в Ленинград. Согласно договору между музеями, архив передавался сроком на три года. Первоначально он находился в отделе этнографии народов Сибири Института этнографии АН СССР.

Подготовка материалов архива к публикации велась по трем направлениям: музыкальная этнография, материальная культура и исследования шаманской традиции. Работы по музыкальной этнографии были обработаны и подготовлены к изданию в виде монографии «Музыка Алтае-Саянского нагорья» одним из учеников Анохина музыковедом К.А. Вертковым. Рукописями по шаманизму занималась сотрудник отдела этнографии народов Сибири Н.П. Дыренкова, а за подборку и обработку заметок и статей по материальной культуре взялся заведующий библиотекой института Дмитрий Константинович Зеленин (1878–1954).

К весне 1935 г. Зеленин завершил работу над рукописями Анохина, собрав их в отдельный том и снабдив его обширным

предисловием. Сверку тюркской лексики провел С.Е. Малов, он же перевел тюркские слова на принятую в то время латинскую графику. Чистовой машинописный вариант рукописи был подготовлен в двух экземплярах для передачи в издательство. На титуле значилось «Архив А.В. Анохина. Т. І. Материальное производство ойротов и шорцев» с указанием: «Издание Ойротского государственного музея». Однако книга так и не была опубликована.

Обращение Зеленина к южно-сибирской этнографии на первый взгляд может вызвать удивление. Действительно, Дмитрий Константинович был крупнейшим специалистом по восточнославянской и русской этнографии. Предисловие Зеленина к книге Анохина датировано апрелем 1935 г. Это было не простое время в жизни ученого. 1931 г. в Ленинградском университете была закрыта кафедра этнографии. Лишенный возможности преподавать Зеленин работал в Институте этнографии АН СССР. В январе 1935 г. ему была присвоена ученая степень доктора этнографии. Однако с начала 1930-х годов усилилась критика исследований ученого, в которых изданная в Германии монография «Russische (Ostslavische) Volkskunde» (1927) характеризовалась как «шовинистическая и расистская книга», а сам Зеленин – как «типичный представитель буржуазной этнографии». На период работы над рукописями Анохина пришелся и кратковременный арест Зеленина (январь – март 1934 г.), к счастью не имевший для него дальнейших негативных последствий.

Интерес к сибирской и, в частности, к алтайской этнографии во многом был подготовлен тем широким пониманием этнографической науки, которым руководствовался Зеленин. Этнографические работы ученого, написанные на стыке истории, фольклористики и лингвистики, раскрывают многообразную хозяйственно-бытовую и духовную жизнь народа, семейные и общественные обряды, верования и ритуалы, диалектологические особенности говоров и историю происхождения этносов. Разрабатываемый ученым ретроспективный метод означал типологическое изучение современных явлений, опираясь на которые можно было бы реконструировать прошлые состояния духовной и материальной жизни народа.

Уже в магистерской «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации» (1915) и докторской «Очерки русской мифологии» (1917) диссертациях Зеленина определился его интерес к проблемам взаимодействия

русского населения с соседними народами. Особенно интенсивно это взаимодействие должно было сопровождать процесс колонизации, когда новые природно-географические условия вынуждали славянских переселенцев активнее заимствовать хозяйственную технику и технологии у коренных народов. С целью изучения таких процессов Зеленин летом 1927 г. совершил поездку на Северный Алтай, т. е. один из районов полевых исследований Анохина. Сам Зеленин следующим образом описывал замысел своей экспедиции: «Я изучаю нар[одную] технику вост[очных] славян, и для меня Алтай был любопытен как созданный историей живой эксперимент для разрешения занимающего меня вопроса о влиянии рельефа поверхности на формы нар[одной] техники. На Алтае много в[елико]-р[усских] и укр[аинс-ких] переселенцев – давних и новых. Они прибыли в горную страну с равнин, иные даже из степей. Какая перемена произошла в их технике – землед[едьческой] и иной <...> – вот интересовавший меня вопрос, за разрешением коего я ехал на Алтай.

Разумеется, при изучении в[осточно-] слав[янской] нар[одной] техники меня интересует и взаимное влияние соседей. В данном случае такое влияние со стороны алтайцев на русских могло быть даже сильнее, ибо алтайцы давно приспособились к горному рельефу, который для славянских колонистов является совершенно новым. Вот почему в мою задачу входило также ознакомление с нар[одной] техникой туземцев Алтая – сравнительно с русской»¹. Маршрут экспедиции Зеленина был следующим: он пересек границу Ойротской автономной области в районе р. Куюк, а затем проехал по правому берегу р. Бии практически от ее устья до истока, посетив аилы Алёшкино, Сапожкино, Куреево, Осинники, Салазан, Басток, Чурбашкино, Полушкино, Турочак, Тундошкино, Санькин Аил, Кебезень, Арбыбаш, Какаиха².

Итогом поездки стала публикация статьи Зеленина об эротическом обряде Кочо-кан у верхних кумандинцев (оро куманды), основные данные о котором были собраны в с. Осинники (ныне с. Шунарак Турочакского района Республики Алтай). Это было первое описание обряда Кочо-кан в этнографической литературе, хотя лично Зеленину не удалось присутствовать на обряде, который совершается весной. Спустя полгода после возвращения из экспедиции Зеленин познакомился с рукописями Анохина 1910-х

¹ СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 1. Ед. хр. 510. Л. 261.

² Там же. Л. 274.

годов, хранившимися в Музее антропологии и этнографии и активно использовал приводимые в них данные, работая над своей статьей. Во время пребывания на Алтае Зеленину не довелось встретиться с Анохиным, который в те годы учительствовал в Улале, совершая летние этнографические экскурсии со своими учениками по Южному Алтаю, главным образом, в долину р. Чолушман, а также в район с. Чемал. Сборы по кумандинской этнографии и фольклору в архиве Анохина очень скудны, тем интереснее и ценнее оказались экспедиционные материалы Зеленина. Статья Зеленина была издана в 1928 г. на немецком языке¹. В Ленинграде Зеленин не оставляет сибирскую тематику и в 1930-е годы выходят его фундаментальные труды по сибирской этнографии: «Идеологическое перенесение на диких животных социально-родовой организации людей» (1935), «Идеология сибирского шаманства» (1935), «Культ онгонов в Сибири: пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов» (1936), «Обычай добровольной смерти у примитивных народов» (1937).

Подготовленная Зелениным книга «Материальное производство ойротов и шорцев» хранится в фонде Зеленина в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (Ф. 849. Оп. 1. Л. 5–237). Оригиналы рукописей Анохина находятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ. Ф. 11). При публикации текстов полностью сохранена редакция, последовательность и компоновка текстов, а также примечания, сделанные Зелениным. Единственное изменение касается фамилии Анохина, вынесенной на обложку. Часть публикуемых материалов составляла этнографические сборы школьников – учеников Анохина. Они были собраны под его руководством и им же в большинстве случаев обработаны и отредактированы. Многие тексты учеников имеют прямые параллели с текстами и рукописями самого Анохина, что лишь подчеркивает определяющую роль в их составлении учителя. В примечаниях сохранены и архивные шифры 1930-х годов. Они не соответствуют нынешним шифрам дел в фонде Анохина в МАЭ и переводной таблице, составленной при обработке архива в 1980-е годы. Зеленин, как он сам отмечал в предисловии, пользовался описью архива, составленной после смерти Анохина тогдашним директором Ойротского областного музея А.И. Новиковым.

¹ *Zelenin D.* Ein erotischer Ritus in den Opferungen der altaischen Turken // Internationales Archiv für Ethnographie. 1928., Bd. XXIV. Hf. IV–VI. Leiden.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Зеленин Д.К. А.В. Анохин и его архив	3
Звериный промысел у таёжных туземцев	
Кузнецкого уезда	27
Летняя охота на козлов	
Охотничьи обычаи и поверья у шорцев	
Рыбалка у шорцев	
Скотоводство у шорцев	
Куроводство у туземцев-теленгитов	
Чолушманско долины	63
Примитивное земледелие на Алтае	
Ореховый промысел	
Сбор ягод и хмеля	
Пчеловодство у шорцев	
Пища туземцев Алтая	
Домашняя утварь	
Огонь	
Гончарное производство у шорцев	123
Горные промыслы	
Лесные промыслы	
Дёгтекурение	135
Обработка кожи	
у таёжных туземцев Кузнецкого уезда	139
Чолушманский кожевенный завод	
Выработка кочмы (войлока)	
у теленгитов Чолушманской долины	147
Ткацкое производство у шорцев	151
Уход за ребёнком	155
Способы передвижения на Алтае	157
Одежда и обувь ойротов	163
Одежда тубов	173
Одежда телеутов	175
Одежда теленгитов	
по рекам Чолушману и Башкаусу	183
Одежда и обувь шорцев	
Национальные жилища теленгитов	
Жилище телеутов	199

Жилище шорцев	203
О жилище ойротов по р. Куюму	211
Состояние хозяйства	
Чолушманского интерната школы беспризорных	215
Быт молодой жены	217
<i>Малинов А.В.</i> Из истории публикации	
архива А.В. Анохина	219